Валё Пер, Шёвалль Май

Подозревается в убийстве

(Убийство полицейского)

I

Она пришла на остановку заблаговременно. Автобус будет не раньше, чем через полчаса. Тридцать минут в жизни человека — не так уж много. К тому же она привыкла ждать. Она думала о том, что приготовить на обед. И о своей внешности. Она старалась следить за собой.

Но ей не суждено было дождаться автобуса. Ей осталось жить только двадцать семь минут.

Что сказать о ее внешности? Стоит на обочине женщина лет сорока, довольно высокая, крепкая, прямые ноги, широкие бедра; полнеющая, что она всячески старается скрыть. Одежда диктовалась модой, даже в ущерб удобству. В этот ветреный осенний день на ней было длинное, расклешенное ярко-зеленое пальто, нейлоновые чулки, коричневые лакированные сапожки на платформе. На левом плече висела квадратная сумочка с большим латунным замком — тоже коричневая, как и замшевые перчатки. Светлые волосы опрыснуты лаком, на лицо умело наложена косметика.

Она заметила машину лишь после того, как та остановилась.

— Подвезти? — спросил водитель.

— Ага… — Она словно растерялась. — Подвези. Не рассчитывала тебя встретить. Собиралась ехать на автобусе.

— Я знал, что застану тебя здесь, — объяснил он. — И мне по пути. Ну, живей.

Живей… Сколько секунд понадобилось ей, чтобы занять место рядом с водителем? Живей… Он с места развил большую скорость.

Она держала сумочку на коленях — чуть настороженная, удивленная, слегка озадаченная. Поглядела на водителя, но его внимание как будто было сосредоточено на дороге.

Он свернул с шоссе направо. Почти сразу последовал еще один поворот, потом еще. Дорога становилась все хуже.

— Ты что задумал? — Она испуганно хихикнула.

— Дело есть.

— Где?

— Здесь. — Он затормозил.

На мху впереди запечатлелись следы его собственной машины. Свежие следы.

— Вон там, — кивнул он. — За дровами. Хорошее место.

Он вылез, обошел вокруг машины, открыл ей дверцу. Опираясь на него, она сняла пальто. И аккуратно положила на сиденье рядом с сумочкой.

— Пошли.

Голос его звучал спокойно, но он не взял ее за руку, а медленно направился к дровам. Она пошла за ним.

За штабелем ветра не было, пригревало солнце. Громко жужжали мухи, пахло зеленью. Словно лето и не кончалось.

— Сними блузку, — велел он.

— Сейчас, — смущенно ответила она.

Она замерла с блузкой в руке, не зная, куда ее деть. Он взял у нее блузку и тихо положил на край штабеля.

Только тут она подняла взгляд и увидела его глаза. Глаза, полные отвращения, ненависти, вожделения.

Она не успела вскрикнуть. Да это и не помогло бы. Он знал, какое место выбирать. Он поднял руки, стиснул ее шею сильными загорелыми пальцами и стал душить. Ее затылок уперся в бревна, и она подумала: «Мои волосы».

Это была ее последняя мысль. Она упала, раздетая, на душистый ясменник и прошлогоднюю листву.

Он подождал с минуту, дыхание стало нормальным, сердце перестало отчаянно колотиться.

За штабелем громоздился бурелом, память об осеннем урагане шестьдесят восьмого года, дальше начинались густые посадки ели в рост человека.

Нелегко было тащить ее среди поваленных стволов и вывороченных корней, но он не спешил. В гуще ельника была яма, наполненная желтой от глины водой. Он свалил ее в яму. Вернулся к машине и взял зеленое пальто. Поразмыслил, как быть с сумочкой. Потом взял с бревен блузку, обернул ею сумочку и отнес все к яме. Яркий цвет пальто бросался в глаза, поэтому он взял толстый сук и постарался затолкать все вещи поглубже в яму. Затем около четверти часа собирал лапник и мох. И тщательно накрыл ими яму, чтобы случайные прохожие даже не подозревали о ее существовании.

Несколько минут изучал результаты своих трудов, кое-что поправил и наконец остался доволен. Пожал плечами и пошел к машине. Достал из багажника ветошь, вытер сапоги, бросил ее на землю. Она лежала на виду — мокрая, грязная. Ничего. Ветошь — дело обычное. Она ни о чем не говорит, ничего не доказывает.

Он сел в машину и пустил мотор. По пути он думал о том, что все сошло благополучно и она получила по заслугам.

II

Перед многоквартирным домом на Росюндавеген в Сольне стояла машина, черный «крайслер» с белыми крыльями и крупной белой надписью «Полиция» на дверцах, капоте и багажнике.

Хотя на часах было всего половина девятого и ясный, звездный октябрьский вечер был не таким уж холодным, длинная улица казалась почти безлюдной.

Редкие прохожие с любопытством смотрели на полицейскую машину, но интерес их тотчас угасал, так как вокруг нее ничего не происходило. Двое полицейских сидят и дремлют, только и всего. Однако, если присмотреться к ним поближе, можно было сделать вывод, что они не очень-то похожи на обычных полицейских. Форма в полном порядке, портупея, дубинка, пистолет — все на месте. А отличие заключалось в том, что водителю, тучному мужчине с добродушным лицом и пытливыми глазами, как и его более стройному товарищу, который подпирал плечом стекло дверцы, было лет под пятьдесят. Нижние чины полиции обычно молодые спортивные парни. Если же встречаются исключения, то старшего сопровождает коллега помоложе.

Двое в черно-белом «крайслере» надели форму патрулей для маскировки, в машине сидели не кто иной, как руководитель отдела по расследованию убийств Мартин Бек и его ближайший сотрудник Леннарт Колльберг.

Идея принадлежала Колльбергу. Он исходил из того, что ему было известно о человеке, за которым они охотились. Фамилия этого человека была Линдберг, прозвище — Лимпан, занятие — вор, специальность — кражи со взломом.

Три недели назад Лимпан пришел в ювелирный магазин в центре Упсалы и, грозя владельцу револьвером, заставил его отдать ювелирные изделия, часы и наличные, всего на сумму около двухсот тысяч крон. Все шло гладко, и Лимпан мог бы благополучно скрыться с добычей, но тут появился кто-то из служащих магазина. Со страху Лимпан нажал на курок, пуля попала служащему в лоб и уложила на месте. Лимпану удалось бежать, и, когда стокгольмская полиция через два часа разыскала его на квартире невесты, он лежал в постели. Невеста клялась, что он простужен и последние сутки вообще не выходил на улицу. Обыск ничего не дал — ни брошей, ни часов, ни денег. Линдберга допросили, устроили очную ставку с владельцем магазина, однако тот колебался, потому что грабитель был в маске. Зато полиция не колебалась. Во-первых, Лимпан после долгой отсидки, естественно, был без денег, а от одного доносчика стало известно, что Лимпан сам говорил о намечаемом деле в другом городе, во-вторых, нашелся свидетель, который за два дня до налета видел, как Линдберг прохаживался по улице, где находился ювелирный магазин. Но Лимпан упорно твердил, что никогда не бывал в Упсале, и в конце концов пришлось отпустить его за недостатком улик.

Вот уже три недели Линдберга держали под наблюдением, полагая, что рано или поздно должен же он направиться туда, где спрятана добыча. Однако Лимпан явно учуял слежку. Раза два он даже приветливо махал следившим за ним сотрудникам в штатском.

В конце концов Мартин Бек решил сам взяться за это дело, а Колльбергу пришла в голову блестящая мысль — нарядиться патрулями. Ведь Лимпан издалека распознавал полицейских в любом штатском одеянии, а на мундиры смотрел с презрительным равнодушием. Значит, в этом случае форма — лучшая маскировка. Так рассуждал Колльберг, и Мартин Бек, правда после некоторого колебания, согласился.

Ни тот, ни другой не рассчитывали на быстрый успех; тем приятнее они были удивлены, когда Лимпан, решив, что слежка прекращена, сел на такси и отправился на Росюндавеген. Они не сомневались, что назревает что-то важное. Удалось бы взять его с добычей, да еще с орудием убийства — уж тогда он не отвертится и задача их будет выполнена.

Прошло полтора часа, как Лимпан вошел в дом через улицу.

— Что у тебя в кобуре? — неожиданно спросил Мартин Бек.

Колльберг расстегнул кобуру и протянул ему свое оружие. Игрушечный пистолет итальянского производства, очень похожий на настоящий и почти такой же тяжелый, как «вальтер» Мартина Бека, но стрелять из него можно было только пробками.

— Отличная штука, — сказал Мартин Бек. — Мечта мальчишки.

Все в управлении знали, что Леннарт Колльберг отказывается носить оружие. Большинство думало, что это связано с пацифистскими убеждениями, ведь Колльберг все время выступал за то, чтобы не брать с собой оружия на обычные дежурства.

Но это была только половина истины. Мало кто, кроме Мартина Бека, знал подлинную причину отказа Колльберга носить оружие.

Однажды Леннарт Колльберг застрелил человека. С тех пор прошло больше двадцати лет, но он не мог забыть тот случай и уже давно брал с собой оружие только на самые серьезные и опасные задания.

Случилось это в августе пятьдесят второго, Колльберг тогда служил во втором отделении района Сёдер в южной части Стокгольма. Поздно вечером был принят сигнал тревоги из тюрьмы Лонгхольмен — три вооруженных человека пытались вызволить одного заключенного, в перестрелке был ранен охранник. К тому времени, когда машина, в которой сидел Колльберг, подоспела к тюрьме, преступники, обратившись в бегство, уже успели разбить свою машину о мостовую ограду на Вестербрун, и одного из них схватили. Двое ускользнули в парк Лонгхольмен. Колльберг считался хорошим стрелком, и его отрядили вместе с другими окружать беглецов.

С пистолетом в руке он спустился к воде и пошел вдоль берега, удаляясь от фонарей на мосту. Он всматривался во тьму, прислушивался, наконец остановился на омываемой волнами плоской плите. Наклонился, окунул руку в ласковую, теплую воду, а когда выпрямился, прозвучал выстрел. Пуля задела его рукав, прежде чем шлепнулась в воду. Стрелявший укрылся где-то в кустах на темном склоне наверху. Колльберг бросился на землю и заполз в ближайший куст. Потом все так же ползком двинулся к скале, которая возвышалась над тем местом, откуда, как ему показалось, прозвучал выстрел. Добравшись до скалы, он и впрямь увидел человека на фоне светлого залива. До него было шагов двадцать пять, он стоял боком к Колльбергу, держа в руке пистолет, и медленно поворачивал голову то влево, то вправо. За ним крутой откос спадал к воде.

Колльберг тщательно прицелился ему в правую руку. В ту самую секунду, когда палец нажал спусковой крючок, кто-то выскочил из-за спины преступника, намереваясь схватить его за правую руку, ту самую, в которую целился Колльберг. И так же неожиданно он упал, покатился вниз по откосу. Колльберг не сразу понял, что произошло. Преступник бросился бежать. Колльберг выстрелил второй раз и попал ему в колено. Потом спустился на откос и посмотрел вниз.

У самой воды лежал человек, которого он убил. Молодой полицейский из одного отделения с ним.

Историю эту замяли. Но Колльберг так и не пришел в себя от шока. Вот почему он уже много лет носил вместо настоящего пистолета игрушечные.

Впрочем, ни Колльберг, ни Мартин Бек не думали об этом, сидя в патрульной машине и ожидая, когда покажется Лимпан.

С тех пор как Мартин Бек возглавил Отдел по расследованию убийств, ему вовсе не обязательно было заниматься такими делами, как наблюдение и слежка. И все же он нередко сам брался за подобные задания. Ему не хотелось совсем порывать с практической работой.

Мартин Бек не любил бюрократии, заседаний и начальника управления. Зато он очень любил Колльберга и не представлял себе, как будет работать без него. Колльберг уже давно поговаривал о том, что бросит полицейскую службу, и в последнее время похоже было, что он готов вот-вот перейти от слов к делу. Мартин Бек знал, что Колльберг не разделяет господствующих в полиции взглядов и все больше воюет с собственной совестью.

…Половина десятого. Кондитерская закрылась, в окнах домов начали гаснуть огни.

Внезапно дверь подъезда отворилась, на тротуар вышел Лимпан. Руки в карманах, во рту сигарета.

— Ни портфеля, ни чемодана, — заметил Колльберг.

— А карманы на что, — ответил Мартин Бек. — Или все уже сплавил. Надо проверить, у кого он был.

Лимпан сделал последнюю затяжку и щелчком послал окурок в сторону. Затем поднял воротник, снова сунул руки в карманы и пошел через улицу к полицейской машине.

— Сюда идет, — сказал Мартин Бек. — Черт… Что будем делать? Возьмем его?

— Возьмем, — поддержал Колльберг.

Лимпан медленно приблизился, наклонился, заглянул внутрь, увидел Коллльберга и засмеялся. Обошел машину сзади, открыл дверцу, у которой сидел Мартин Бек, и сложился пополам от хохота.

— Что, разжаловали вас все-таки? Или это маскировка?

Мартин Бек вздохнул и вышел на тротуар. Открыл заднюю дверцу.

— Давай, Линдберг, садись. Подвезем до Вестберга.

— Вот здорово, — добродушно отозвался Лимпан. — Оттуда домой рукой подать.

По пути в управление Лимпан успел рассказать, что навещал своего брата; его слова вскоре подтвердил высланный на Росюндавеген патруль. Ни оружия, ни денег, ни краденого имущества в квартире не обнаружили. При себе у Линдберга было двадцать семь крон.

Без четверти двенадцать пришла пора отпускать его.

Ничего, это можно пережить. Все равно Лимпан скоро попадется, уж так ему на роду написано.

А Мартину Беку и Колльбергу предстояло вскоре заняться совсем другими проблемами.

III

Вся страна бранила этот аэродром, и он того заслуживал. Правда, на полет от Арланды под Стокгольмом ушло только пятьдесят минут, но теперь самолет вот уже полтора часа кружил над крайним югом страны.

Лаконичное объяснение гласило: туман. Как и следовало ожидать. Местность, где расположили аэродром, предварительно выселив людей, была известна своими туманами. Сверх того, он помещался как раз на пути перелетных птиц и чрезмерно далеко от города. Заодно пострадал уголок природы, который следовало бы охранять законом.

В конце концов пилоту надоело кружить, и он решил садиться, невзирая на туман. Горстка бледных, покрытых испариной пассажиров добрела до здания вокзала.

Краска внутри — серая и шафраново-желтая — словно подчеркивала атмосферу коррупции и мошенничества.

Кто-то нагрел руки на сделке, добавил несколько миллионов на свои счета в швейцарских банках. Некто, столь высокопоставленный, что рядовые граждане со стыдом думали, сколь мизерно на самом деле их чисто формальное участие в шведской псевдодемократии, обреченной на скорый и полный крах.

Зал для пассажиров нельзя было даже назвать неуютным — он был чудовищным, угнетающим, рядом с ним самая пыльная автостанция показалась бы приветливой и гостеприимной.

Мартин Бек, кажется, целую вечность ждал свой чемоданчик, наконец получил его и вышел в осенний туман.

Никто не подошел к Мартину Беку, никто им не интересовался.

Нет, он вовсе не думал, что в зале будет стоять полицейский оркестр. Или что сам полицмейстер Мальмё встретит его на белом коне. Но чтобы о нем совсем забыли…

Из тумана вырвался сноп света. К шафраново-желтому ящику аэропорта подъехала черно-белая патрульная машина. Боковое окошко открылось, на Мартина Бека холодно уставился рыжий субъект с редкими баками.

Мартин Бек молчал.

Примерно через минуту рыжий поднял руку и поманил его к себе указательным пальцем. Он подошел.

— Вы чего тут торчите?

— Жду, чтобы меня подвезли.

— Ждешь, чтобы подвезли? В самом деле?

— Может быть, вы мне поможете.

Полицейский оторопел.

— Документы есть?

Мартин Бек поднес руку к заднему карману, но передумал. И опустил руку.

— Есть. Но мне что-то не хочется их предъявлять.

Он повернулся к машине спиной и возвратился к своему чемодану.

— Нет, ты слышал? Ему не хочется. Пыжится, воображает себя хватом. Как, по-твоему, похож он на хвата?

Полицейский не скупился на иронию.

— Плюнь, на кой он тебе сдался, — сказал водитель. — Хватит на сегодня, или тебе мало?

Рыжий продолжал пристально смотреть на Мартина Бека. Долго смотрел. Потом сказал что-то вполголоса, и машина покатила дальше. Отъехала метров на двадцать и снова остановилась, чтобы полицейские могли следить за ним в зеркальце заднего обзора.

Хотя Бек немного прибавил в весе, он и в пятьдесят один год сохранил фигуру, разве что чуть ссутулился. И одевался проще, чем прежде, однако не молодился. Сандалии, джинсы, водолазка, синий дралоновый пиджак. Не совсем обычный костюм для комиссара полиции.

Двое в патрульной машине явно не одобряли его вида. И они все еще продолжали взвешивать ситуацию, когда к зданию аэропорта подъехал «опель аскона» томатного цвета. Водитель вышел, обогнул машину и сказал:

— Рад.

— Бек.

— Обычно все скалят зубы, когда я говорю «Рад». Дурацкая фамилия для полицейского. Херрготт Рад. Я потому всегда и представляюсь вопросительным тоном. Рад? Сначала люди теряются.

Он засунул чемодан Мартина Бека в багажник.

— Да, опоздал я немного… Никто не знал, где сядет самолет. Думал — в Копенгагене, как обычно. И был уже в Лимхамне, когда мне сообщили, что он все-таки здесь сел. Виноват…

Он нерешительно щурился, словно проверяя, в каком настроении пребывает высокий гость.

Мартин Бек пожал плечами:

— Да ничего. Мне спешить некуда.

Рад глянул на патрульную машину, она стояла на том же месте с включенным мотором.

— Не мой участок, — ухмыльнулся он. — Эта телега из Мальмё. Поедем лучше, пока нас не сцапали.

Он явно любил посмеяться.

Мартин Бек сохранял серьезность. Во-первых, он не видел особого повода для смеха, во-вторых, присматривался к Раду. Мысленно составлял описание примет.

Кривоногий коротышка; обычно в полиции служат люди ростом повыше. Зеленые резиновые сапоги со шнуровкой, буроватый диагоналевый костюм, сдвинутая на затылок выцветшая охотничья шляпа — богатый фермер. Или хотя бы владелец лесной дачи. Лицо

загорелое, обветренное, живые карие глаза окружены улыбчивыми морщинами. И тем не менее довольно типичный представитель определенной категории деревенских полицейских. Плохо согласующийся с новым стандартизованным типом, а потому постепенно исчезающий.

— Я здесь скоро двадцать пять лет. Но это для меня что-то новое. Отдел по расследованию убийств… Сотрудник из Стокгольма. Надо же. — Рад покачал головой.

— Ничего, все будет в порядке, — сказал Мартин Бек. — Или…

«Или же все полетит к чертям», — мысленно договорил он.

— Ну конечно, — подхватил Рад. — Для вас это привычное дело.

«Вы» говорит… По привычке, от неуверенности? Или подразумевает множественное число? Леннарт Колльберг, ближайший сотрудник Мартина Бека, выехал из Стокгольма на машине, его прибытие ожидалось завтра.

— Того и жди, газеты раззвонят, — продолжал Рад. — Я приметил сегодня в поселке несколько типов… Похожи на газетчиков. — Он покачал головой. — Непривычно это для нас… Внимание такого рода.

— Пропал человек, — сказал Мартин Бек.

Чувствовалось, что Рад ездил здесь сотни раз и знает каждую извилину. Он вел машину ровно, почти не глядя на дорогу.

Впереди показались огни селения.

— Как говорится, приехали, — доложил Рад. — Это Андерслёв.

Рад затормозил, показал на низкое желтое кирпичное здание:

— Полицейский участок. Сейчас-то, конечно, заперто. Гостиница за углом. Но ресторан в это время уже не работает. Хочешь, заедем ко мне, есть пиво, бутерброды.

Мартин Бек не хотел есть. Путешествие на самолете отбило у него всякий аппетит.

IV

Мартин Бек открыл глаза, и сна как не бывало. Несмотря на спартанскую обстановку, номер был уютный. Две кровати, окно на север. Кровати стояли параллельно, в метре друг от друга; на одной лежал его чемодан, на другой он сам, на полу — книга, в которой он прочел полстраницы и текст к двум иллюстрациям, прежде чем заснул. Роскошное издание из серии «Знаменитые лайнеры прошлого»: Французский четырехвинтовой турбоэлектроход «Нормандия».

Он поглядел на часы. Половина восьмого. С улицы доносились разные звуки — гул моторов, голоса.

Мартин Бек встал, подошел к окну, выглянул наружу. Погода была хорошая, солнце озаряло газон в садике.

Он живо привел себя в порядок, оделся и вышел на мощенную булыжником площадь. Минул винную лавку — она еще была закрыта, обогнул два угла и очутился перед зданием полицейского участка. Видно, добровольная пожарная дружина размещалась по соседству, потому что у входа в участок стояла красная машина с лестницей. Мартину Беку пришлось пробираться прямо под перекладинами. Парень в замасленном комбинезоне ковырялся в машине.

Дверь участка была заперта; на стекле — прикрепленный липкой лентой кусок картона и написанное шариковой ручкой объявление:

«Часы работы:

08:30 — 12:00

и 13:00 — 14:30.

По четвергам, кроме того, 18:00—19:00.

Суббота выходной».

О воскресенье ничего не сказано. Очевидно, в воскресенье ничего преступного не происходит. Может, на этот счет особый приказ действует!

Мартин Бек задумчиво смотрел на объявление. Человеку, приехавшему из Стокгольма, трудно было представить себе такие порядки.

— Херрготт сейчас будет, — сказал парень в комбинезоне. — Он повел собаку гулять десять минут назад.

Мартин Бек кивнул.

— Это вы и есть тот знаменитый сыщик?

Спрошено не без ехидства. Что ответить? Парень продолжал ковыряться в машине и, не поднимая головы, добавил:

— Ты не обижайся. Просто туг говорили, что в гостинице остановился знаменитый детектив. А я вижу — незнакомое лицо.

— Наверное, это я и есть, — нерешительно ответил Мартин Бек.

— Значит, Фольке не миновать кутузки.

— Почему ты так думаешь?

— Да ведь это все уже знают.

— В самом деле?

— А жаль… Уж больно хороша у него копчушка.

Разговор кончился тем, что парень забрался под машину.

Мартин Бек задумчиво почесал затылок.

Минуты через две по ту сторону пожарной машины показался Херрготт Рад. Все та же охотничья шляпа на затылке, фланелевая ковбойка, форменные брюки, замшевые полуботинки. Серая с белым шведская лайка нетерпеливо тянула поводок. Они протиснулись под пожарной лестницей, пес тотчас поднялся на задние лапы, передними уперся в грудь Мартина Бека и принялся лизать ему лицо.

— К ноге, Тимми, — скомандовал Рад. — Кому сказано — к ноге. Что за безобразие!

Пес был тяжелый, и Мартин Бек слегка попятился.

— К ноге, Тимми, — твердил Рад.

Пес покружил, наконец неохотно сел и уставился на хозяина, насторожив уши.

— Привет, Херрготт, — отозвался глухой голос из-под пожарной машины.

— Здорово. Слышь, Ёнс, обязательно надо было ставить свою колымагу прямо перед полицейским управлением?

— Так ведь у тебя еще закрыто, — ответил Ёнс.

— Сейчас открываю.

Рад загремел ключами, пес тотчас вскочил на ноги.

Рад отпер и, блеснув карими глазами, возвестил:

— Добро пожаловать в участок Андерслёв, полицейский округ Треллеборг. Мы находимся в здании муниципалитета. Здесь размещаются собес, полицейский участок, библиотека. Я живу наверху. Все новенькое, шик-блеск, как говорится. Камеры роскошные. А это мой кабинет.

Кабинет выглядел достаточно уютно. Письменный стол, два кресла для посетителей. Большое окно смотрело во внутренний дворик. Пес улегся под столом.

— Из Треллеборга уже звонили, — сообщил Рад. — Начальник угрозыска. И полицмейстер тоже. Похоже, недовольны, что ты здесь обосновался.

Он сел за письменный стол и вытряхнул сигарету из пачки. Мартин Бек устроился в кресле.

Рад порылся на столе.

— Вот бумаги по делу. Посмотришь?

Мартин Бек поразмыслил, потом сказал:

— Может, лучше устно?

— С великим удовольствием.

Мартин Бек отдыхал. Рад пришелся ему по душе. Он не сомневался, что они поладят.

— Сколько у тебя людей?

— Пять. Секретарь. Три нижних чина — когда штат полный. Патрульная машина. Кстати, ты перекусил?

— Неплохо бы.

— Гм… — сказал Рад. — Как мы поступим? А пойдем ко мне наверх. Бритта придет в половине девятого и откроет. Если что-нибудь срочное, она позвонит мне и скажет. Могу предложить тебе кофе, чай, хлеб, сыр, конфитюр, яйца. Там разберемся. Кофе хочешь?

— Лучше чай.

— Я и сам больше чай люблю. Значит, беру с собой бумаги и поднимаемся на второй этаж. Идет?

Квартира была удобная, хорошо, со вкусом обставленная, но не приспособленная для семейной жизни. Сразу видно, что хозяин холостяк, давно холостяк, а может, и всегда им был. На стене висели два охотничьих ружья и старая полицейская сабля. Личное оружие Рада, «вальтер» 7,65, лежал в разобранном виде на клеенке на обеденном столе.

Судя по всему, хозяин был неравнодушен к оружию.

— Люблю пострелять, — сообщил он. Рассмеялся и добавил: — Только не в людей. Никогда в людей не стрелял.

Сам Мартин Бек стрелял скверно. Тем не менее ему приходилось целиться и стрелять в людей. Правда, он никого не убил. И то хорошо.

— Могу убрать со стола, — сказал Рад без особого воодушевления. — Так-то я обычно ем на кухне.

— Я тоже.

— Тоже холостяк?

— Более или менее.

— Ясно.

Его эта тема явно не занимала.

Мартин Бек был разведен; отец двух взрослых детей, дочери двадцать два, сыну восемнадцать. Правда, вот уже больше года назад у него появилась подруга. Звали ее Рея Нильсен; похоже было, что он ее любит. Присутствие Реи явно изменило его дом к лучшему. Но это не касалось Рада, да его, похоже, ничуть не интересовала личная жизнь начальника Отдела по расследованию убийств.

Кухня была обставлена с толком, со всеми современными удобствами. Рад поставил на плиту кастрюльку, достал из холодильника четыре яйца, приготовил чай.

Они поели. Вымыли посуду. Вернулись и гостиную. Рад достал из заднего кармана бумаги.

— Бумаги, — сказал он. — До чего они мне осточертели. Да мне и не надо в них заглядывать. Факты предельно простые. Пропавшую даму звать Сигбрит Морд. Тридцать восемь лет, работает в Треллеборге, в кондитерской. Разведена, бездетная, живет одна в

маленьком доме в Думме. Это в сторону Мальмё. В тот день у нее был выходной. Ее машина была на профилактике, поэтому она поехала в Андерслёв на автобусе. По делам. Зашла в сберкассу, на почту. Потом исчезла. На автобус больше не садилась. Шофер опознал фотографию, утверждает, что Сигбрит в автобусе не было. С тех пор ее никто не видел. Это было семнадцатого октября. Из почты она вышла около часа. Машина «фольксваген» так и стоит в мастерской. В машине ничего. Я ее сам осматривал. Исследования на отпечатки и другие следы производились в Хельсингборге. Результат — ноль. Никаких путеводных нитей, как говорится.

— Ты ее знаешь? Лично?

— Конечно. Пока не началось увлечение природой, я на своем участке всех до единого знал. Теперь-то посложнее стало. Люди вселяются в избы на заброшенные хутора. И не прописываются. Пока туда доберешься — глядишь, уже куда-нибудь переехали, а на их место въехал кто-то другой. От прежних жильцов только коза да огород остались.

— А Сигбрит Морд, значит, не из этих?

— Никак нет, она тут больше двадцати лет живет. Приехала из Треллеборга. Уравновешенная особа. К работе всегда добросовестно относилась. Абсолютно нормально все у нее. Разве что слегка в жизни разочарована.

— Значит, она могла просто-напросто уехать куда-нибудь?

Рад наклонился, почесал пса за ухом.

— Могла, — произнес он наконец. — Это не исключено. Только я в это не верю. У нас не принято вот так вдруг уезжать, совсем незаметно. И чтобы дома никаких признаков. Я весь дом осмотрел вместе с ребятами из Треллеборга. Все на месте — бумаги, личные вещи. Брошки, всякая мелочь. Кофейник и чашка стояли на столе. Словом, все так, будто она вышла на короткое время и собиралась скоро вернуться.

— Ну, и что же ты думаешь?

Рад помешкал с ответом. Он держал сигарету левой рукой, правую игриво покусывал пес.

— Я думаю, что ее нет в живых, — сказал он наконец.

— А что насчет Бенгтссона? — сказал Мартин Бек.

— Тебе его лучше знать…

— Это еще неизвестно. Мы уличили его в убийстве больше десяти лет назад. Не так-то это было просто. Странный человек, с причудами. Что с ним было потом, я не знаю.

— Я знаю, — ответил Рад. — Все здешние знают. Его признали психически нормальным, он семь с половиной лет сидел в тюрьме. Потом как-то попал сюда, купил домик. Видно, у него где-то были отложены деньги. Он обзавелся лодкой, старым грузовичком. Живет тем, что коптит и продает рыбу. Часть сам ловит, часть скупает у тех, кто занимается рыбной ловлей от случая к случаю. Разъезжает на своем грузовике, продает копченую сельдь и яйца. Покупатели, по большей части, постоянные. На Фольке здесь смотрят как на вполне приличного человека, он никого не задевает, говорит мало, держится особняком. Замкнутый тип. Когда я с ним сталкивался, у него каждый раз был такой вид, будто он просит прощения за то, что существует на свете. Но…

— Ну?

— Но ведь все знают, что он убийца. Уличен, приговорен.

И убийство-то было отвратительное, отправил на тот свет ни в чем не повинную иностранку.

— Ее звали Розанна Макгроу. Убийство и правда было отвратительное. Садистское. Но он был спровоцирован. Так ему казалось. Нам тоже пришлось пойти на провокацию, чтобы уличить его. Не понимаю только, как его могли признать нормальным.

— Чего там, — фыркнул Рад, и вокруг глаз его разбежались улыбчивые морщинки. — Я тоже бывал в Стокгольме. Проходил курсы судебной медицины. Половина врачей еще хуже, чем пациенты.

— На мой взгляд, Фольке Бенгтссон был явно помешанный. Какая-то смесь садизма и женоненавистничества. Он знает Сигбрит Морд?

— Как не знать. Он живет в двухстах шагах от нее. Ближайший сосед. Она одна из его постоянных покупателей. Но дело не только в этом.

— Так-так?

— Дело в том, что он в одно время с ней был на почте. Свидетели видели, как они разговаривали. Его машина стояла на площади. Он стоял в очереди за ней и вышел из почты минут через пять после нее.

Они помолчали.

— Ты ведь знаешь Фольке Бенгтссона, — сказал Рад.

— Знаю.

— Он вполне мог…

— Мог, — сказал Мартин Бек.

— Хочешь знать правду — а я всегда правду говорю, — так Сигбрит нет в живых, и положение Фольке незавидное. Не верю я в случайные совпадения.

— Ты говорил о разводе.

— Точно, был муж. Капитан торгового флота, только слишком пристрастен к алкоголю. Шесть лет назад у него что-то с печенью произошло, его отправили домой из Эквадора. Уволить не уволили, но и здоровым не признают, поэтому он больше не плавает. Приехал сюда, продолжал пить, кончилось тем, что они развелись. Теперь он в Мальмё живет.

— Ты его знаешь?

— Знаю. К сожалению. Даже слишком хорошо. Если мягко выражаться. Понимаешь, на развод она подала. Он был против. Ни за что не хотел разводиться. Понятно, она настояла на своем.

— А теперь?

— А теперь так — напьется как следует и приезжает выяснять отношения. Да ведь выяснять уже нечего. И чаще всего кончается взбучкой.

— Взбучкой?

Рад рассмеялся.

— Это у нас так принято говорить. А как вы говорите в Стокгольме? Рукоприкладством? Квартирные беспорядки, выражаясь полицейским языком. Выражение-то какое: квартирные беспорядки. Так или иначе, мне раза два приходилось к ним выезжать. В первый раз удалось его утихомирить. Во второй раз дело было сложнее. Пришлось надавать ему по морде и отвезти в наши роскошные камеры. На Сигбрит было жутко смотреть — огромные синяки, следы от пальцев на шее.

Рад теребил свою шляпу.

— Так что уж я-то знаю Бертиля Морда… Запойный. А вообще-то он лучше, чем кажется. Видно, любит ее. И ревнует. Хотя я не вижу, чтобы у него был особый повод ревновать. Мне ее личная жизнь неизвестна. Да и есть ли у нее личная жизнь?

— А что сам Морд говорит?

— Его допрашивали в Мальмё. На семнадцатое число у него алиби. Говорит, в тот день он был в Копенгагене. Ездил на пароме «Мальмёхюс», да…

— Тебе известно, кто его допрашивал?

— Известно. Инспектор по фамилии Монссон.

Мартин Бек не один год знал Пера Монссона и вполне ему доверял. Он прокашлялся:

— Выходит, и у Морда не все чисто.

Рад задумался. Почесал пса за ухом, потом сказал:

— Пожалуй. Но у Фольке Бенгтссона положение куда похуже.

— Если и впрямь что-то произошло.

— Она пропала. С меня и этого достаточно. Никто из знакомых не может найти этому разумное объяснение.

— А как она выглядит?

Рад сунул руку в задний карман и достал две фотографии — на иностранный паспорт и цветную, сложенную пополам. Бросил взгляд на них, потом протянул Мартину Беку. Прокомментировал:

— Карточки удачные, обе. Я бы сказал, что у нее обычная внешность. Как у большинства. Довольно симпатичная.

Мартин Бек долго рассматривал фотографии.

Довольно симпатичная… Какое там. Сигбрит Морд была довольно уродлива и нескладна. Остроносая, черты лица неправильные, выражение кислое.

Цветная фотография была любительская, отпечатана старательно, с применением ретуши. Сигбрит Морд стояла в рост на пристани, на фоне двухтрубного пассажирского парохода. Манерно щурилась на солнце, приняв позу, которая должна была, как ей казалось, украсить ее.

— Совсем свежая фотография, — сказал Рад. — Летом сделана.

— Откуда у тебя этот снимок?

— Забрал в доме у нее, когда мы делали обыск. На стенку прилепила. Должно быть, понравилась.

Он наклонил голову, приглядываясь к фотокарточке.

— И правда, карточка хорошая, — продолжал он. — Вот такая она и есть. Славная баба.

— Ты никогда не был женат? — неожиданно спросил Мартин Бек.

Рад сразу повеселел.

— Что, теперь меня решил допросить! — Он рассмеялся. — Основательно работаешь.

— Извини — глупый вопрос, конечно. К делу не относится.

Мартин Бек покривил душой. Его вопрос непосредственно относился к делу.

— Да ничего, отвечу. Крутил я когда-то с одной девчонкой из Аббекоса. Даже помолвка была. Ну прямо скажу, нарвался я… Через три месяца я уже был сыт по горло, а она и через полгода еще не насытилась. С тех пор я предпочитаю собак. Она потом еще троим жизнь отравила. Правда, теперь-то уж давно бабушка.

Он помолчал, потом добавил:

— Конечно, тоскливо совсем без детей. Иногда. А иногда думаешь, что это даже к лучшему. У нас-то здесь еще жить вроде бы можно, а в целом что-то с нашим обществом неладно. Не хотел бы я в нашей стране детей воспитывать. Еще неизвестно, что из этого вышло бы.

Мартин Бек молчал. Его собственный опыт воспитателя сводился в основном к тому, чтобы поменьше ворчать на детей и предоставить им развиваться, так сказать, естественным путем. Результат можно было назвать удачным только наполовину. Дочь славная, самостоятельная и, судя по всему, привязана к нему. А вот сына он никак не мог понять. По чести говоря, сын ему откровенно не нравился. Всегда что-то крутит, врет, в последние годы относится к отцу с явным презрением.

Продолжая ласкать пса, Рад спросил с легкой улыбкой:

— Можно мне задать контрвопрос? Почему ты меня спросил, был ли я женат?

— Сглупил.

Впервые с тех пор, как они встретились, Мартин Бек увидел на его посерьезневшем лице намек на обиду.

— Неправда. Сдается мне, я знаю, почему ты спросил.

— Почему?

— Потому что считаешь, что я не смыслю в женщинах.

Мартин Бек отложил фотографии. С тех пор как он познакомился с Реей, он не так боялся откровенности.

— Ладно, — сказал он. — Ты угадал.

— Это хорошо. — Рад рассеянно закурил новую сигарету. — Очень хорошо. Спасибо тебе. Может быть, ты и прав. В моей личной жизни не было женщин. Если не считать матери, конечно, и той рыбачки из Аббекоса.

Зазвонил телефон. Рад взял трубку и передал Беку.

— Привет, Бек, это Рагнарссон. Мы, наверно, в сто мест звонили, тебя разыскивали. Что там происходит?

Начальнику Отдела по расследованию убийств приходится мириться еще и с тем, что ведущие газеты следят, куда и зачем он выезжает. Для этого у них есть платные осведомители среди сотрудников управления. Противно, да ничего не поделаешь.

Мартин Бек знал Рагнарссона как относительно честного и порядочного журналиста, чего не мог сказать о представляемой им газете.

— Что молчишь, — спросил Рагнарссон.

— Пропал человек, — ответил Мартин Бек.

— Пропал? Люди каждый день пропадают без того, чтобы тебя привлекали к расследованию. Между прочим, я слышал, что Колльберг тоже выехал. Значит, что-то стряслось.

— Может быть — да, а может быть — нет.

— Мы высылаем двух человечков. Так и знай. Я за тем и позвонил. Сам понимаешь, не хочется действовать без твоего ведома. Мне ты можешь доверять. Ну, привет.

— Привет.

Рад явно был озабочен.

— Пресса?

— Она.

— Из Стокгольма?

— Да.

— Теперь раззвонят.

— Еще как.

— Что будем делать дальше?

— Тебе решать, — ответил Мартин Бек. — Ты здесь все знаешь.

— Участок Андерслёв — еще бы не знать. Познакомить тебя с окрестностями? На машине? Только не на патрульной. Моя лучше.

— Как пожелаешь.

В машине они коснулись трех вопросов.

Сначала Рад поделился наблюдением, о котором до тех пор почему-то промолчал.

— Вот это почта, а сейчас мы проезжаем автобусную остановку. Примерно здесь Сигбрит видели в последний раз.

Он сбавил скорость и остановил машину.

— Есть еще одно свидетельское показание.

— Какое именно.

— Одна свидетельница видела Фольке Бенгтссона. Он проезжал на своем грузовике, а около Сигбрит остановился. Вполне естественно. Он возвращался домой, они соседи, знали друг друга. Он видит, что она ждет автобуса, и предлагает подвезти.

— Что за свидетель?

Рад барабанил пальцами по рулю.

— Одна здешняя дама, пожилая. Сигне Перссон. Как услышала, что Сигбрит пропала, пришла к нам и рассказала. Мол, шла по другой стороне улицы, увидела Сигбрит, и в эту самую минуту навстречу подъехал Бенгтссон и остановился. Показания записала Бритта, она в это время была одна здесь. Сказала свидетельнице, чтобы та пришла еще раз и рассказала все мне. Сигне пришла на следующий день, мы с ней потолковали. Она повторила прежние показания, мол, видела Сигбрит и как Фольке остановился. Я тогда спросил, видела ли она своими глазами, чтобы Сигбрит вошла в кабину.

— А она что?

— Мол, не хотела оборачиваться, чтобы не показаться любопытной. Дурацкий ответ, ведь более любопытной бабы во всем районе не сыщешь. Я поднажал, тогда она сказала, что немного спустя оглянулась, но ни Сигбрит, ни грузовика уже не было. Мы потолковали еще, тогда она сказала, что не уверена в этом. Мол, не желает чернить людей. А на следующий день встретила одного из моих парней и решительно утверждала, дескать, видела, как Бенгтссон остановился и Сигбрит села в машину. Если она будет настаивать на этих показаниях, Фольке Бенгтссону не отвертеться.

— А сам Бенгтссон что говорит?

— Не знаю. Я с ним не разговаривал. Два сотрудника из Треллеборга искали его, да не застали дома. Потом было решено вас вызвать, и мне дали понять, чтобы я ничего не предпринимал. Не опережал, так сказать, события.

Рад включил скорость и поглядел в зеркальце заднего обзора.

— За нами кто-то следит. Двое в зеленом «фиате». Мы остановились, и они тоже. Познакомим их с окрестностями?

— Пожалуйста.

— Интересно быть предметом слежки, — заметил Рад. — Со мной это в первый раз.

Он ехал со скоростью около тридцати километров, но вторая машина и не собиралась его обгонять.

— Вот те дома направо — это и есть Думме, где живут Сигбрит Морд и Фольке Бенгтссон. Хочешь заехать туда?

— Сейчас не стоит. Криминалистическое исследование проведено как следует?

— У Сигбрит? Я бы не сказал. Мы приехали, все осмотрели, я взял фотографию со стены над ее кроватью. И мы оставили там свои отпечатки пальцев.

— Если бы она лишилась жизни…

Мартин Бек остановился. Не очень-то удачно он формулирует вопрос.

— …и я был убийцей — как бы я поступил с телом? — подхватил Рад. — Я уже думал об этом. Очень уж много возможностей… Кругом тьма всяких карьеров и заброшенных развалюх. Всевозможные сараи. Вдоль всего балтийского побережья — пустующие дачи. Лес, бурелом, кустарники, овраги и все такое прочее.

— Лес?

— Ну да, около озера Бёрринге. После бури шестьдесят восьмого там даже на гусеничном тракторе не проедешь. Сто лет надо, чтобы весь бурелом разобрать. К тому же… Кстати, в ящике перед тобой лежит карта.

Мартин Бек достал карту и развернул ее.

— Мы сейчас в Альстаде, шоссе номер один, едем в сторону Мальмё. Дальше сам сориентируешься.

— Так что ты хотел сказать? Что «к тому же»?

— Да, к тому же у всех такое впечатление, что Сигбрит Морд подобрала какая-то машина. Даже свидетель есть. Если ты посмотришь на карту, то увидишь, что через мой участок проходят три шоссе. Кроме того, у нас такая сеть малых дорог, какой, наверно, больше нигде в стране не найдется.

— Я уже заметил это, — сказал Мартин Бек.

Как обычно, его укачало в машине. Это не помешало ему внимательно изучать окружающий ландшафт. Волнистый рельеф области Сёдерслетт ласкает глаз. Это не просто густо населенная, идиллическая сельская местность. Краю присуща своя, особая гармония.

Ему вдруг вспомнились кое-какие из множества критических замечаний о том, как плохо становится жить в Швеции. Паршивая страна, сказал кто-то, правда жутко красивая.

Рад продолжал рассказывать:

— У нашего участка есть свои особенности. Когда мы не возимся с бумагами, по большей части разъезжаем. За год патрульная машина проходит восемьдесят тысяч километров. В поселке около тысячи жителей, а всего на нашей территории не больше десяти тысяч. Но к нам относится кусок побережья в двадцать пять километров, и летом число жителей превышает тридцать тысяч. Можешь представить себе, сколько домов пустует в это время года. Притом я говорю о людях, которых мы знаем и можем отыскать. Добавь к этому пять-шесть тысяч человек, остающихся вне нашего поля зрения. Живут в списанных развалюхах, в автоприцепах, все время переезжают с места на место…

Они выехали на приморское шоссе и направились к востоку. Море было гладкое, свинцово-серое, вдоль горизонта тянулись грузовые суда.

— Словом, если Сигбрит мертва, тело искать можно в сотне мест. А если она села в машину к Фольке или еще к кому-нибудь, то скорее всего ее надо искать за пределами участка. Тут уже вариантов будет тысяча.

Поселки следовали один за другим: Беддинге, Скатехольм. Рыбачьи поселки, отчасти превращенные в курорты, но со вкусом. Никаких высотных зданий и роскошных отелей.

— Скатехольм — здесь конец моего участка, — доложил Рад. — Дальше начинается участок Истад. Доедем до Аббекоса. А это — Дюбек. Грязь, болото. Самый неприятный участок на всем берегу. Может, она лежит тут в трясине… Ну вот и Аббекос.

Рад сбавил скорость.

— Да, вот здесь она и жила, та лапушка, которая научила меня трезво смотреть на женщин. Хочешь на гавань поглядеть?

Мартин Бек молча кивнул.

Они вышли из машины и сели каждый на свою сваю. Над молом кричали чайки.

Зеленый «фиат» остановился в двадцати метрах. Его пассажиры остались сидеть в машине.

— Знакомые? — спросил Мартин Бек.

— Нет. Молодежь… Если им что надо, подошли бы, поговорили. Не скучно им так сидеть и таращиться…

Мартин Бек молчал. Он становился все старше, журналисты — все моложе. С каждым годом контакт все хуже.

— Так почему тебя интересовало мое отношение к женщинам? — спросил Рад.

— Сдается мне, что нам очень мало известно о Сигбрит Морд. Мы знаем, как она выглядела, где работала, знаем, что держалась скромно. Разведена, бездетна. Вот почти и все. А ты задумывался над тем, что она была в том возрасте, когда многими женщинами овладевает отчаяние? Особенно если нет детей, нет родных, нет никаких интересов… Считают себя полными неудачницами, в том числе в личной жизни. И часто совершают глупости. Идут на необдуманные связи.

— Благодарю за лекцию, — сказал Рад.

Поднял с земли дощечку и швырнул в воду. Пес тотчас прыгнул в море.

— Молодец, — вздохнул Рад. — Теперь он мне совсем загадит заднее сиденье. Значит, ты хочешь сказать, что у Сигбрит была тайная любовь или что-то в этом роде.

— Во всяком случае, не исключено.

Рад наклонил голову и ухмыльнулся.

— Никак не укладывается все это в голове. У тебя есть какие-нибудь планы? Или я не должен спрашивать?

— Дождусь, когда приедет Леннарт. Потом стоит потолковать просто так с Фольке Бенгтссоном и Бертилем Мордом.

— Можешь на меня рассчитывать.

— Я так и думал.

Рад рассмеялся. Потом встал, подошел к зеленому «фиату», постучал в стекло. Водитель, молодой человек с рыжей бородой, опустил его и посмотрел вопросительно на Рада.

— Мы возвращаемся в Андерслёв, — сказал Рад. — Но я поеду через Чельсторп, надо у брата яиц взять. Газета сэкономит деньги, если вы поедете через Шиварп.

«Фиат» последовал за ними и ждал, пока Рад ходил за яйцами.

— Сразу видно, не верят они полицейским, — заметил Рад.

Сверх того в этот день, пятницу, второго ноября, ничего особенного не произошло.

Мартин Бек нанес положенный визит в Треллеборг, посетил полицмейстера и комиссара полиции, возглавлявшего местный уголовный розыск. Позавидовал полицмейстеру: окна его кабинета смотрели на гавань.

Ничего нового, по существу, он не услышал.

Вечером позвонил Колльберг, сообщил, что ему осточертела машина и он собирается переночевать в Векшё. Потом спросил:

— Ну а что там у тебя в Андерсторпе?

— В Андерслёве. Здесь очень славно, только газетчики уже на хвост сели.

— Надень форму для внушительности.

— Заткнись, — ответил Мартин Бек.

Завтра праздник. День всех святых. Взять да испортить кому-нибудь праздник… Скажем, Монссону в Мальмё.

V

— Всяких хамов повидал я на своем веку, — сказал Пер Монссон. — Но таких, как Бертиль Морд, надо поискать.

Они сидели на балконе в доме Монссона на Регементсгатан и наслаждались жизнью.

Мартин Бек приехал в Мальмё на автобусе. Он попытался расспросить водителя, но без особого успеха. Другой шофер сидел за рулем в тот злополучный день.

Монссон был рослый добродушный мужчина, он отличался спокойным нравом и редко прибегал к сильным выражениям. Но тут и он не выдержал:

— Нет, правда, хулиган какой-то.

— С капитанами это бывает, — сказал Мартин Бек. — Они часто очень одиноки, а если у такого человека к тому же деспотические замашки, он легко становится наглым и самовластным. Или, как ты выразился, хамом.

— Чем он теперь занимается?

— Владелец пивнушки в Лимхамне. Ты ведь знаешь его биографию? Доконал себе печень спиртным то ли в Эквадоре, то ли в Венесуэле. Лежал в больнице. Теперь врачи не разрешают ему снова выйти в плавание. Обосновался дома в Андерслёве, но из этого ничего хорошего не вышло. Пил, колотил жену. Она подала на развод. Он был против. Но развод ей дали. Без всяких.

— Рад говорит, у него алиби на семнадцатое число.

— Относительное… Говорит, смотался на пароме в Копенгаген, чтобы гульнуть. Да только алиби это с душком. На мой взгляд. Говорит, дескать, сидел в носовом салоне. Паром отходит без четверти двенадцать, раньше отчаливал ровно в двенадцать. И будто он сидел в салоне один, и от официанта несло перегаром. Кто-то из команды развлекался у игорного автомата. Я сам часто по этому маршруту езжу. Официант — его зовут Стюре — всегда под мухой, всегда у него мешки под глазами. И всегда один и тот же член команды пичкает кронами игральный автомат. По-моему, тебе стоит самому потолковать с Бертилем Мордом, — сказал Монссон.

Мартин Бек кивнул.

— Свидетели признали его, — продолжал Монссон. — Да его и нетрудно узнать. Беда только в том, что там каждый день одно и то же. Паром отходит по расписанию, и большинство пассажиров те же. Как тут положиться на память свидетелей? Человека опознают две недели спустя, можно ошибиться в дне.

— Значит, ты его уже допросил?

— Допросил, и не очень-то он убедил меня.

— У него есть машина?

— Есть. Он живет в западных кварталах, отсюда рукой подать, если рука длинная. Местер Юхансгатан, двадцать три. До Андерслёва полчаса езды. Примерно.

— Почему это так важно?

— Да потому, что он туда ездил. Иногда.

Мартин Бек не стал больше допытываться.

Третье ноября, суббота, на дворе почти лето. Несмотря на праздник — день всех святых, — Мартин Бек намеревался потревожить покой капитана Морда. К тому же капитан вряд ли верующий.

— Пожалуй, я пойду, — сказал Мартин Бек.

— Давай. Я как раз хотел сказать, что самое время, если ты хочешь застать Морда трезвым. Вызвать тебе такси?

— Да нет, лучше пройдусь.

Мартин Бек часто бывал в Мальмё и неплохо ориентировался, во всяком случае, в центре города.

К тому же стояла хорошая погода, и ему хотелось проветрить мозги перед встречей с Бертилем Мордом.

Ведь вот и Монссон подбросил ему явное предвзятое суждение.

Предвзятые суждения — это плохо. Поддаваться им опасно, но столь же опасно ими пренебрегать. Всегда следует помнить, что и предвзятое суждение может оказаться верным.

Стажер этот мог бы весьма успешно выступить в театре или на телевидении, исполняя пародию на человека, который изо всех сил делает вид, что не следит за домом. К тому же дом был маленький, а соседние здания снесены. Стажер стоял на другой стороне улицы, сплетя пальцы на спине, с отсутствующим видом, однако то и дело косился на дверь, за которой надлежало пребывать жертве его наблюдений.

Мартин Бек и пальца не успел оторвать от кнопки, когда Бертиль Морд распахнул дверь.

На нем были форменные брюки, а кроме брюк — майка и деревянные башмаки. От него разило перегаром, но к перегару примешивался запах одеколона, и неспроста — огромная ручища сжимала флакон «Флориды» и опасную бритву. Указывая бритвой на своего караульщика, он заорал:

— Это еще что за чертова кукла битых два часа стоит и таращится на мой дом?

— Ничего подобного, — сказал Мартин Бек, входя и закрывая за собой дверь. — Ничего подобного…

— Что — ничего подобного? — кипятился Морд. — В чем дело, черт возьми?

— Спокойно, спокойно…

— Спокойно? Так оставьте меня в покое! И не подсылайте переодетую шантрапу, чтобы шпионила за мной. Я привык быть сам себе хозяин. А ты-то кто, черт бы тебя побрал? Главная ищейка?

— Вот именно, — сказал Мартин Бек.

Он прошел мимо Морда и стал осматривать полутемную комнату. Запах стоял такой, словно здесь спало пятьдесят индивидов, притом отнюдь не человеческого рода. Окна завешены старыми ватными одеялами со множеством дыр и жирных пятен; впрочем, если отогнуть угол внизу, можно выглянуть наружу. У одной стены стояла кровать, которую не убирали неделями, а то и месяцами. Обстановку дополняли четыре стула, стол и здоровенный гардероб. На столе — стакан и две бутылки русской контрабандной водки: одна совсем пустая, другая наполовину. В углу валялась гора грязного белья, через открытую дверь в другом конце комнаты было видно кухню, где творилось нечто неописуемое.

— Я побывал в ста восьми странах, — орал Морд, — и нигде не видел ничего подобного! Ищейки тебя донимают. Больничная касса тебя донимает. Налоговый инспектор, собес, инспектор по борьбе с алкоголизмом и прочая шваль. Энергосбыт, таможня, переписчики, поликлиника. Даже почта покоя не дает, хотя мне никакая почта не нужна.

Мартин Бек перевел взгляд на Морда. Не мужчина — медведь, рост не меньше метра девяносто, вес — добрых сто двадцать пять. Черные волосы, темные злые глаза.

— Откуда ты взял эти сто восемь стран? — спросил он.

— Не говорите мне «ты». Я не желаю, чтобы всякая сволочь ко мне на «ты» обращалась. Говорите «сэр» или хотя бы «господин». Откуда взял? Дурацкий вопрос, я же сам счет вел. Сто восьмая — Верхняя Вольта. И провалиться мне на этом месте — хуже нашей нет. Я лежал в больницах Северной Кореи, и Гондураса, и Макао, и Доминиканской Республики, и Пакистана, и Эквадора. И нигде не видел такого безобразия, как здесь, в Мальмё, этим летом. Сунули в палату, которую строили еще в прошлом веке.

Морд посмотрел по сторонам.

— Здесь не убрано, — продолжал он. — Я не мастер убирать, не обучен.

Он взял пустую бутылку и отнес на кухню.

— Ну так, с этим все. А теперь позвольте задать один вопрос. Что тут такое происходит, черт возьми? Почему, когда я бреюсь, какой-то идиот скребется в мою дверь? Я бреюсь два раза в день, утром в шесть часов, потом в три. Сам бреюсь. Опасной бритвой. Так лучше.

Мартин Бек молчал.

— Я задал вам вопрос. Не слышу ответа. Вот вы — кто вы такой? За каким чертом пришли в мой дом?

— Меня звать Мартин Бек, я служу в полиции. Комиссар уголовной полиции, начальник отдела по расследованию убийств.

— Год и месяц рождения?

— Двадцать пятое сентября тысяча девятьсот двадцать второго года.

— Ясно. То ли дело, когда сам вопросы задаешь. Что вам угодно?

— Ваша бывшая жена пропала семнадцатого октября.

— Ну и что?

— Нам хотелось бы знать, куда она могла деться.

— Хотелось бы… Но я же говорил, сто тысяч чертей, что ничего не знаю. Семнадцатого числа я как раз сидел на пароме «Мальмёхюс», опрокинул стаканчик. Ну хорошо, не стаканчик.

— Вы, кажется, держите что-то вроде ресторана?

— Держу. У меня там две бабы работают. И полная чистота, черт возьми, вся медь сверкает, а не то я их в два счета выставлю. Я проверяю. Захожу, когда меня никто не ждет.

— Понятно.

— Вы там что-то насчет убийства намекали.

— Да, такая возможность не исключена. Похоже, кто-то ее похитил. А ваше алиби не очень-то надежно.

— Мое алиби в полном порядке. Я сидел на «Мальмёхюсе». А вот рядом с ней псих живет, извращенец. Если он Сигбрит хоть пальцем тронул, я ее собственными руками задушу.

Мартин Бек посмотрел на его руки. Страшные руки. Не только человека — медведя задушат.

— Вы сказали «ее». «Задушу ее».

— Я оговорился. Я люблю Сигбрит.

Так, вот и прояснилось кое-что. Бертиль Морд — опасный человек, он не владеет собой. За много лет привык командовать другими. Возможно, он неплохой моряк, но на суше ему не по себе. От него можно ждать всего, в том числе самого худшего.

— Вся беда моя в том, что я родился на свет в этом проклятом Треллеборге, — говорил Морд. — Стал, так сказать, гражданином, а на черта мне это надо. В стране, которую я могу выносить месяц, от силы два. И все бы еще ничего, все шло хорошо, пока я не заболел. Я полюбил Сигбрит, почти каждый год к ней приезжал. Нам было хорошо вместе. Потом я снова уходил в море. Пока не началась эта волынка. Печень забастовала, и теперь мне не дают справку.

Он помолчал.

— А теперь уходите, — вдруг произнес он. — Не то я разозлюсь и врежу по морде.

— Ладно, — ответил Мартин Бек. — Если приду снова, то скорее всего с ордером на арест.

— Катитесь к черту.

— Что вы можете сказать о вашей жене? Что она за человек?

— Не ваше дело. Вон отсюда.

Мартин Бек шагнул к двери.

— Всего доброго, капитан Морд, — сказал он.

— Постойте, — вдруг остановил его Морд.

Он поставил на стол одеколон, положил бритву.

— Я передумал. Сам не знаю почему.

Он сел и налил себе стакан водки.

— Пьете?

— Пью, — ответил Мартин Бек. — Но не сейчас и не теплую водку.

— И я не пил бы теплую неразбавленную. Будь у меня стюард или слуга, который по первому знаку бегом приносит лед и лимонный сок. А что, в самом деле, продать пивнушку, уехать да наняться на пароход в Панаме или Либерии…

Мартин Бек сел к столу.

— Вот только одна загвоздка. Меня не возьмут капитаном. От силы штурманом у какого-нибудь типа вроде меня самого. И уж я не стерпел бы. Задушил бы гада.

Мартин Бек молча слушал.

— Но хоть упиться насмерть в море можно мне или нет? Много ли мне надо было — Сигбрит и пароход. Теперь ни того, ни другого. И околеть спокойно не дают, всякий черт сует свой нос.

Он обвел взглядом комнату.

— Думаете, мне нравится так жить? Нравится в дерьме сидеть?

Он хлопнул ладонью по столу так, что стакан едва не опрокинулся.

— Знаю, знаю, что вы думаете! — орал он. — Вы думаете, я Сигбрит угробил. Да только не было этого. Неужели не ясно? Э, да знаю я цену вам, ищейкам шведским и всем прочим. Полицейские — крысы портовые. Только на то и годятся, чтобы приходить на борт и разживаться выпивкой и сигаретами, а не дашь — пожалеешь. Помню паразита одного в Милуолле, когда мы туда ходили. Этакий бобби. Как пришвартуемся — стоит будто статуя и козыряет. «Йес, сёёр», да «Глэд ту си ю, кэптен»[1]. Потом набьет карманы табачком и бутылками так, что еле ползет по сходням. И у нас то же самое.

— Мне не нужно от вас ни водки, ни табака.

— А что же вам нужно, черт возьми?

— Мне нужно знать, что случилось с вашей бывшей женой. Поэтому спрашиваю, что вы можете о ней сказать, что она за человек.

— Человек? Она хороший человек. Чего вы от меня добиваетесь? Я ее люблю. А вам надо меня подловить. Слышали от этого полицейского в Андерслёве, что я ее поколачивал. А вам известно, что он сам мне однажды по морде съездил? Никогда не думал, что у него духу хватит. Это мне-то — меня всего один раз в жизни били, да и то — четверо против одного. В Антверпене. Но в Андерслёве он был прав, а я не прав, вот и смирился.

Мартин Бек посмотрел на Морда.

Похоже, старается изобразить, что он не так уж и плох…

— Вы долго были женаты? — спросил Мартин Бек.

— Да. Сигбрит было всего восемнадцать, когда мы сошлись. Через два месяца я ушел в плавание. И после все время был в море, только на месяц-другой приезжал домой каждый год, и все было очень здорово.

— Вы говорите об интимных отношениях?

— Ну да. Я ей нравился.

— А остальные десять месяцев?

— Она говорила, что верна мне, и у меня не было никаких доказательств обратного.

— А вы сами?

— Сам-то я в каждом порту душу отводил.

— А что вы говорили дома?

— Кому, Сигбрит? Что говорил — мол, ни разу не изменял, только и ждал отпуска. И теперь ничего не сказал бы, если бы не такие дела. Теперь-то все равно.

— Вы хотите сказать, потому что Сигбрит мертва?

Если Мартин Бек ждал, что его собеседник вспылит, то он ошибался. Морд отхлебнул из стакана, и рука его не дрожала.

— Так и стараетесь меня в ловушку заманить, — спокойно произнес он. — Не выйдет. Во-первых, я в тот день был на пароме, а во-вторых, не верю, что Сигбрит мертва.

— А что же вы думаете по этому поводу?

— Не знаю. Зато я знаю кое-что другое, что вам и в голову не приходило.

— Например?

— У Сигбрит есть свое маленькое тщеславие. Ей жутко нравилось быть женой капитана и хозяйкой маленького домика. Пока мы были вместе, нашего заработка вполне хватало. Да у меня еще кое-что для себя оставалось. Потом мы разошлись. Разошлись и разошлись, что тут поделаешь, но с какой стати мне платить ей за то, что она от меня избавилась. Так что никакого пособия или другой помощи она от меня не получала. И после развода ей уже шиковать не приходилось.

— Почему же вы разошлись?

— Невмоготу мне было торчать в этой деревне и ничего не делать. Вот и ударился в запой, орал на нее, мол, убери, почисти ботинки, колотил ее, а ей это не по нраву было. И ничего удивительного. Потом-то я себя сколько раз за это ругал. И сейчас сижу здесь и кляну себя. За это и за то, что пятнадцать лет выпивал в день по две бутылки. Поехали!

Морд залпом выпил весь стакан. Двести граммов водки — словно воду, даже не крякнул.

— Хотелось бы выяснить еще одну вещь, — сказал Мартин Бек.

— Ну?

— После развода ваша связь продолжалась?

— Было дело. Приезжал к ней, отводил душу. Но это уже давно было. Последний раз года полтора назад… Я-то все еще надеялся, что мы снова поладим, но теперь уж поздно.

— Почему?

— Причин много. Хотя бы моя болезнь. Да и зачем восстанавливать отношения, которые во многом строились на лжи и обмане? Пусть даже я один врал. И все-таки я ее люблю.

Мартин Бек поразмыслил, потом сказал:

— Капитан Морд, судя по вашим словам, вы неплохо женщин изучили.

— Что ж, можно сказать и так. А что?

— Ваша жена — можно назвать ее привлекательной женщиной, волнующей?

— Еще как! Что вы думаете, я просто так каждый год по месяцу и больше стоял на якоре в Андерслёве?

Мартин Бек почувствовал, что зашел в тупик. Чем дальше, тем труднее становилось ему определить свое мнение. И Морд уже не вызывал у него такого отпора, как в начале беседы.

— Сто восемь стран — это же надо… Как только вы все помните.

Морд сунул руку в задний карман брюк и достал записную книжку в кожаном переплете, чуть ли не с молитвенник толщиной.

— Помните, помните. Я же говорил вам, учет веду. Вот глядите.

Он полистал книжку. Страницы в мелкую черную линейку были почти все исписаны.

— Вот, — продолжал Морд. — Тут у меня все. Начинается со Швеции, Финляндии, Польши, Дании и кончается такими странами, как Мальта, Южный Йемен и Верхняя Вольта. Конечно, на Мальте я и раньше бывал, но в перечень записал только после того, как она стала независимой. Мировая книжечка. Я купил ее в Сингапуре более двадцати лет назад и с тех пор ни разу не видел ничего подобного. — Он засунул ее обратно в карман. — Так сказать, судовой журнал моей жизни. Вся жизнь человека в такую маленькую книжечку укладывается… А большинству и того много.

Мартин Бек встал. Морд сорвался со стула и вытянул перед собой свои ручищи.

— А если кто Сигбрит какую гадость подстроил, предоставьте его мне. Да только никто не посмеет ее тронуть. Она моя.

Его темные глаза сверкали.

— Разорву в клочья, — бушевал он. — Мне не впервой.

Мартин Бек посмотрел на его руки

— Вам не мешало бы хорошенько вспомнить, что вы делали семнадцатого числа, капитан Морд. Ваше алиби не очень убедительно.

— Алиби, — фыркнул Морд. — По какому это случаю?

В два шага он очутился у двери и распахнул ее.

— А теперь катитесь к черту. Да поживее, пока я еще добрый.

— Всего хорошего, капитан Морд, — вежливо попрощался Мартин Бек.

В ярком свете из двери он рассмотрел, что у Морда желтые белки.

— Крыса портовая! — проревел Морд.

И с грохотом захлопнул за ним дверь.

Мартин Бек отшагал метров сто в сторону центра.

Потом повернул и направился к гавани. Возле «Савоя» остановился и вошел в бар.

— А, здравствуйте, — приветствовал его бармен.

Мартин Бек кивнул и сказал:

— Виски.

— Как обычно, с ледяной водой?

Мартин Бек снова кивнул.

Прошлый раз он заходил сюда больше четырех лет назад. Да, вот это память.

Он долго сидел размышляя.

Поди тут разберись. У него было такое чувство, словно Морд в чем-то провел его. Что это, бесшабашная откровенность или изощренная хитрость? Во всяком случае, Морд что-то очень уж легко говорит об убийствах.

Он заказал еще стаканчик виски.

Потом рассчитался и вышел. Пересек по мостику канал и направился к шеренге такси перед вокзалом. Путь до Андерслёва занял ровно двадцать девять минут.

VI

Колльберг появился в Андерслёве только под вечер в воскресенье, и задержка объяснялась вполне уважительными причинами. В субботу приятель, у которого он гостил, угощал его не только раками. К ним подали изрядное количество водки. Похмелье пришлось изгонять с помощью бани и морских ванн. И только тогда Леннарт со спокойной совестью мог сесть за руль автомашины.

Вечером они помогли Раду приготовить обед. Как Мартин Бек и ожидал, Рад и Колльберг сразу же подружились.

В понедельник утром Рад снова с удовольствием выступил в роли гида, и Колльберг не скрывал восхищения от его рассказа и чудных окрестностей.

В Думме они подъехали к дому Фольке Бенгтссона. Грузовик отсутствовал, и на стук в дверь никто не отозвался.

— Рыбу ловить отправился, — заключил Рад. — Или объезжает своих клиентов. Вечером должен быть дома.

Они расстались около полицейского участка. Рада ждали текущие дела, а Мартин Бек и Колльберг не спеша побрели в сторону шоссе. Воздух был чистый, свежий, пригревало солнце.

От здания потребсоюза отъехала желтая машина с красной надписью «КВЕЛЛЬСПОСТЕН». Пока она поднималась в гору, из газетного киоска вышел киоскер и повесил на видном месте рекламный листок. Половину его занимали огромные буквы «Убийство женщины», а ниже мелким курсивом — «в Андерслёве?»

Колльберг взял Мартина Бека под руку, собираясь переходить улицу, но Мартин Бек указал кивком на машину пресс-бюро, которая остановилась возле аптеки, напротив гостиницы.

— Я обычно покупаю газеты в табачной лавке на площади, — сказал он.

— Обычно? У тебя здесь успели выработаться привычки?

— Как тебе сказать, просто лавка уютная.

Хозяйка магазина стояла за прилавком, держа в руке рекламный листок.

— Я вижу, вы уже нашли Сигбрит, — сказала она.

Мартин Бек успел стать известным в поселке.

— Бедняжка, — продолжала женщина.

— Не всему верьте, что в газетах пишут, — сказал Колльберг. — Еще ничего не известно. Кстати, там вопросительный знак стоит, правда совсем маленький.

— Что верно, то верно, — подхватила женщина. — Нынешние газеты и продавать-то не хочется. Сплошной обман, и грязь, и ужасы.

Купив газеты, они прошли в гостиницу и проследовали в столовую. Время ленча, многие столики были заняты. Они сели в углу возле веранды и развернули газеты.

«Треллеборгс Аллеханда» оповещала об исчезновении Сигбрит Морд в небольшой заметке на первой странице. Текст деловой, спокойный, выдержанный в том же духе, как сдержанные высказывания Рада. Упоминались только три фамилии — пропавшей женщины, Рада и Мартина Бека. Репортер отнюдь не умалчивал о том, что к поискам привлечен отдел по расследованию убийств, однако не навязывал читателю никаких предвзятых мнений. Слово «убийство» больше не упоминалось. Газета напечатала фотографию Сигбрит Морд, снятую для паспорта, и просила всех, кто видел пропавшую после семнадцатого числа, сообщить об этом.

«Квелльспостен» размахнулась куда шире. На первой полосе — снимок на две колонки: двадцатилетняя Сигбрит Морд с «конским хвостом» и большими белыми клипсами. Внутри — еще фотографии. Дом Сигбрит Морд, дом Фольке Бенгтссона, «известного по убийству Розанны», автобусная остановка, где пропавшую видели в последний раз, испуганный Фольке Бенгтссон в полицейской машине — фото восьмилетней давности, наконец, Мартин Бек с разинутым ртом и взлохмаченными волосами. В тексте делался упор на то, что ближайший сосед Сигбрит Морд отбыл срок за убийство; отдельная заметка излагала основные моменты дела Розанны. Два местных жителя делились в интервью своим мнением о пропавшей: «Славная, милая женщина, всегда приветливая, улыбающаяся». И о Фольке Бенгтссоне: «Странный, диковатый человек, затворник, ни с кем не ладил». Фру Сигне Перссон, «возможно, предпоследний человек, видевший фру Морд живой», очень ярко описывала, как она видела Сигбрит Морд на автобусной остановке и как та, «по-видимому», села в машину Бенгтссона.

Особое внимание было уделено «грозе убийц, шефу отдела по расследованию убийств Мартину Беку», но, когда Мартин Бек дошел до слов «шведский Мегрэ», он швырнул газету на соседний стул.

— Пока что я не собираюсь высказываться. А потом придется устроить небольшую пресс-конференцию, — сказал Мартин Бек, глянув на Колльберга.

Подошла официантка, они заказали сконский гуляш с огурцом и свеклой.

Ели молча. Колльберг управился первым, как всегда. Вытер рот и обвел взглядом зал; почти все посетители уже разошлись.

Кроме Колльберга и Мартина Бека, остался всего один клиент, он сидел за столиком возле двери на кухню. Перед ним стояла бутылка минеральной воды и стакан. Он курил трубку и листал газету, время от времени поглядывая в их сторону. Лицо его кого-то напоминало Колльбергу, и он, словно невзначай, присмотрелся к нему. Лет около сорока, густые светлые волосы длинными прядями спускались на воротник светло-коричневой замшевой куртки. Очки в металлической оправе, курчавые баки, подбородок гладко выбрит. Лицо худое, с выступающими скулами, около рта — горькие складки. Нахмурив брови, он выскребал из трубки пепел в пепельницу.

Пальцы длинные, жилистые.

Вдруг клиент поднял голову и встретил взгляд Колльберга. Синие глаза его смотрели спокойно, уверенно. Колльберг не успел отвести свой взгляд, и несколько секунд они словно изучали друг друга.

Мартин Бек отодвинул тарелку и допил пиво.

В ту минуту, когда он поставил бокал, человек с трубкой сложил свою газету, встал и подошел к их столику.

— Вы меня не узнаете?

Мартин Бек внимательно посмотрел на него и покачал головой.

Колльберг ждал.

— Оке Гюннарссон. Правда, теперь моя фамилия Буман.

Они сразу вспомнили. Шесть лет назад он в драке убил своего сверстника и коллегу, журналиста Альфа Матссона. Оба были под крепкой мухой, Матссон первый затеял драку, убийство было непреднамеренным. Когда Гюннарссон опомнился, он взял себя в руки и очень толково постарался замести следы. Дело было поручено Мартину Беку, ему пришлось даже на неделю выехать в Будапешт, но в конце концов он выследил Гюннарссона. Колльберг присутствовал при аресте, но победа не доставила им удовлетворения, они успели проникнуться симпатией к Гюннарссону и видели в нем скорее жертву обстоятельств, чем хладнокровного убийцу.

В то время Гюннарссон носил бороду, стригся коротко и был куда тучнее.

— Садись, — пригласил Мартин Бек, убирая со стула газету.

— Спасибо. — Оке сел.

— А ты изменился, — сказал Колльберг. — И вес сбросил.

— Я не старался. А вообще-то нарочно изменил внешность. И не так уж плохо, если вы не узнали меня сразу.

— Почему «Буман»? — спросил Колльберг.

— Девичья фамилия матери. Самое простое. И теперь я так привык, что старую свою фамилию почти и не вспоминаю. Буду вам признателен, если вы тоже ее забудете.

— Ладно, Буман, — сказал Колльберг.

— Что ты делаешь в Андерслёве? — спросил Бек. — Ты здесь живешь?

— Нет, — ответил Оке Буман. — Приехал, чтобы попробовать взять у вас интервью. Я живу в Треллеборге. Работаю в «ТА». Это мой материал на первой полосе вы только что читали.

— Ты же совсем по другим темам специализировался, — заметил Колльберг.

— Верно. Да только в провинциальной газете приходится быть мастером на все руки. Мне еще повезло, что устроился на работу. Мой опекун помог.

— Давно ты в этой газете? — спросил Мартин Бек.

— Уже полтора года. Мне шесть лет дали — помните небось. Непредумышленное убийство. Три года отсидел, остальные сбросили и выпустили условно. Первое время на воле я себя жутко чувствовал. Чуть не хуже, чем в тюрьме, а там ведь ой как не сладко. Я не знал, куда деться. Главное было — держаться подальше от Стокгольма. В конце концов взяли меня в авторемонтную мастерскую в Треллеборге. И назначили опекуна — мировая баба. Она уговорила меня, чтобы я снова начал писать. Вот и попал в газету. Только главный редактор да еще два-три человека в городе знают… В общем, мне чертовски повезло.

По лицу его нельзя было сказать, что он очень счастлив.

Принесли кофе; некоторое время царило молчание.

Журналист посасывал трубку, нерешительно глядя на Мартина Бека.

— Меня ведь газета прислала, чтобы я расспросил вас об этом исчезновении, — сказал он извиняющимся тоном. — А я тут сижу и все про свои дела говорю.

— Да нам ведь в общем-то и нечего добавить к тому, что ты уже написал, — ответил Мартин Бек. — Ты ведь беседовал с Херрготтом Радом?

— Говорил, конечно, — подтвердил Оке Буман. — Но если вы оба сюда явились, значит, что-то подозреваете. Только по-честному — вы допускаете, что Фольке Бенгтссон убил ее?

— Мы пока ничего не допускаем. С Бенгтссоном даже и не говорили еще. Нам известно только одно: что Сигбрит Морд с семнадцатого октября не бывала дома и никто, похоже, не знает, где она.

— Но ведь вы читали «Вечерку».

— За их догадки мы не отвечаем, — сказал Колльберг. — А вот твоя газета производит вполне пристойное впечатление.

— Мы думаем вскоре созвать пресс-конференцию, — объяснил Мартин Бек. — Сейчас в этом нет смысла, нам просто нечего сказать. Но если ты наберешься терпения, я позвоню и скажу, как только выяснится что-нибудь новое. Идет?

— Идет, — ответил Оке Буман.

У Мартина Бека и Колльберга было такое чувство, словно они перед ним в долгу. И они сами не смогли бы объяснить почему.

Мартин Бек снова и снова вспоминал руки Бертиля Морда, и после ленча ему вдруг пришло в голову съездить в Треллеборг и послать по телексу запрос в Париж, в «Интерпол», по поводу этого Морда.

Большинство людей, в том числе многие сотрудники полиции, считают «Интерпол» никчемной организацией. Дескать, она тяжела на подъем, сплошная бюрократия, а в общем одна только видимость.

В данном случае эта характеристика себя не оправдала. Ответ пришел через шесть часов. Бек и Колльберг устроились в доме у Рада.

Полиция Тринидада-Тобаго сообщала, что Бертиль Морд был задержан шестого февраля тысяча девятьсот шестьдесят пятого года за убийство смазчика, бразильца по национальности. В тот же день полиция рассмотрела его дело и нашла Бертиля Морда виновным в нарушении общественного порядка, а также в «джастифайэбл хомисайд»[2], что в Тринидаде-Тобаго считалось ненаказуемым. За нарушение общественного порядка его присудили к штрафу в размере четырех фунтов. Смазчик пристал к женщине, находившейся в обществе Морда, и, следовательно, сам был виноват в том, что произошло. Морд покинул страну уже на следующий день.

— Пятьдесят крон, — сказал Колльберг. — Не так уж дорого за то, чтобы отправить на тот свет человека.

— Джастифайэбл хомисайд, — произнес Рад. — Это как же по-нашему будет? Шведский закон предусматривает право на самозащиту… Но как же все-таки перевести?

— Непереводимая формулировка, — сказал Мартин Бек.

— Несуществующее понятие, — подхватил Колльберг.

— Ну нет, — рассмеялся Рад. — В Штатах оно очень даже существует. Стоит полиции кого-нибудь убить — джастифайэбл хомисайд! Дословно — оправданное убийство. Там без этого дня не проходит.

Наступила мертвая тишина.

Колльберг с отвращением отодвинул тарелку с недоеденным бутербродом.

Потом он жадно глотнул пива и вытер рот рукой.

— Так на чем мы остановились? У Морда тухлое алиби, а то и вовсе никакого. И он известный буян. А как с мотивами?

— Ревность, — сказал Мартин Бек.

— К кому ревновать?

— Бертиль Морд способен ревновать к коту, — заметил Рад и несмело усмехнулся. — Потому они и не держали кота.

— Не густо, — сказал Колльберг. — Перейдем к Фольке. У Фольке Бенгтссона нет никакого алиби и есть судимость за убийство. Но есть ли у него мотивы?

— Он ненормальный — чем не мотив, — сказал Рад.

— Если говорить об убийстве Розанны Макгроу, — возразил Мартин Бек, — то там был мотив. Правда, достаточно сложный.

— Чепуха, Мартин, — вмешался Колльберг. — Есть одна вещь, о которой мы с тобой никогда не говорили, но я об этом думал много раз. Ты убежден, что Фольке Бенгтссон был виновен в убийстве… Я тоже в этом убежден… А доказательства? Конечно, он тебе признался — после того как мы подстроили ему провокацию, а я сломал ему руку. На суде-то он отпирался. Что же было доказано? Только то, что он пытался изнасиловать или, возможно, — повторяю: возможно! — убить сотрудницу полиции, которой мы поручили заманить и соблазнить его и которая была почти раздета, когда он пришел к ней на квартиру. И вот тебе мое мнение: в правовом государстве Фольке Бенгтссон не был бы осужден за убийство Розанны Макгроу. Доказательства слишком слабы. Не говоря уже о том, что у него психика не в порядке, а его вместо больницы заперли в тюрьму.

— Как бы то ни было, завтра надо допросить Фольке Бенгтссона, — сказал Мартин Бек, уходя от неприятной темы.

— Да, — согласился Рад. — Пора уже.

— По-моему, надо еще устроить и пресс-конференцию, — заметил Колльберг. — Хоть и противно.

Мартин Бек мрачно кивнул.

По лицу Рада было видно, что он предвкушает интересный, даже увлекательный день.

Мартин Бек и Колльберг смотрели на дело иначе.

VII

Это была роскошная процессия. Ровно в час дня шестого ноября тысяча девятьсот семьдесят третьего года они вышли из андерслёвского полицейского участка; впереди выступал нижний чин в форме. Следом за Мартином Беком шагал Колльберг, сопровождаемый по пятам псом Тимми. Замыкал шествие Рад, как всегда в зеленых резиновых сапогах и охотничьей шляпе, сдвинутой на затылок; рука его держала туго натянутый поводок.

Колльберг и Мартин Бек сели в патрульную машину, а Рад затолкал своего пса в томатную «аскону» и сел за руль, чтобы возглавить выезд.

В кортеже не хватало только одной машины — зеленого «зингера» Оке Бумана. Объяснялось это очень просто. Верный вчерашнему обещанию, Колльберг позвонил в Треллеборг и заранее известил Бумана, что намечено на этот день.

— Лучше не будем спешить, чтобы никто не отстал, — сказал, ухмыляясь, Рад.

— Завидую Херрготту, — произнес Колльберг — Веселая душа.

— Это верно, — сказал вдруг водитель. — Такого весельчака поискать надо. Работать с ним сплошное удовольствие, я рад такому начальнику, извините за каламбур. Да он никогда и не строит из себя начальника. Чином куда старше меня, но ни разу не дал мне это почувствовать.

— Давно в полиции служишь? — спросил Мартин Бек.

— Шесть лет. Больше никуда не смог устроиться. Не знаю, как вам понравятся мои слова, но начинал я службу в Мальмё и чувствовал себя так паршиво, что дальше некуда. Люди смотрели на меня, как на зверя, да я и сам чувствовал, что со мной что-то неладное творится. В шестьдесят девятом послали нас разгонять демонстрацию — как пошли мы колошматить народ дубинками! Я сам девчонку одну ударил, лет семнадцати, не больше, да еще с ней ребенок маленький был.

Мартин Бек посмотрел на Эверта Юханссона. Молодой парень, открытый, искренний взгляд.

Колльберг вздохнул, но промолчал.

— Потом я сам себя увидел в телевизоре. Прямо хоть иди вешайся. В тот же вечер решил бросить эту службу, но…

— Давай, давай.

— Ну, просто у меня жена молодец. Это она придумала, чтобы я попросился в провинцию. И мне повезло. Попал сюда. Иначе не носил бы я сегодня эту форму.

Рад свернул направо, и вскоре они оказались у цели.

Дом небольшой, старый, но не запущенный. Недалеко от калитки стояла машина Оке Бумана; сам владелец сидел впереди с книгой в руках.

Фольке Бенгтссон орудовал лопатой около курятника. Он был в комбинезоне, в кожаных сапогах, на голове клетчатая кепка.

Рад подошел к багажнику своей «асконы» и достал хозяйственную сумку из полиэтилена.

— Присмотри, пожалуйста, за псом, Эверт, — попросил Рад. — Знаю, знаю, задание нелегкое, но и наше ненамного лучше. И постарайся не пускать на участок компанию репортеров.

Он вошел в калитку, Мартин Бек и Колльберг последовали за ним. Колльберг аккуратно закрыл за собой калитку.

Фольке Бенгтссон отставил лопату в сторону и встретил их на крыльце.

Войдя в дом, Рад достал из сумки ботинки и переобулся.

Мартин Бек слегка опешил.

Он корил себя за плохое знание деревенских обычаев и нравов. А ведь все логично: отправляешься в гости в сапогах — захвати ботинки.

Фольке Бенгтссон тоже снял сапоги.

— Пойдем в гостиную, что ли, — произнес он бесцветным голосом.

Мартин Бек быстро осмотрел комнату. Обставлена скромно, но аккуратно. Единственные предметы роскоши — большой аквариум и телевизор.

Снаружи доносился шум тормозящих машин, его сменил нестройный галдеж.

Бенгтссон почти не изменился за девять лет. Если тюрьма и наложили на него свою печать, то в глаза это не бросалось.

Мартину Беку вспомнилось лето шестьдесят четвертого.

Бенгтссону было тогда тридцать восемь лет, он производил впечатление спокойного, сильного, здорового человека. Синие глаза, волосы чуть тронуты сединой. Высокий, плечистый, симпатичный. Аккуратная, располагающая внешность.

Теперь ему сорок семь, седины прибавилось.

В остальном никакой разницы.

Мартин Бек провел по лицу ладонью. Ему вдруг отчетливо представилось, как трудно было одолеть сопротивление этого человека, заставить его раскрыться, проговориться, хоть в чем-то признаться.

— Ну так, — начал Рад. — Вообще-то не мне вести допрос, но я полагаю, ты понимаешь, о чем речь.

Фольке Бенгтссон кивнул. Или не кивнул. Во всяком случае, дернул головой.

— Очевидно, тебе знакомы эти господа.

— Как же, — ответил Бенгтссон. — Я сразу узнал старшего ассистента Бека и ассистента Колльберга. Добрый день.

— Теперь они уже комиссары полиции, — поправил Рад. — Ну да это большой роли не играет.

— Гм, — вступил Колльберг. — Строго говоря, я только врио комиссара. А настоящий титул — инспектор. Но как сказал Херрготт, это роли не играет. Кстати, может, перейдем на «ты»?

— Пожалуйста, — согласился Бенгтссон, — Тем более что здешние вообще не церемонятся. Я заметил, что дети даже пастору говорят «ты». В тюрьме тоже обходились без церемоний.

— Неприятно тюрьму вспоминать? — спросил Мартин Бек.

— Почему же неприятно. Я там превосходно чувствовал себя. Полный порядок, правильный образ жизни. Куда лучше, чем дома. Ничего плохого сказать не могу. Мне жилось хорошо, никаких осложнений, как говорится… Может, сядем? — сказал Бенгтссон.

Мартин Бек сел, Рад тоже.

Никто из них не подумал о том, что стульев только три.

— Речь пойдет о Сигбрит Морд, — сказал Мартин Бек.

— Ясно.

— Вы… ты ведь ее знаешь?

— Конечно. Она живет в двухстах шагах отсюда, через дорогу.

— Она исчезла.

— Я слышал об этом.

— Последний раз ее видели около часа дня, семнадцатого, прошлого месяца. В среду, значит.

— Ну да, мне точно так и говорили.

— Она заходила на почту в Андерслёве. Оттуда должна была ехать на автобусе до здешней развилки.

— И это я тоже слышал.

— Свидетели утверждают, что вы с ней разговаривали на почте.

— Правильно, разговаривал.

— И о чем же вы говорили?

— Она хотела купить яиц, спросила, будет ли что-нибудь в пятницу.

— Так.

— Я сказал, что найдется десяток.

— Ну!

— Ее это устраивало. Сказала, что десятка хватит.

— А еще что она сказала?

— Спасибо сказала. Или что-то в этом роде. Точно не помню.

— Сигбрит Морд в тот день была без машины.

— Да, мне об этом тоже говорили.

— Вот я и хочу спросить: ты знал, что она без машины? Знал, когда вы встретились на почте?

Фольке Бенгтссон долго молчал, наконец ответил:

— Знал.

— Откуда тебе это было известно?

— Так ведь соседи, хочешь не хочешь — такие вещи примечаешь.

— А ты приехал и Андерслёв на своем грузовике?

— Ну да, он на плошали стоял.

Рад вытащил из кармана пиджака старые карманные часы и щелкнул крышкой.

— Как раз в это время Сигбрид Морд должна была стоять на автобусной остановке, — заметил он, — Если только ее не подобрала попутная машина.

Фольке Бенгтссон посмотрел на свои ручные часы.

— Точно. Все правильно, И мне так говорили.

— И в газетах так написано, — вставил Мартин Бек.

— Я не читаю газет и журналов, — ответил Фольке Бенгтссон.

— Даже развлекательных, вроде «Лектюр»? Даже спортивных?

— «Лектюр» стал не тот, что прежде, одни пошлости. Спортивных журналов совсем не осталось. И вообще еженедельники слишком дорого стоят.

— Раз уж вы встретились на почте и у нее не было машины, почему бы не подвезти ее на своем грузовике? Вам ведь было по пути?

Его вопрос опять заставил Бенгтссона задуматься.

— Верно, — произнес он наконец. — Кажется, почему бы не подвезти? Но это только кажется.

— Она просила подвезти ее?

На сей раз Бенгтссон так долго медлил с ответом, что Мартин Бек счел нужным повторить вопрос.

— Сигбрит Морд спрашивала вас, не подвезете ли вы ее на грузовике?

— Честное слово, не припомню.

— Но допускаете такую возможность.

— Не знаю. Это все, что я могу сказать.

Мартин Бек посмотрел на Рада. Тот поднял брови и пожал плечами.

— Может быть, дело было наоборот? Вы сами вызвались подвезти ее?

— Ни в коем случае, — немедленно ответил Бенгтссон.

Голос его звучал уверенно.

— Значит, на этот счет у вас нет никаких сомнений?

— Никаких. Я никогда никого не подвожу. Если кто и едет со мной, так это только в связи с моей работой. Да и это бывает очень редко.

— Вы говорите правду?

— Конечно.

— Значит, исключено?

— Абсолютно. Совершенно немыслимо.

— Почему же так — даже немыслимо.

— Видно, такая у меня натура.

Да, натура у Фольке Бенгтссона замысловатая. Есть о чем поразмыслить.

— Это как понимать? — спросил Мартин Бек.

— А так, что я привык по распорядку жить. Любой из моих клиентов может подтвердить, что я не люблю опаздывать. Если меня что-нибудь и задержит, потом спешу нагнать.

Мартин Бек поглядел на Рада, который изобразил на лице гримасу. Ее следовало понимать: мол, приверженность Бенгтссона к пунктуальности не подлежит сомнению.

— Меня выводит из себя все, что нарушает обычное течение моей жизни. Кстати, и наша беседа выбивает меня из колеи. Не то, чтобы меня лично, но из-за нее у меня куча дел останется невыполненной.

— Понятно.

— И могу повторить, что я никого не подвожу. Тем более женщин.

Колльберг поднял голову.

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему ты сказал: «Тем более женщин»?

Лицо Бенгтссона изменилось, посуровело. И взгляд его был уже не безразличным. Но что он выражал? Ненависть? Отвращение? Страсть? Осуждение?

Возможно, безумие.

— Отвечай, — сказал Колльберг.

— У меня было много неприятностей из-за женщин.

— Это нам известно. Но ведь больше половины человечества составляют женщины, от этого никуда не денешься.

— Женщина женщине рознь, — возразил Бенгтссон. — Мне почти одни скверные попадались.

— Скверные?

— Вот именно. Скверные люди. Недостойные представительницы своего пола.

Колльберг безнадежно уставился на окно. Псих, да и только. Но что это доказывает? Вот на груше в двадцати шагах от дома повис, словно обезьяна, фотограф из газеты — можно считать его нормальным? Наверно, можно.

Колльберг глубоко вздохнул и обмяк.

Мартин Бек с присущей ему методичностью продолжал:

— Оставим пока эту тему.

— Оставим, — согласился Фольке Бенгтссон.

— Не будем заниматься общими рассуждениями, обратимся к фактам. Вы вышли из почты всего через несколько минут после нее, так? Что было дальше?

— Я сел в машину и поехал домой.

— Прямо сюда?

— Прямо сюда.

— Теперь следующий вопрос.

— Слушаю.

Мартин Бек был недоволен собой. Почему он никак не может заставить себя говорить «ты»? Колльберг смог, и у Рада это звучало вполне естественно.

— Машина должна была проехать мимо Сигбрит Морд, либо когда она стояла на остановке, либо в непосредственной близости от нее.

Фольке Бенгтссон молчал. Мартин Бек услышал свой собственный голос:

— Фру Морд при этом было видно?

— Вопрос-то простой, Фольке, проще некуда, — сказал Рад. — Видел ты Сигбрит или не видел?

Бенгтссон подумал еще, наконец вымолвил:

— Я ее видел.

— Чуть громче, пожалуйста, — попросил Мартин Бек.

— Я ее видел.

— Где именно?

— На автобусной остановке. Может быть, несколько шагов не доходя остановки.

— Один свидетель утверждает, что машина притормозила около остановки. Может быть, даже остановилась.

Убегали секунды. Время шло. Все стали на минуту старше. Наконец Бенгтссон тихо произнес:

— Я видел ее и, возможно, сбавил ход. Она шла вдоль правой обочины. Я всегда стараюсь ехать осторожно и притормаживаю, когда обгоняю пешехода. Может быть, так было и на этот раз, я не помню.

— Машина шла так тихо, что совсем остановилась?

— Нет, я не останавливался.

— А со стороны могло показаться, что машина остановилась?

— Не знаю. Честное слово, не знаю. Знаю только, что я не останавливался.

Мартин Бек повернулся к Раду:

— Кажется, он только что говорил, что старается ехать быстрее, когда запаздывает?

— Говорил, точно.

Мартин Бек снова обратился к убийце. Черт возьми, он в самом деле уже думал о нем как об убийце.

— Посещение почты не было задержкой, которая потом вынуждала бы поторапливаться?

— Я всегда захожу на почту по средам, — спокойно ответил Фольке Бенгтссон. — Во-первых, отправляю письмо матери в Сёдертелье. Ну и еще дела бывают.

— Сигбрит Морд не садилась в машину?

— Нет. Честное слово, не садилась.

Вопрос был наводящий, но в обратном смысле.

— Или Сигбрит Морд все же села в машину?

— Нет, не села. Я не останавливался.

— Еще вопрос. Может быть, Сигбрит Морд помахала рукой или сделала еще какой-нибудь знак?

Снова воцарилась мучительная, непонятная пауза.

Бенгтссон молчал.

Смотрел в глаза Мартину Беку и молчал.

— Сигбрит Морд сделала какой-нибудь знак, когда увидела машину?

Еще кусок жизни ушел в небытие. Мартин Бек думал о женщинах и о том, на что можно было потратить это время.

Снова на выручку пришел Рад. Он рассмеялся и сказал:

— Ну что ты молчишь, Фольке? Махала тебе Сигбрит или нет?

— Не знаю, — ответил Бенгтссон.

Так тихо, что они едва расслышали.

— Не знаете? — повторил Мартин Бек.

— Да, не знаю.

— Почему ты не хочешь говорить ему «ты»? Уж больно вычурно получается, — сказал Рад.

— Не могу, — ответил Мартин Бек.

Это была правда. Он не мог. Хорошо хоть, хватает духу быть честным.

— Ладно, не можешь, так не можешь, — вздохнул Рад. — Кто за правду горой, тот и герой. Всяк правду хвалит, да не всяк ее сказывает.

Колльберг слегка опешил.

— Народная мудрость, — объяснил Рад, смеясь.

Фольке Бенгтссон не смеялся.

— Итак, Бенгтссон знаком с Сигбрит Морд. Не может быть, чтобы вы никогда не думали о ней как о женщине. Я задам вопрос и хочу услышать честный ответ. Какого мнения Бенгтссон о ней? Как о женщине…

Молчание.

— Отвечай, — сказал Рад. — Фольке, ты должен ответить. Только по-честному.

— Иногда я думаю о ней как о женщине. Изредка.

— Ну и? — поторопил его Мартин Бек.

— По-моему, она…

— Что она?

Фольке Бенгтссон и Мартин Бек смотрели друг другу в глаза. У Бенгтссона — голубые. У Мартина Бека (ему ли об этом не знать) — серо-голубые.

— Отвратительная, — сказал Фольке Бенгтссон. — Безнравственная. Животное. От нее разит. Но я вижусь с ней часто. А думал вот так только два или три раза. Вы это хотели от меня услышать? — спросил Фольке Бенгтссон.

— Ты отнес ей яйца в пятницу?

— Нет, я же знал, что ее нет.

Они помолчали.

— Вы меня мучаете, — сказал Фольке Бенгтссон. — Но я на вас не в обиде. Такая уж у вас работа. Моя работа — торговать рыбой и яйцами.

— Верно, — мрачно произнес Колльберг. — Мы мучили тебя раньше и теперь мучаем. Я в тот раз сломал тебе руку. Ни за что ни про что.

— Ничего, она быстро срослась. Совсем зажила, честное слово. Вы приехали, чтобы забрать меня?

Мартина Бека вдруг осенило.

— Ты видел бывшего мужа Сигбрит Морд?

— Видел. Два раза. Он приезжал на бежевой «вольво».

Рад изобразил лицом нечто загадочное, но вслух ничего не сказал.

— Может быть, хватит? — спросил Колльберг.

Мартин Бек встал. Рад снял ботинки и убрал их в сумку. Надел сапоги.

Он один догадался сказать:

— Всего хорошего, Фольке. Извини.

— Всего, — сказал Колльберг.

Мартин Бек промолчал.

— Небось еще приедете, — сказал Фольке Бенгтссон.

— Там будет видно, — ответил Рад.

За калиткой их встретило щелканье фотокамер.

Кто-то, сидя в машине, говорил в микрофон передатчика:

— Шеф отдела по расследованию убийств в эту минуту выходит со своим ближайшим сотрудником из дома убийцы Розанны. Дом находится под наблюдением местной полиции и ищейки. Убийца, по-видимому, не арестован.

Рад прокашлялся и громко объявил:

— Пресс-конференция откладывается на полчаса. Сбор в здании муниципалитета. Лучше всего в библиотеке.

VIII

До начала пресс-конференции было полчаса, и они воспользовались передышкой, желая разобраться, что же, собственно, сказал Фольке Бенгтссон. Или чего он не сказал.

— Он ведет себя в точности, как в прошлый раз, — заметил Мартин Бек. — Ясно и однозначно отвечает на все, что можно проверить.

— Он чокнутый, — мрачно произнес Колльберг.

— Вдруг перестает отвечать… — сказал Рад. — Ты это подразумеваешь?

— Мое впечатление вполне согласуется с тем, что мне известно о Бенгтссоне, — продолжил Мартин Бек. — Он настораживается, как только заходит речь о разговоре на почте и о том, что было на автобусной остановке. Знает, есть свидетели, которые могли слышать их разговор и видеть, как она сделала ему знак.

— Но зачем же ему врать, коли она просила подвезти ее? — спросил Рад. — Тем более если он не остановился.

— Не забудь, что он не видел ничего хорошего от полиции и правосудия, — сказал Колльберг. — Но пока у нас нет трупа, нет и убийства и не в чем обвинять Бенгтссона.

Мартин Бек потер переносицу указательным и большим пальцами правой руки.

Рад вынул из кармана часы и посмотрел на циферблат.

— Что, пора? — спросил Колльберг.

— Еще есть несколько минут. Я только хотел обратить внимание на одну деталь, которую вы могли упустить.

— Давай выкладывай… — Колльберг понурился.

— Так вот. Фольке заявил, что знает Бертиля Морда в лицо и два раза видел его на бежевой «вольво». Это расходится с моими данными. Морд уже давно здесь не показывался. Он развелся с Сигбрит еще до того, как Фольке приехал и купил старый дом по соседству.

— Верно, — подтвердил Мартин Бек. — Я тоже об этом думал. Морд сам сказал мне, что иногда наведывался к ней, но в последний раз был у нее года полтора назад.

— Выходит, твой капитан врет, — сказал Колльберг.

— В нашей беседе с ним было много такого, что заставляло меня сомневаться в его правдивости.

— А теперь пора спускаться вниз, — сообщил Рад. — Будем что-нибудь говорить о Морде?

— По-моему, не стоит, — сказал Мартин Бек.

Пресс-конференция была в высшей степени импровизированной и весьма неприятной для Мартина Бека и Колльберга, поскольку им почти нечего было сказать.

Но и отказаться от нее они не могли, иначе журналисты не дали бы им спокойно работать.

Рад был настроен более добродушно; похоже, что ему даже весело.

Первый же вопрос был характерен своей грубостью:

— По-вашему, Сигбрит Морд убита?

Мартин Бек был вынужден ответить:

— Мы не знаем.

— Но тот факт, что ты сам и твой ближайший сотрудник находитесь здесь, разве не свидетельствует, что вы подозреваете убийство?

— Правильно, такая возможность не исключена.

— Можно ли сказать, что есть подозреваемый, но тела нет?

— Я бы так не сказал.

— А как сказала бы в этом случае полиция?

— Мы не знаем, где находится фру Морд и что с ней могло случиться.

— Но ведь кто-то был подвергнут допросу?

— Мы многих опрашивали, чтобы выяснить, куда могла деться фру Морд.

Мартин Бек ненавидел пресс-конференции. Вопросы часто носили беззастенчивый и провокационный характер. Отвечать на них было нелегко, и никакой гарантии, что ответ не извратят.

— Будет ли кто-нибудь арестован в ближайшие дни?

— Нет.

— Но возможность ареста уже обсуждалась?

— Это было бы преждевременно. Нам даже неизвестно, можно ли говорить о каком-либо преступлении.

— Как же тогда объяснить присутствие здесь сотрудников отдела по расследованию убийств?

— Пропала женщина. Мы пытаемся выяснить, что произошло.

— Что-то полиция уж очень осторожничает.

— В отличие от прессы, — парировал Колльберг.

— Наша задача сообщать общественности факты. Когда мы не получаем сведений от полиции, приходится добывать их самим. Почему вы не хотите открыть свои карты?

— Потому что карт нет, — ответил Колльберг. — Мы разыскиваем Сигбрит Морд. Если вы хотите нам помочь, пожалуйста…

— Разве не естественно предположить, что она стала жертвой убийства по сексуальным мотивам?

— Нет, — сказал Колльберг. — Пока мы не знаем, где она, всякие предположения такого рода преждевременны.

— Хотелось бы услышать, как полиция резюмирует ситуацию.

Колльберг молча посмотрел на русую девушку лет двадцати пяти, которая задала этот вопрос.

— Так как?

Колльберг и Мартин Бек продолжали молчать.

Рад глянул на них и взял слово:

— То, что нам известно, изложить очень просто. Около полудня, в среду, семнадцатого октября, фру Морд вышла из почты. С тех пор ее никто не видел. Один свидетель, кажется, видел ее на автобусной остановке или около остановки. Вот и все.

Репортер, который назвал Бека в своей статье шведским Мегрэ, прокашлялся и сказал:

— Бек!

— Слушаю вас, редактор Мулин.

— Хватит нам голову морочить.

— О чем вы говорите?

— Это же не пресс-конференция, а пародия какая-то. Начальник отдела по расследованию убийств вместо того, чтобы отвечать по существу, все время отсиживается за спиной у своих помощников и представителей местной полиции. Ты собираешься арестовать Фольке Бенгтссона или нет?

— Мы разговаривали с ним. Это все.

Пресс-конференция явно дышала на ладан, и все это чувствовали, кроме Херрготта Рада, который вдруг заявил:

— Раз уж здесь собралось столько представителей центральных газет и радио, что бы вам взять да написать об Андерслёве!

— Это что, острота?

— Никак нет. Все твердят, что у нас в стране жуткие порядки. Если верить органам массовой информации, то в больших городах страшно высунуть голову за дверь, того и гляди, отрубят. А у нас тут тихо, спокойно. Ни безработных нет, ни наркоманов. И жить приятно. Народ симпатичный, местность красивая. Вы хотя бы на здешние храмы посмотрите.

И на этом кончилась пресс-конференция в муниципалитете Андерслёва.

Имя Бертиля Морда вообще не упоминалось.

Единственным, кто за всю пресс-конференцию не вымолвил ни слова, был Оке Буман.

IX

Если газетные сообщения в понедельник и вторник вызвали некоторый переполох в Андерслёве, то все же их можно было назвать легким бризом перед тем циклоном, который обрушился на поселок в среду.

Телефоны звонили непрерывно как дома у Херрготта Рада, так и внизу, в его служебном кабинете. Не говоря уже о полицейском управлении в Треллеборге.

Сигбрит Морд видели в Абиско и в Сканэре, на Мальорке, Родосе и на Канарских островах. А кто-то сообщил по телефону, что она накануне вечером выступала в стриптизе в одном из злачных мест Осло.

Сообщали, что она ехала на пароме из Истада в Польшу, из Треллеборга в Сассниц. По нескольку сообщений поступило из Мальмё, Стокгольма, Гётеборга и Копенгагена. Особенно настойчиво утверждалось, что она была в залах ожидания аэропортов Каструп и Стюруп.

Семь свидетелей приметили ее вместе с Фольке Бенгтссоном в самых невероятных местах.

Только в Андерслёве ее никто не видел.

Около трех часов дня Мартин Бек сидел дома у Рада, мучаясь головной болью. Только что он, неотступно сопровождаемый репортерами, побывал в аптеке и купил аспирин. И мысленно уже представлял себе заголовки в завтрашних газетах. Например: «Головная боль в Андерслёве». Ему очень хотелось заодно зайти и в винную лавку купить виски, но мысль о том, какие последуют комментарии, вынудила его воздержаться. «Похмелье в Андерслёве»?

Опять зазвонил телефон.

Чтоб ему было пусто.

Рад прикрыл микрофон ладонью и сообщил:

— Начальник отдела Мальм из Центрального полицейского управления. Хочешь поговорить с ним?

«Господи», — подумал Мартин Бек, хотя никогда не верил в Бога.

Мальм был для него все равно что пресловутая красная тряпка для быка.

Тем не менее он сказал:

— Ладно, поговорю.

Что еще остается несчастному служаке?

— Бек слушает.

— Привет, Мартин. Как дела?

— Пока что очень скверно.

Из голоса Мальма сразу пропали приятельские нотки.

— Вот что, Мартин, назревает настоящий скандал. Я только что разговаривал с начальником Центрального полицейского управления.

Скорее всего он находился в одном помещении с начальником. Известно было, что тот избегает говорить с людьми, которые способны задавать вопросы и даже прекословить.

Особенно не любил он разговаривать с Мартином Беком, который с годами завоевал очень уж большой авторитет.

К тому же начальник Центрального полицейского управления страдал манией преследования в тяжелой форме. Уже давно он внушал себе, что растущая непопулярность полиции — следствие нелюбви определенных элементов к нему лично. Причем считал: такие элементы засели и в его собственном ведомстве.

— Ты арестовал убийцу?

— Нет.

— Ты хочешь, чтобы полиция стала посмешищем?

«Стала?» — подумал Мартин Бек.

— Дело поручено нашим лучшим сотрудникам. И никакого движения. Убийца разгуливает на свободе, дает интервью, а полиция лебезит перед ним. В газетах есть снимок места, где захоронен труп.

Все свои сведения о деле Мальм почерпнул в вечерних газетах, все познания о практике полицейского следствия — из кинофильмов.

Мартин Бек услышал в трубке какой-то хриплый шепот.

— А? — заговорил Мальм. — Да-да. Учти, управление считает, что сделало все от него зависящее. Мы считаем тебя нашим самым искусным следователем после Герберта Сёдерстрёма.

— Герберта Сёдерстрёма?

— Ну да, а как правильно?

Мальм, очевидно, подразумевал Гарри Сёдермана, пресловутого шведского криминолога, который под конец жизни был начальником полиции в Танжере, а в годы второй мировой войны однажды вызвался застрелить Гитлера.

Снова какой-то шепот, Мальм тихо кому-то ответил, потом громко сказал в трубку:

— Полицию поднимут на смех. Убийца рассказывает газетчикам свою биографию. Скоро он напишет книгу о том, как обманул отдел по расследованию убийств. У нас и без того хватает неприятностей.

Что правда, то правда — у полиции хватало неприятностей.

Трудности начались около шестьдесят пятого года, когда полиция была подчинена государственным властям. И постепенно развилось государство в государстве, ненавистное для граждан. Недавние исследования показали, что отношение полицейских к гражданам становилось все более нетерпимым и реакционным.

Полиция получила власть, какой не располагала за всю историю страны. И обходилась государству дороже, чем полиция любой иной страны.

И все равно преступность росла, насилие принимало все более широкий размах. В Центральном полицейском управлении явно не отдавали себе отчета в весьма простой истине: насилие рождает насилие, и зачинщиком фактически выступила полиция.

— Ты слушаешь? — спросил Мальм.

— Слушаю, слушаю.

— Так вот, разыщи этого Бенгтссона и арестуй его.

— У нас нет никаких доказательств.

— Доказательства найдутся.

— Я в этом не так уж уверен, — ответил Мартин Бек.

— Если не считать прошлогоднюю неудачу на Бергсгатан, у тебя превосходный процент раскрытых преступлений. И дело ведь яснее ясного.

— Он что, смеется?

Голос начальника донесся вполне отчетливо. Очевидно, стоявший за спиной Мальма сановник начал терять терпение. С ним это нередко случалось.

— Ты смеешься? — спросил Мальм.

— Что ты, что ты. Это на линии какие-то шумы. Может быть, твои разговоры подслушивают?

Еще один щекотливый предмет, которого не следовало касаться.

И Мальм реагировал надлежащим образом:

— Сейчас не время для шуток. Пора наносить удар. Немедленно.

Мартин Бек промолчал, тогда Мальм продолжил уже не так воинственно:

— Ты ведь знаешь, если тебе нужны подкрепления, за нами дело не станет. Новый принцип концентрации сил предусматривает…

Мартин Бек знал, что предусматривал принцип концентрации. А именно: меньше чем за час в поселок могут нагрянуть три полицейских автобуса. Принцип концентрации предусматривал также автоматы, снайперов, бомбы со слезоточивым газом, вертолеты, бронированные щиты.

— Нет, — сказал он, — подкрепления мне совсем не нужны.

— Можно исходить из того, что ты задержишь его сегодня же?

— Нет, я не собираюсь его задерживать.

Снова неразборчивые переговоры. Наконец Мальм произнес:

— Ты отдаешь себе отчет в том, что мы можем прибегнуть к другим средствам?

Мартин Бек не ответил.

— Если ты будешь артачиться… — добавил Мальм.

Мартин Бек слишком хорошо представлял себе, что будет предпринято. Достаточно начальнику ЦПУ позвонить главному прокурору. И даже не обязательно говорить самому, можно поручить это Мальму.

— Я считаю, что сейчас нет оснований задерживать Бенгтссона, — настаивал Мартин Бек.

— Мы должны положить конец газетной писанине.

— С доказательствами жидковато.

— Похоже, нам все-таки придется тебя поторопить.

— Лучше не надо.

В стокгольмском кабинете кто-то хлопнул дверью. Телефон донес этот звук до Мартина Бека.

— Не я решаю, — виновато сказал Мальм. — Тебе же лучше будет, если ты позаботишься о задержании Бенгтссона.

— Я не собираюсь этого делать.

— Что ж, пеняй на себя, — небрежно произнес Мальм. — А что касается доказательств, уверен, ты не подкачаешь. Желаю успеха.

— Взаимно, — сказал Мартин Бек.

И на этом разговор окончился.

Не прошло и получаса после разговора Мартина Бека с Мальмом, как поступило распоряжение: немедленно задержать Фольке Бенгтссона.

Сумерки, маленький домик, дощатый курятник, гараж из рифленого железа. И хозяин дома, который невозмутимо забрасывал компост ботвой.

Фольке Бенгтссон был одет точно так же, как в прошлый раз.

Их появление его не удивило, не испугало, не встревожило и не возмутило.

— Привет, Фольке, — поздоровался Рад.

— Здорово, — отозвался Фольке Бенгтссон.

— Придется тебе ехать с нами. Время пришло. Но торопиться некуда. Можешь переодеться, если хочешь, и собрать вещи. Что там тебе потребуется… Можешь взять у меня сумку, если надо.

— Спасибо, у меня есть портфель.

Рад помолчал и добавил:

— Нет, ты, правда, не спеши. Мы с Мартином пока посидим поиграем в ножницы-кулек-камень.

Мартин Бек не знал этой благородной игры, для которой не требуется никаких подсобных средств.

Обучение заняло полторы минуты.

Два растопыренных пальца — ножницы. Открытая ладонь — кулек. Сжатый кулак — камень. Ножницы разрезают кулек. Кулек накрывает камень. Камень ломает ножницы.

— Одиннадцать — три, — объявил через некоторое время Рад. — У тебя слишком быстрая реакция. Оттого и проигрываешь. Надо показывать одновременно.

Наконец Фольке Бенгтссон собрался.

И на его лице впервые появилось что-то похожее на тревогу.

— Ты чем озабочен, Фольке? — спросил Рад.

— Рыбок надо кормить. И кур тоже. Чистить аквариум.

— Будет сделано, — заверил Рад. — Честное слово.

Смущенно улыбнулся и добавил:

— Наверно, ты расстроишься, но все равно скажу. Завтра утром сюда придут люди, будут копать в саду.

— Это зачем?

— Труп искать…

— Астры жаль, — лаконично заметил Фольке Бенгтссон.

— Постараемся не очень безобразничать. Ты не волнуйся.

— Допрашивать меня, наверно, будет комиссар?

— Да, — подтвердил Мартин Бек. — Но не сегодня. И завтра тоже вряд ли. Если только треллерборгскому управлению не к спеху. Думаю, что они подождут.

— Тьфу-тьфу, — сказал Рад. — А сейчас заедем сперва ко мне в Андерслёв. На чашку чаю и бутерброд. Или тебе что-нибудь посытнее хочется?

— Неплохо бы.

— Возьмем в магазине. Ты готов?

— Готов.

Что-то еще беспокоило Фольке Бенгтссона. Он сказал:

— А с яйцами как же?

— И это тоже беру на себя, — ответил Херрготт Рад. И добавил со смехом: — Честное слово.

— Ну и хорошо, — сказал Бенгтссон. — Хороший ты человек, Херрготт.

Судя по лицу Рада, он был приятно удивлен.

— Стараюсь.

На Фольке Бенгтссона нашла какая-то апатия.

Он запер наружную дверь и отдал ключ Раду.

— Пусть у тебя побудет. На случай, если дело затянется. И не забудь рыбок.

Рад сунул ключ в карман.

Уже стемнело, и в полицейскую машину они садились под огнем фотовспышек. По пути в поселок ничего не было сказано.

Рад зашел в кафе рядом с лавкой, взял кофе и горячие булочки. Сам он, как всегда, пил чай.

Колльберг был занят своей шахматной задачей.

Мартин Бек тоже молчал. Им навязали ситуацию, которая их ничуть не устраивала. И свобода выбирать подход к делу стала резко ограничена.

Рад подвинул задержанному кофе и сказал:

— Угощайся, Фольке. Здесь ты можешь еще считать себя свободным человеком. — Усмехнувшись, он продолжал: — Относительно, разумеется. Если попробуешь бежать, нам придется помешать этому.

Колльберг крякнул. Он слишком хорошо помнил случай, когда Бенгтссон пытался бежать. Тогда именно Леннарту Колльбергу, бывшему десантнику, пришлось помешать этому и сломать Фольке руку.

Зазвонил телефон. Рад взял трубку.

— Нет, никто ни в чем не сознавался. Да, мы задержали одного человека. Это все, что я могу сказать.

Он положил трубку, поглядел на свои карманные часы.

— У нас мало времени, Фольке, — сказал он. — Если ты знаешь что-нибудь о Сигбрит Морд, лучше докладывай сейчас. Чтобы не осложнять всю волынку.

— Так ведь я ничего не знаю, — ответил Фольке Бенгтссон.

X

Когда Мартин Бек и Колльберг рано утром в четверг вышли из гостиницы, их не подстерегали никакие бдительные репортеры. Воздух был сырой и холодный, булыжник на площади еще поблескивал инеем.

Они сели в машину Колльберга и поехали в сторону Думме. Рад дал им ключ от дома Сигбрит Морд.

После правого поворота, проезжая мимо дома Фольке Бенгтссона, они увидели, что туда уже прибыл технический автобус треллеборгской полиции. Должно быть, он только что

явился, задние двери были открыты, и двое в резиновых сапогах и серо-голубых комбинезонах выгружали ломы и лопаты.

Третий стоял на дворе и чесал в затылке, изучая обстановку.

Еще двести метров, и Колльберг притормозил. Мартин Бек вышел и открыл ворота на участок Сигбрит Морд.

Прежде чем входить в дом, они осмотрели участок. Затем Мартин Бек и Колльберг вернулись к главному входу. Осматривая комнату, Мартин Бек понял, что подразумевал Бертиль Морд, говоря о тщеславии своей жены.

Тот, кто обставлял гостиную, думал не об удобстве, а о престиже. На полу — ковры, люстра — из хрусталя; кушетка обтянута бордовым плюшем; темный овальный столик перед кушеткой отделан благородным полированным деревом.

На стенах несколько небольших картин, писанных маслом, два фарфоровых блюда с ручной росписью, большое зеркало в широкой резной раме.

За стеклянными дверцами шкафа красного дерева стояли безделушки и сувениры, очевидно, привезенные Бертилем Мордом из многочисленных рейсов.

Потом Мартин Бек прошел в маленькую комнатку с окном, обращенным в сад позади дома. Судя по всему, именно здесь Сигбрит Морд проводила свободные вечера.

В одном углу стоял телевизор, перед ним разместились удобное кресло, столик с пепельницей, журналами и латунной папиросницей. На полке у стены стояли книги: десятка три дешевых изданий, десяток популярных брошюр, библия.

Спальня была такая же аккуратная, как и остальные комнаты. На туалетном столике — богатый набор всевозможных бутылочек, тюбиков, баночек. Видимо, Сигбрит Морд немало занималась своей внешностью, об этом красноречиво говорил внушительный запас косметики. В шкатулке из красной кожи лежало множество браслетов, колец, брошей, серег и амулетов. На деревянных крючках возле зеркала висели цепочки, бусы, ожерелья — дешевая бижутерия.

Мартин Бек заглянул в стенной шкаф, набитый платьями, блузками, юбками, костюмами; некоторые из них висели в полиэтиленовых мешках для защиты от пыли.

Под одеждой выстроились в ряд туфли. На полке вверху лежала черная меховая шапочка, яркая летняя шляпка, стояла коробка из-под обуви.

Мартин Бек взял коробку, развязал крепкий шпагат и поднял крышку. Коробка была плотно набита письмами и открытками. Он поглядел на почтовые штемпели. Все в хронологическом порядке. Все четырнадцать лет супружества и плаваний Бертиль Морд слал письма домой.

Мартин Бек не стал читать, к тому же почерк был весьма неразборчивым. Он снова обвязал коробку шпагатом и отправил на полку.

Послышались тяжелые шаги Колльберга. Поднявшись из подвала, он отыскал Мартина Бека и доложил:

— Там почти одно старье. Инструмент, старый велосипед, тачка и все такое прочее. — Колльберг пошел в ванную.

Мартин Бек услышал, как он открыл шкафчик над умывальником.

— Чертова уйма косметики, папильоток и прочей дряни, — сообщил Колльберг. — Но никаких пилюль, никаких лекарств. Только аспирин и сода. Странно. Большинство людей в наше время держат дома снотворные или успокоительные снадобья.

Мартин Бек подошел к тумбочке и заглянул в верхнее отделение.

И здесь не было лекарств, зато он нашел среди прочего записную книжку. Он стал ее просматривать. Преобладали заметки для памяти; вроде: парикмахерская, стирка, зубной

врач. Последняя запись от 16 октября — машину на профилактику. Сверх того только маленькие крестики и периодически повторяющаяся буква К.

Мартин Бек изучал страницу за страницей. В январе и феврале каждый четверг был помечен буквой К. В марте тоже. Но во второй неделе марта — еще и пятница, а в последней неделе — среда и четверг. В апреле один четверг был пропущен, в мае тоже, зато буква К фигурировала три субботы подряд. Июнь — июль ни одной К; в августе — три-четыре на неделе. В сентябре и октябре — опять одни четверги, вплоть до одиннадцатого октября.

Мартин Бек задумчиво сунул в карман записную книжку и продолжал изучение тумбочки. Под баночкой ночного крема лежали сложенные пополам квитанции и неоплаченные счета с недавними числами.

Две бумажки в самом низу были совсем иного рода. Два коротких письма или просто записки. Написаны от руки на тонкой голубой бумаге в линейку.

Первая записка:

«Дорогая, не жди меня. Брат Сисси приезжает, мне придется быть дома. Если смогу, позвоню попозже. Целую, Кай».

Мартин Бек прочел эти строки два раза. Почерк уверенный, четкий, буквы чуть наклонные, почти печатные.

Он взял вторую записку.

«Любимая Сигге! Если можешь, прости. Я был не в себе и наговорил глупостей. Приезжай в четверг, постараюсь загладить свою вину. Скучаю. Люблю. Кай».

Захватив обе записки, Мартин Бек пошел к Колльбергу.

— Очевидно, любовные записочки.

Колльберг прочел.

— Похоже на то. Может, она с этим Каем и махнула куда-нибудь.

Мартин Бек протянул ему записную книжку.

Колльберг присвистнул:

— Возлюбленный со склонностью к регулярному образу жизни. Интересно, почему именно четверг?

— Может быть, у него такая работа, что он свободен только по четвергам, — предположил Мартин Бек.

— Скажем, каждый четверг развозит пиво по пивнушкам. Или что-нибудь в этом роде, — сказал Колльберг.

— Странно, что Херрготт об этом не знал.

Мартин Бек подошел к столику со швейной машиной, взял из ящика конверт, засунул в него обе записки и записную книжку и убрал в задний карман.

— Ты закончил осмотр? — спросил он.

Колльберг обвел комнату взглядом.

— Да, пожалуй. Ничего особенного. Налоговые и прочие квитанции, метрическое свидетельство, обычные письма и так далее.

Он привел секретер в порядок.

— Пошли?

Выехав на дорогу, они увидели целую шеренгу машин возле участка Фольке Бенгтссона. Половина десятого; очевидно, репортеры уже проснулись.

Колльберг прибавил скорость и мимо журналистов выехал на шоссе. Они успели заметить, что на огороженном веревками дворе появилось еще несколько полицейских машин.

По пути в Андерслёв оба долго молчали.

Наконец Мартин Бек заговорил:

— В записке сказано «приезжай»… Выходит, они встречались не у нее?

— Спросим Херрготта, — сказал Колльберг с надеждой в голосе. — Может, он что-нибудь знает.

Херрготт Рад был весьма удивлен находкой Мартина Бека.

Он не знал никакого Кая.

В Андерслёве никто не носил имени Кай. Впрочем, один был — ему недавно исполнилось семь лет, он только что в школу пошел.

И, насколько было известно Раду, Сигбрит по четвергам работала вечером в кондитерской в Треллеборге.

После вечерней работы она обычно возвращалась домой не раньше одиннадцати.

— Он ее называет Сигге, — продолжал Рад. — Никогда не слышал, чтобы ее так называли. Сигге… Ребячество какое-то. К тому же имя-то мужское, к такой женщине, как Сигбрит, совершенно не подходит.

Он почесал в затылке, глядя на голубые бумажки. Потом тихо рассмеялся.

— Вдруг она укатила куда-нибудь со своим возлюбленным? А они там весь участок перекопают, придется Фольке картофель сажать.

XI

Дул слабый южный ветерок, и вода залива была зеркально гладкая, но вдали от берега по поверхности озера пробегали быстрые морщинистые тени.

Одиннадцатое ноября, воскресенье, небо чистое, голубое, ни облачка. На часах половина второго, солнце будет пригревать еще часа два, прежде чем сумерки и вечерняя прохлада возьмут верх.

Вдоль юго-западного берега шла группа людей. Шесть женщин, пятеро мужчин и двое мальчишек лет восьми-десяти. У всех брюки были заправлены в резиновые сапоги; на спине у большинства рюкзаки или ранцы. Потом они свернули на тропу и пошли вдоль ограды из гнилых жердей и ржавой колючей проволоки. За оградой простиралось поле под паром. К полю примыкали густые посадки ели. Туда туристы пришли через четверть часа.

По другую сторону ельника туристы стали присматривать удобное место для привала. На солнечной прогалине между штабелем буковых бревен и буреломом они сбросили рюкзаки и ранцы.

Вскоре разгорелся костер. Туристы расположились вокруг него. Появились термосы, бутерброды, фляги, но трапеза не мешала оживленной беседе. Говорили о том, о сем, царила веселая, непринужденная атмосфера.

В группе нашелся досужий грибник: он пошел к ельнику попытать счастья. В кармане штормовки уже лежало несколько горстей лисичек. Неподалеку от опушки он высмотрел нечто похожее на большой прекрасный опенок и стал протискиваться между елками. Двумя руками отгибая в сторону еловые лапы, он старался не потерять из виду гриб.

Вдруг он наступил на клок сочного мха, и правая нога почти по колено погрузилась в топь.

«Странно, — подумал он. — Откуда в ельнике топь?»

Он вытащил из жижи правую ногу, чуть не оставшись без сапога, потом оттолкнулся левой и прыжком выбрался на твердую почву.

Забыв про опенок, он обернулся и увидел заполняемый черной грязью след от своих ног.

Потом заметил, как что-то медленно всплывает над илом, между мхом и еловыми лапами, примерно в метре от того места, где стояла его левая нога.

Он застыл, соображая, что бы это могло быть.

Выше, выше… Какая-то доля секунды, и он понял наконец, что видит человеческую руку.

Тут он закричал.

XII

В понедельник двенадцатого ноября все переменилось. Сигбрит Морд уже не числилась пропавшей. Она нашлась — изрядно изуродованный труп. Все знали, где она: там, где ее, по мнению многих, и следовало искать — по ту сторону жизни.

Фольке Бенгтссону предъявили ордер на арест. Он ни в чем не сознавался, но его поведение и расплывчатые показания производили не лучшее впечатление, хотя его адвокат оспорил ордер. Это был скорее пустой жест, нежели серьезное заявление.

И ведь адвокат был неплохой, хотя профессия и наложила на него свой отпечаток. В Швеции редко считаются с мнением адвокатов. Случается, члены суда дописывают приговор, не ожидая конца защитительной речи. Оттого-то у многих защитников такой унылый вид.

Мартин Бек даже повидался с адвокатом, и они обменялись несколькими репликами. Не очень содержательная беседа, но, во всяком случае, защитник высказал мнение, которое Мартин Бек всецело разделял. Оно звучало так:

— Не понимаю я его.

Фольке Бенгтссона и впрямь нелегко было понять. Мартин Бек беседовал с ним в пятницу — три часа утром и столько же после обеда. Беседы ровным счетом ничего не дали, обе стороны сплошь и рядом повторяли фразы, произнесенные несколько минут назад.

В субботу настала очередь Колльберга. Он взялся за дело с еще меньшим воодушевлением, чем Мартин Бек, и результат был соответственный.

А именно — никакой.

Вся беда в том, что нет надежных свидетелей.

Рад опросил всех, кто тогда находился на почте. Четыре человека подтвердили, что Сигбрит Морд и Фольке Бенгтссон разговаривали друг с другом, но никто из них не слышал, что было сказано.

Но Фольке Бенгтссон не мог этого знать.

Не лучше обстояло дело и со злополучной Сигне Перссон — что она видела и чего не видела, когда встретила грузовик Бенгтссона.

Одно не подлежало сомнению. Сигбрит Морд мертва, и ее убийца не пожалел труда, чтобы спрятать тело.

— Она могла бы тут всю зиму пролежать, — сказал Рад. — И никто бы ее не нашел, если бы не эти чудаки, которые бродят вокруг озер.

Они стояли у места преступления, если преступление и впрямь было совершено здесь, и смотрели на сотрудников, которые искали и фиксировали следы на участке, огороженном веревкой.

Мартин Бек глубоко вздохнул, и Рад вопросительно поглядел на него своими живыми карими глазами.

Сегодня была очередь Колльберга продолжать однообразный диалог с Фольке Бенгтссоном, и Мартин Бек забыл, что его старого товарища нет рядом с ним. Колльберг обычно понимал вздохи Мартина Бека. Они столько лет проработали вместе, что мыслили одинаково. Чаще всего. И понимали друг друга без слов. Разумеется, не всегда.

И разве можно было требовать от Рада, чтобы он понимал, почему Мартин Бек вздыхает.

— Ты чего вздыхаешь? — спросил Рад.

Мартин Бек не ответил.

— Место преступления тебе не по душе? Если это место преступления. Скорее всего оно.

— После вскрытия будем точно знать, — сказал Мартин Бек.

Если спросить себя, случайно ли было выбрано место, ответ мог быть только один: нет. Более или менее хорошо этот уголок знал только владелец да периодически работавшие здесь люди. Ближайшая постройка — дача, которая пустовала с конца сентября.

Место глухое, настоящий медвежий угол. Заехать сюда мог только человек, твердо уверенный, что он благополучно выберется обратно на дорогу.

Если кто и знал это место, то скорее всего кто-нибудь из живущих поблизости.

Фольке Бенгтссон и Сигбрит Морд жили недалеко, и если исходить из того, что Бенгтссон виновен — а многие так считали, и пока никто не взялся бы доказать обратное, — то место преступления только усиливало подозрения против него. Будь дорога в хорошем состоянии, он мог бы добраться сюда из Андерслёва за десять минут. И ведь именно в этом направлении он, по его собственным словам, ехал.

Прислонясь к высокому штабелю распиленных стволов, Мартин Бек смотрел на ельник за буреломом.

— Как, по-твоему, Херрготт? Можно было проехать сюда на обычной машине семнадцатого октября?

Рад почесал затылок, так что шляпа еще сильнее сдвинулась набекрень.

— По-моему, да. До штабеля можно было доехать. Сквозь бурелом этот даже на танке не пробиться. Сидеть, Тимми, слышишь! Вот так, славный песик.

Криминалисты, изучавшие место преступления, привезли с собой овчарку — опытную ищейку, и Тимми никак не мог усидеть спокойно, ему непременно хотелось выяснить, что происходит.

— Отпусти его, — сказал Мартин Бек и невольно зевнул. — Вдруг найдет что-нибудь.

— Еще подерутся.

— Там будет видно.

Рад спустил Тимми с поводка, и пес тотчас принялся обнюхивать землю.

— Только Тимми нам еще не хватало, — послышался через минуту голос Эверта Юханссона, одного из криминалистов.

— Если он что найдет, присмотрись как следует, — отозвался Рад.

Вскоре Юханссон подошел к ним. Одетый в комбинезон и резиновые сапоги, он тяжело топал по сучьям бурелома.

— Вид у нее жуткий, — сказал он.

Мартин Бек кивнул. Вообще-то он слишком часто видел такие вещи, они уже перестали производить на него впечатление. Останки Сигбрит Морд выглядели далеко не привлекательно, но ему случалось наблюдать кое-что похуже.

— Можете увозить, как только будут сделаны снимки, — заметил Мартин Бек. — Потом поглядим, что псы приволокут.

— Тимми тут подобрал что-то непонятное. — Эверт Юханссон держал в руке полиэтиленовый мешочек.

— Забирайте все посторонние предметы, — сказал Мартин Бек.

— Тут какая-то ветошь лежит, — сообщил Рад, ковыряя землю носком сапога.

— Бери и ветошь тоже.

Обогнув штабель бревен, они приблизились к веревочной ограде, за которой дежурили неутомимые газетчики.

— Одно мне ясно, — сказал Рад. — На старом грузовике Фольке я не взялся бы сюда проехать. Даже в сухую погоду.

— А на своей машине?

— Моя прошла бы. До того, как военные тут поколесили.

— А тебе не приходило в голову, что Бертиль Морд тоже должен знать эти места?

— Приходило, приходило…

Они перебрались через ограждение. Вместе с газетчиками стоял один из подчиненных Рада.

Репортеры вели себя смирно.

— Ты не ходил, не смотрел? — спросил полицейского один из репортеров.

— Не дай Бог.

Мартин Бек усмехнулся. Смесь трагедии с деревенской идиллией. Он больше привык к атмосфере злобной подозрительности, чреватой ударами полицейских дубинок.

— Она голая? — обратился репортер к Мартину Беку.

— Не совсем, насколько я могу судить.

— Но это убийство?

— Да, похоже на то.

Окинув взглядом представителей прессы, одетых явно не по погоде, он продолжал:

— До результатов вскрытия не сможем сообщить вам ничего существенного. Найден мертвый человек. Судя по всему, это Сигбрит Морд, и кто-то пытался спрятать ее тело. Насколько я могу судить, она почти раздета и речь идет о насильственной смерти. Если вы еще постоите и померзнете здесь, то увидите, как мы пронесем мимо вас носилки, накрытые брезентом. Только и всего.

— Спасибо, — ответил один из репортеров и, стуча зубами, направился к машинам, которые стояли поодаль.

После криминалистического исследования состоялось вскрытие.

Находок было сделано мало.

Честь самой неожиданной принадлежала Тимми: он подобрал кусок грудинки, но грудинку скорее всего оставили туристы. Особенно удивило Мартина Бека то, что Тимми не съел свою находку.

Ветошь, которая неизвестно кому принадлежала.

Сама Сигбрит Морд, ее одежда и сумочка.

Наручные часы были с календариком, они остановились в четыре часа шестнадцать минут двадцать три секунды в ночь на восемнадцатое — завод кончился.

Сигбрит Морд была задушена и подвергнута избиению. Врач обнаружил повреждение лобковой кости, как от очень сильного удара.

Некоторый интерес представляло состояние одежды.

Пальто и блузка лежали рядом с телом. Юбка и белье разорваны, нижняя часть тела обнажена, бюстгальтер разорван.

Мартин Бек остался в Андерслёве, хотя допросы производились в Треллеборге.

Он размышлял над заключениями экспертов. Разумеется, их можно было толковать по-разному. Но одно обстоятельство представлялось очевидным.

Пальто и блузка целы. Значит, она сняла их сама. Из чего можно заключить — она добровольно поехала к месту своей предстоящей гибели.

Где именно состоялось убийство, установить не удалось. Очевидно, поблизости от ямы с водой, но это была лишь догадка. В сумочке ничего необычного.

Все указывало на то, что сразу после посещения почты она вместе с кем-то приехала в глухой уголок и была там убита.

И ничто не говорило в пользу Фольке Бенгтссона.

Примерно так же умерла Розанна Макгроу больше девяти лет назад.

А Бенгтссон продолжал запираться, на вопросы отвечал вяло, не проявляя ни малейшей готовности помогать следствию.

Еще немного, и расследование зайдет в тупик.

Улики были невеские, но общественное мнение против Бенгтссона, так что скорее всего он будет осужден.

Мартин Бек был недоволен собой. Что-то тут не так. Что именно?

Может быть, все дело в Бертиле Морде?

Мартин Бек частенько вспоминал о нем и о его записной книжке. В самом деле, отличная книжка. Все ли он в ней записывал? Например, смерть бразильского смазчика в Тринидаде-Тобаго?

Мартин Бек чувствовал сильное желание поговорить с Мордом еще раз. По меньшей мере.

Еще он вспоминал банальное содержимое сумочки Сигбрит Морд, подумал о календарике в записной книжке и о записках, которые нашел в ее доме. И среди ее ключей оказался такой, который не подходил ни к одному из замков в доме.

Похоже, Морд далеко не все рассказал. Мартин Бек решил съездить в Мальмё и попытаться застать его трезвым.

У Бертиля Морда все было, как в прошлый раз. Тот же запах перегара и грязного постельного белья. Тот же полумрак в запущенной лачуге. Морд был даже одет так же: майка и старые форменные брюки.

Единственное, что прибавилось, — старый керосиновый обогреватель, который нещадно коптил, усугубляя впечатление запущенности и грязи.

Правда, Морд был трезв.

— Доброе утро, капитан Морд, — вежливо поздоровался Мартин Бек.

— Доброе утро.

Белки его глаз, обращенных на посетителя, отливали нездоровой желтизной. Взгляд вызывающ и злобен.

— Что надо?

— Поговорить с вами.

— У меня нет никакого желания разговаривать.

Мартин Бек не торопился. Он сел на стул, ожидая услышать какую-нибудь грубость, но Морд только тяжело вздохнул и тоже сел.

— Выпьете?

Мартин Бек покачал головой. Как и в прошлый раз, на столе стояла контрабандная русская водка. Правда, всего одна бутылка, да и то неоткупоренная.

— Не хотите, значит?

— Полагаю, вам известно, что мы нашли вашу бывшую жену?

— Да, — ответил Морд. — Известие дошло до меня.

Привычной рукой он сорвал с бутылки колпачок и швырнул его на пол.

Налил полстакана и долго разглядывал, словно живое существо или язык пламени.

— Самое удивительное, что я пью-то через силу. — Он сделал маленький глоток. — К тому же боли зверские. Черт, нельзя уже без боли упиться до смерти. Знать, такова доля алкоголика.

— Вы переживаете?

— Что?

— Переживаете? Горюете?

Морд медленно покачал головой.

— Нет, — произнес он наконец. — Разве можно горевать по тому, что давным-давно потерял. Вот только…

— Что?

— Странно как-то, что ее больше нет на свете. Вот уж никогда не думал, что Сигбрит раньше меня отдаст концы. — Он угрюмо посмотрел на Мартина Бека. — Еще не один год протяну. Не один… А сколько — черт знает. Протяну еще в этом аду.

Он яростно опустошил стакан.

— Шведское государство для народа… Аж за границей звон идет. А вернешься домой, поглядишь на все эти дерьмовые порядки… И как только они ухитряются своей пропагандой всем голову морочить. — Он снова наполнил стакан.

Мартин Бек не знал, как поступить. Ему нужен хотя бы относительно трезвый Морд. Но и не слишком злой.

— Пили бы поменьше, — осторожно заметил он.

— Что? — Морд явно опешил. — Что вы себе позволяете, черт бы вас побрал! В моем собственном доме!

— Я сказал, чтобы вы поменьше пили. Добрый совет, от чистого сердца. Кроме того, мне надо с вами поговорить и услышать от вас толковые ответы.

— Толковые ответы? Откуда взяться толку, когда в дерьме сидишь? Бывало, напьюсь — сразу веселее на душе. Раньше. В этом вся суть. Раньше так бывало! Лихо! Да только не здесь, в других местах.

— Например, в Тринидаде-Тобаго?

Морд совершенно спокойно воспринял реплику Мартина Бека.

— Вот как. Докопались. Чисто сработано. Никогда бы не подумал, что у вас на это хватит ума.

— Стараемся, докапываемся до правды, — сказал Мартин Бек. — Чаще всего успешно.

— А посмотреть на легавых на улицах города — никогда бы этого не подумал. Сколько раз я себя спрашивал, зачем нам легавые — живые люди. В Копенгагене в увеселительном парке есть механический мужик, брось монету — он выхватит пистолет и стреляет. Добавь еще пару колесиков, будет и другую лапу поднимать и бить тебя дубинкой. А в башку ему магнитофон, чтоб спрашивать вас: «Ну как?»

Мартин Бек рассмеялся, представив себе, как начальник ЦПУ воспринял бы предложение Бертиля Морда о реорганизации шведской полиции.

Правда, вслух он об этом не сказал.

— Мне тогда повезло, — продолжал Морд. — Штраф четыре фунта за убийство гада. В каком-нибудь другом месте меня могли повесить.

— Возможно.

— У нас-то нет. Зато у нас шайка бандитов может спокойно отравлять существование всему народу. И никакого штрафа не платят, а назначаются губернаторами, бесплатно летают в свои банки в Лихтенштейне и Кувейте. Нет, я не могу ничего дурного сказать о Лихтенштейне и Кувейте. Но вы, кажется, хотели потолковать о Сигбрит. Значит, ее убил тот псих, что рядом живет. И теперь вы его взяли и засадили туда, где ему положено сидеть. А если бы вы его не взяли, я сам поехал бы туда и пришиб его. Вы избавили меня от этой необходимости. Так о чем же тут еще толковать?

— О вашей поездке в Копенгаген.

— Но ведь вы уже схватили убийцу, черт возьми.

— Что вы делали в Копенгагене?

— Переходил из кабака в кабак, упился как свинья. Не помню даже, как домой добрался.

— Послушайте, капитан Морд. Вы говорили, что сидели в салоне на носу — там, где прежде была курительная первого класса.

— Ну да. За столиком посередине салона. Как раз за часами.

— Я сам сиживал за этим столиком. Отличный вид.

— Точно, почти как на мостике. Наверно, мне оттого и нравится там сидеть.

— Вы старый моряк, у вас наметанный глаз. Что-нибудь произошло во время этого рейса?

— На море всегда что-нибудь происходит. Да только не вашего ума это дело.

— Вы так уверены?

Морд сунул руку в задний карман и достал свою потрепанную записную книжку в кожаном переплете.

— Как-никак морской рейс, — объяснил он. — Хоть меня и везли, словно тюк какой-нибудь. Значит, и запись есть. Все, что годно для судового журнала, сюда заношу. Когда я не пьян в стельку.

Он открыл нужный раздел.

— Так… Железнодорожный паром «Мальмёхюс». Встречные суда записаны.

— В самом деле?

— А как же, все как положено.

— Минутку, — сказал Мартин Бек, доставая бумагу и карандаш, — предметы, которыми он редко пользовался вне своего кабинета.

— Одиннадцать пятьдесят пять, теплоход «Эресюнд», курсом на порт Мальмё.

— Ну, этот каждый день ходит.

— Еще бы. Регулярные рейсы… Двенадцать тридцать семь, теплоход «Грипен». То же самое, регулярный рейс. После названия я написал «голубая лента». К атлантической голубой ленте не имеет никакого отношения.

— А что же это?

— А то, что вдоль борта идет голубая полоса.

— И что же тут удивительного?

— Раньше полоса была зеленая. Видно, пароходство поменяло цвета. В двенадцать пятьдесят пять встреча поинтереснее, сухогруз под названием «Рюнаткиндар». Фарерский флаг.

— Фарерский?

— Вот именно, редкость. Потом нас в тринадцать ноль пять и тринадцать ноль шесть обогнали «Ласточка» и «Царица волн» — обе на подводных крыльях. Дальше записано, что у

Лангелиние стоял итальянский эскадренный миноносец. Два небольших немецких сухогруза в Фрихавне. Все.

— Я запишу себе названия. Можно заглянуть в вашу книжечку?

— Нельзя. Я прочту по буквам, что надо.

Он прочел по буквам название судна под фарерским флагом.

Мартин Бек сказал себе, что надо будет поручить Бенни Скакке проверить. Но в глубине души он уже не сомневался: у Бертиля Морда надежное алиби.

Предстояло уточнить еще кое-какие вещи.

— Простите, если я вам надоедаю. Но откуда вам известно, что сосед вашей бывшей жены Фольке Бенгтссон?

— Она сама об этом говорила.

— Вы говорили, что последний раз навещали ее больше полутора лет назад. Тогда Бенгтссон еще не переехал туда.

— А кто вам сказал, что я об этом там услышал? Сигбрит приезжала сюда, хотела вытянуть из меня деньги. Я ей дал немного. Ведь она мне нравилась. Ну и душу отвел. Вот тут, на полу. Тогда и рассказала мне про этого психа. Это была наша последняя встреча.

Морд уставился на пол.

— Значит, он ее задушил, скот проклятый? А где вы его держите?

— Это к делу не относится.

— О чем же нам тогда толковать? Вы что-то спрашивали насчет домов терпимости. Адреса нужны?

— Спасибо, не надо.

Бертиль Морд опять застонал. Вдавил кулак в правое подреберье. Налил себе еще водки и выпил.

Выждав немного, Мартин Бек сказал:

— Похоже, в одном пункте вы неправду говорите, капитан Морд.

— Провалиться мне на этом месте, если я вам сегодня хоть что-нибудь соврал. Кстати, что за день сегодня?

— Пятница, шестнадцатое ноября.

— Прямо хоть в журнал заноси. День без единой лжи. Правда, до вечера еще далеко.

— Из ваших собственных слов выходит, что Бенгтссон поселился в Думме уже после того, как вы совсем оттуда уехали. А между тем он видел вас там два раза.

— Наглая ложь. Я там не появлялся.

Мартин Бек задумался. Потер лоб. Потом спросил:

— Вам известно, что у вашей бывшей жены была связь с неким Каем?

— Как вы сказали? С Каем? Имя-то какое. В первый раз слышу. Да я бы никогда не допустил, чтобы Сигбрит путалась с кем-то. Правда, дурацкое имя.

— Не понимаю, зачем Бенгтссону выдумывать такую вещь. Он решительно утверждает, что два раза видел вас около ее дома.

— Он же псих. Двух баб задушил. А вы, комиссар полиции, сидите тут и удивляетесь: зачем бы это ему понадобилось врать?

Мартина Бека вдруг осенило:

— А что у вас за машина, капитан Морд?

— «Сааб». Старый зеленый рыдван. Шесть лет как купил. Стоит где-нибудь около дома с извещением о штрафе на ветровом стекле. Дескать, переведите по почте тридцать пять крон. Я редко трезвый бываю, чтобы за руль садиться.

Мартин Бек внимательно смотрел на Морда.

Морд молчал.

Наконец Мартин Бек снова заговорил:

— Ладно, пойду. И скорее всего, вы меня больше не увидите. Хотите совет от души?

— Валяйте, может, пригодится.

— Продайте вы свой ресторан и прочее имущество, какое есть. И уезжайте куда-нибудь с тем, что выручите. Улетайте в Панаму там или в Гондурас, наймитесь на судно. Пусть даже штурманом.

Морд уставился на него своими угрюмыми карими глазами, в которых приступы бешенства так легко чередовались с полным спокойствием.

— А что, это идея, — сказал он.

Мартин Бек закрыл за собой дверь.

Фольке Бенгтссон дважды видел в Думме человека в бежевой «вольво».

И человек этот не Бертиль Морд.

XIII

Вернувшись в Андерслёв, Мартин Бек зашел в полицейский участок, чтобы побеседовать с Херрготтом Радом, но не застал его. Тогда Бек отправился в Треллеборг на такси.

Водитель попался необычный: молчаливый.

Он вел машину, а Мартин Бек думал. Пытался свести воедино все, что знал о человеке, который был возлюбленным Сигбрит Морд.

Его зовут Кай. Он писал ей на листках, как будто вырванных из записной книжки. Как она получала эти записки? Во всяком случае, не по почте. Он, по-видимому, женат на женщине, которую называет Сисси и у которой есть брат. Он встречался с Сигбрит по четвергам. Иногда встречи происходили в другие дни недели, но по четвергам непременно. Не считая церковных праздников и летних недель. В июне — июле у него, возможно, был отпуск. В августе они встречались особенно часто. Может быть, он оставался дома один, а Сисси уезжала в деревню?

У него, по-видимому, бежевая «вольво».

Он называл Сигбрит Морд — Сигге.

Не густо…

Мартин Бек думал о ключе в сумке Сигбрит Морд, том самом ключе, который не подходил к замкам в ее доме. Херрготт уже выяснил, что на работе ей не нужны были ключи. Откуда же этот ключ? От квартиры Кая или от какого-нибудь уютного гнездышка?

Вопросов много, догадок тьма, а располагал он только двумя записками и пометками — буквой К в календарике Сигбрит.

Возможно, буква означает что-нибудь совсем другое? Не имя. А, например, К — курсы.

Мартин Бек попросил водителя остановиться на Большой площади и дошел до места работы Сигбрит Морд.

Кондитерская явно пользовалась успехом, у прилавка полно людей, все столики заняты.

Хозяйкой кондитерской оказалась дама лет пятидесяти, полная, веселая, добродушная. Наверно, от нее и дома пахнет свежим хлебом, безе и ванильным кремом. Она пригласила его в маленький кабинет за кухней.

— У меня слов не хватает, такой ужас, такой ужас, — говорила хозяйка. — Конечно, я забеспокоилась, когда Сигбрит вдруг исчезла, но чтобы такое приключилось, непостижимо.

Столь же охотно и многословно хозяйка кондитерской отвечала и на другие вопросы Мартина Бека. Оказалось, что Сигбрит Морд особо оговорила, чтобы по четвергам вечерами быть свободной. Однако хозяйка кондитерской знать не знала ни о каком Кае, и никто никогда не звонил Сигбрит на работу и не заезжал за ней на бежевой «вольво».

То же самое сказали Мартину Беку и остальные служащие.

Выйдя из кондитерской, Мартин Бек медленно побрел к полицейскому управлению. В следственной тюрьме Мартину Беку предоставили кабинет с видом на гавань, и, пока ходили за Бенгтссоном, он смотрел в окно.

Фольке Бенгтссон держался спокойно, невозмутимо; он поздоровался с Мартином Беком, потом сел перед письменным столом.

— Инспектор Колльберг приходил утром, допрашивал меня, — сказал он. — Не знаю, что еще вы хотите от меня услышать. Честное слово, я ее не убивал, и больше мне нечего сказать.

— Мне надо выяснить один вопрос, — ответил Мартин Бек. — Речь идет об одной детали, которую вы сообщили, когда мы разговаривали в вашем доме десять дней назад. Тогда вы сказали, что два раза видели бывшего супруга фру Морд. Верно?

— Верно. Я видел его два раза.

— Расскажите, пожалуйста, поподробней, — попросил Мартин Бек. — Вы можете припомнить, когда это было?

Фольке Бенгтссон помолчал, вспоминая. Наконец заговорил:

— Первый раз — весной этого года. Последнее воскресенье мая. Точно помню, потому что это был День матери. Я ездил в поселок и звонил своей матери в Сёдертелье. Я ей всегда звоню в этот день и в день ее рождения.

Он призадумался. Мартин Бек подождал, потом спросил:

— Ну? И в тот день вы видели Морда? Как это было?

— Значит, так. Я приехал домой, завел машину в гараж и пошел закрывать ворота. В это время на дороге показалась бежевая «вольво», она ехала медленно, и я подумал, что это ко мне. Я никого не ждал, ведь это было воскресенье. Только иногда в этот день ко мне заезжают люди, чтобы купить рыбы или яиц.

— Откуда шла машина?

— Со стороны Мальмё.

— Вы видели, кто ее вел?

— Ну да, за рулем ее муж сидел.

Мартин Бек внимательно посмотрел на Фольке Бенгтссона:

— Опишите его внешность.

Бенгтссон опять примолк, потом ответил:

— Ну, я слышал, будто он капитан торгового флота. Но я бы не сказал, что он похож на моряка. Загорелый, правда, но худой и довольно хилый. Щуплый. Волосы очень светлые, волнистые. Очки.

— И вы все это разглядели? Даже если машина ехала медленно, когда же вы успели его рассмотреть?

— Нет, тогда я, пожалуй, еще не рассмотрел его. Я его видел потом еще раз.

— Когда именно?

— Точно не помню, но не так давно. Что-нибудь в начале сентября.

— Он опять ехал на машине?

— Нет, машина стояла перед домом Сигбрит. Я ходил на луг, смотрел, нет ли шампиньонов. Но шампиньонов не было. Я их там часто нахожу, соберешь несколько килограммов и продашь, покупатели охотно берут грибы, особенно шампиньоны.

— И вы при этом проходили мимо дома Сигбрит Морд?

— Ну да. И тут он вышел на крыльцо, потом сел в машину. Вот тогда-то я и подумал, что для моряка он очень уж хилый и щуплый.

Он помолчал и добавил:

— Моряки обычно сильный народ. Но я слышал, что он хворал.

— И фру Морд вы тоже видели в этот раз?

— Нет, не видел. Только самого Морда. Он постоял на крыльце, застегнул пальто, потом сел в машину. И проехал у меня перед носом, я как раз к своему дому подходил.

— В какую сторону он свернул, когда выехал на шоссе?

— В сторону Мальмё. Он ведь там живет, помнится мне.

— Как он был одет?

— Я только пальто помню. Такая коричневая дубленка. Новенькая, роскошная, но слишком жаркая для такого дня, как тогда. На голове у него ничего не было.

Он перевел взгляд на Мартина Бека.

— Я точно помню, день стоял очень теплый.

— Больше ничего о нем не можете сказать?

Фольке Бенгтссон покачал головой.

— Нет, это все.

— Вы не заметили номер машины?

— Нет, не заметил. Как-то в голову не пришло.

— Если номер был старого образца, может быть, буквы запомнили?

Шведская автоинспекция в то время как раз вводила новые номера.

— Нет, не помню.

Фольке Бенгтссон возвратился в камеру, а Мартина Бека довезли на полицейской машине в Андерслёв.

Колльберг еще не вернулся, но Рад сидел в своем кабинете. Мартин Бек рассказал о своей поездке в Треллеборг, и Рад задумчиво произнес:

— Видно, этот самый Кай и сидел за рулем бежевой «вольво». Я расспрошу народ в поселке, может быть, еще кто-нибудь видел его или машину. Да только вряд ли. Если бы кто-нибудь его знал, это уже выяснилось бы, пока шли розыски Сигбрит.

Они помолчали. Потом Рад сказал:

— В таком случае Фольке — единственный свидетель, которому известно о существовании Кая.

XIV

Машина была так себе. Слишком броская, чтобы на ней незаметно улизнуть. Большой светло-зеленый «шевроле», три семерки в номере, много хрома и бездна фонарей и фар. Но фары не горели.

К тому же ее заметили, и какой-то ретивый сосед с дачи рядом уже позвонил в полицию.

Раннее утро, сыро и холодно. Влажное дыхание земли сливалось с лениво плывущими прядями морского тумана. Неверный свет серого утра скрадывал все очертания.

На заднем сиденье зеленой машины лежали два скатанных трубой ковра, телевизор, транзистор, пять бутылок спиртного. И чемодан, а в нем несколько картин, статуэтка сомнительного происхождения и прочее барахло.

Впереди сидели два вора. Молодые, нервные, они наделали кучу ошибок. Оба знали, что их видели, и вообще им не везло. Все началось плохо, а впереди их ожидали еще бо́льшие неприятности.

У полицейской машины вид был донельзя обыденный: черно-белый «вэльент» с прожектором и двумя синими мигалками наверху. Не обознаешься… На всякий случай дверцы, капот и багажник украшала бросающаяся в глаза надпись «ПОЛИЦИЯ». В составе этого патруля были трое: Элофссон, Борглюнд и Гектор.

Элофссон и Борглюнд давно работали вместе; внешность — как у большинства немолодых полицейских. Гектор помоложе и побойчее. Его участие в этом патруле было, мягко выражаясь, необязательным, но он любил сверхурочные и еще — сильные ощущения.

Толстый, ленивый Борглюнд спал с открытым ртом на заднем сиденье. Элофссон попивал кофе из термоса и посасывал сигарету. Гектор не одобрял курение и демонстративно опустил боковое стекло. Положив руки на баранку, он молча, с кислой рожей смотрел в окно и скучал. На всех троих стального цвета комбинезоны и портупеи с пистолетами и дубинками в белых чехлах.

Машина стояла у развилки. Мотор работал на холостом ходу.

Гектор прижал большим пальцем к рулю листок с радиокодом, на котором написано: от 01 — пьяное буйство, до 68 — связь кончаем.

— Доброе утро, доброе утро, доброе утро, дорогие коллеги на улицах и дорогах, — послышался по радио голос дежурного. — У нас есть для вас кое-какие новости. Гулянка на Бьёркгатан и Софиелюнде. Шум, гам, видно, вино льется рекой. Ближайшему патрулю явиться по указанному адресу и принять меры. Что? Да-да, играют и поют. Бьёркгатан, двадцать три… Подозрительная машина перед пустой дачей в Юнгхюсен. Синий «крайслер» в два оттенка, на номере буква А и три шестерки. Ближайшему патрулю принять меры. Адрес — Сульбаксвеген. Возможна связь с ограблением дачи. Замечены молодой человек и две девушки. Проверить.

— Это в нашем районе, — заметил Гектор.

— Что? — спросил Элофссон.

Борглюнд лишь недовольно всхрапнул.

— Коллегам в указанном районе быть начеку, — продолжал голос. — Меры обычные. Не рисковать. Проверить машину, если появится. Направление движения неизвестно. Действуйте без лишнего шума. Выследите телегу, не кипятитесь. Обычная проверка, больше ничего пока. Всего!

— Совсем близко, — сказал Гектор.

— Береги силенки, парень, — отозвался Элофссон, роясь в кульке со сдобами. Извлек одну и впился в нее зубами.

— Совсем близко, — твердил Гектор. — Поехали туда.

— Спокойно, парень. Ложная тревога. А если не ложная, найдутся полицейские и кроме нас.

Гектор покраснел:

— Я тебя не понимаю.

Элофссон жевал сдобу. Борглюнд глубоко вздохнул и присвистнул.

Они стояли в каких-нибудь двадцати метрах от проулка, из которого на шоссе вырулил светло-зеленый «шевроле».

— А вот и они, — объяснил Гектор.

— Ты так думаешь? — пробурчал Элофссон с полным ртом.

— Сейчас мы их, голубчиков…

Гектор включил скорость. Машина рванулась.

— Что там? — невнятно пробормотал Борглюнд.

— Воры, — ответил Гектор.

— Как-как? — начал оживляться Борглюнд. — Что тут происходит?

Юнцы в зеленой машине увидели полицейских лишь тогда, когда те поравнялись с ними.

Гектор еще прибавил скорость, свернул и круто затормозил. Колеса проскользили несколько метров по росе. Зеленая машина потеснилась вправо и остановилась у самой канавы. Гектор первым выскочил из кабины. На ходу он расстегнул кобуру и выхватил свой «вальтер» 7,65.

Элофссон выбрался из машины с другой стороны.

Последним вылез Борглюнд, растерянно сопя.

— Что тут происходит? — спросил он.

— Фары выключены, — резко произнес Гектор. — Нарушение правил. А ну выходите из телеги, шпана чертова.

Он держал пистолет наготове в правой руке.

— Кому сказано! Что вас, до завтра ждать? Выходите!

— Не горячись, — сказал Элофссон.

— И без фокусов, — не унимался Гектор.

Двое вышли из зеленой машины.

— Обыкновенная проверка, — сказал Элофссон.

Он стоял ближе Гектора к зеленой машине, но за пистолет пока не брался.

— Только спокойно, — сказал он.

Гектор стоял позади него, справа, указательный палец лежал на спусковом крючке.

— Мы ничего такого не сделали.

Совсем юный голос. Почти девичий.

— Все так говорят, — отрезал Гектор. — А фары не включены — это, по-вашему, ничего? Загляни-ка внутрь, Эмиль.

С трех-четырех метров Элофссон разглядел, что подозреваемые — молодые ребята. Оба в кожаных куртках, джинсах и кедах, но на этом сходство кончалось. Один рослый, коротко стрижен, брюнет; другой ниже среднего роста, с длинными, до плеч, русыми волосами. Оба — моложе двадцати.

Элофссон подошел к высокому, держа руку на кобуре. Потом достал из кармана фонарик и посветил на заднее сиденье. Убрал фонарик обратно в карман.

— Гм-м-м, — промычал он.

Круто повернулся и схватил высокого за отвороты куртки.

— Что тут происходит? — повторил Борглюнд.

Его реплика словно послужила сигналом.

Элофссон действовал привычно. Двумя руками он крепко держал парня за куртку. Оставалось только рвануть его на себя и правым коленом сильно ударить между ног. Отработанный прием. И все в порядке. И не надо применять оружие.

Но на этот раз прием не удался. Стриженый навсегда отучил Эмиля Элофссона от жестокой расправы. Правая рука его лежала на поясе, левая засунута в карман. За поясом у

него был заткнут револьвер, и парень явно умел с ним обращаться. Он выхватил оружие и открыл огонь.

Револьвер был рассчитан для стрельбы на короткое расстояние — никелированный «кольт кобра» 32-го калибра, шесть патронов в барабане. Первые две пули поразили Элофссона в подреберье, третья и четвертая пролетели под его левой рукой и попали Гектору в левое бедро. Шатаясь, Гектор попятился через шоссе и упал плашмя затылком на колючую проволоку ограды, что тянулась вдоль обочины.

Пятая и шестая пули никого не поразили. Они, очевидно, предназначались Борглюнду, но ему было присуще распространенное человеческое качество — он боялся выстрелов и, как только услышал стрельбу, бросился в канаву. Канава была глубокая, сырая, и его туша тяжело шлепнулась на дно. Лежа на животе в грязи и не смея поднять голову, он ощутил жгучую боль в шее справа.

Эмиль Элофссон упал на правый бок — щека на бетоне, правая рука прижата телом: и рука и пистолет в застегнутой кобуре.

В свете туманного утра он отчетливо видел, как парень с револьвером отошел назад и принялся спокойно заряжать барабан патронами, которые, очевидно, лежали у него в кармане куртки.

Элофссону было очень больно, комбинезон намок и стал липким от крови. Он не мог ни говорить, ни двигаться, только наблюдать. Безнадежная ситуация. И все же он испытывал скорее удивление, чем страх. Как же так? Двадцать лет он проявлял свою власть, орал, толкал, пинал, колотил дубинкой или плашмя саблей. Он всегда был сильнее, всегда брал верх, вооруженный против безоружных, правый против бесправных, могущественный против бессильных. И вот он повержен.

Двадцать шагов отделяло его от парня с револьвером. Стало светлее, Элофссон увидел, как высокий поворачивает голову, услышал, как он кричит:

— В машину, Каспер!

После чего стриженый поднял согнутую левую руку, положил ствол револьвера на локоть и тщательно прицелился. Пуля высекла искры из бетона не дальше чем в полуметре от лица Элофссона. Одновременно сзади послышался звук другого выстрела. Что, и второй гад стреляет? Или это Борглюнд? Да нет, какое там. Если Борглюнд еще не мертв, он лежит и притворяется мертвым.

Парень стоял, широко расставив ноги, и снова целился.

Элофссон закрыл глаза. Он чувствовал, как толчками из раны вытекает кровь. Но не вспоминал всю свою жизнь, а просто подумал: умираю.

Гектор же, падая, не выронил пистолет. Теперь он лежал на спине, голова подперта проволокой, и тоже смотрел на стриженого брюнета с револьвером. В отличие от своего товарища, Гектор не был особенно удивлен. Сам молодой парень, он примерно так и представлял себе полицейскую службу. Правая рука работала нормально, но левая слушалась плохо, потребовалось большое усилие, чтобы дослать патрон. Ведь согласно инструкции все патроны находились в магазине. Гектор скрипел зубами. Рука и весь левый бок болели так, что темнело в глазах. Первый выстрел он сделал почти рефлекторно, и пуля пошла слишком высоко. Гектор снова нажал спусковой крючок. И потерял сознание. Пистолет выпал из его руки.

Но Элофссон еще держался. Он снова открыл глаза, когда позади него опять послышался выстрел.

И… Чудо из чудес: парень с револьвером дернулся и вскинул руки вверх. Револьвер улетел куда-то в сторону. А стрелок весь обмяк, словно из него вынули кости, и шлепнулся на дорогу. И застыл недвижимо, молча.

Гектор целился очень тщательно. Но и везение тоже сыграло свою роль. Пуля попала парню в плечо и вдоль ключицы скользнула прямо в спинной мозг. Брюнет с револьвером умер мгновенно, умер стоя.

Элофссон услышал рокот рванувшей с места машины. И наступила тишина, полная тишина.

Прошло много-много времени, а может быть, всего несколько минут или секунд, и к нему подполз на четвереньках Борглюнд. Он охал, светил туда и сюда карманным фонариком. Просунул руку под Элофссона, вздрогнул, выдернул ее обратно. Уставился на кровь.

— Господи, Эмиль, — выдохнул он.

Элофссон чувствовал, как последние силы оставляют его. Он по-прежнему не мог ни говорить, ни двигаться.

Борглюнд, громко сопя, тяжело взгромоздился на ноги.

Элофссон услышал, как он протопал к машине и включил аварийную частоту:

— Алло, алло, шоссе номер сто, Сульбаксвеген в Юнгхюсен. Двое коллег ранены. Сам получил травму. Перестрелка. Стрельба. Помогите!

Ему ответили далекие металлические голоса.

— Здесь Треллеборг. Едем.

— Участок Люнд. На пути к вам.

И дежурный в Мальмё:

— Доброе утро. Помощь выехала. Через четверть часа будут на месте. От силы двадцать минут.

Все это происходило утром восемнадцатого ноября 1973 года на самой окраине полицейского участка Мальмё. Неподалеку от берега Балтийского моря.

XV

Понедельник, девятнадцатого ноября.

Воздух прозрачный. Ясное небо, холодно, ветрено.

По церковному календарю день Елизаветы; сегодня Колльбергу полагалось допрашивать Фольке Бенгтссона.

Но многое успело измениться к этому дню. Казалось, Андерслёв вдруг исчез с карты мира. Органы массовой информации переключили свое внимание на другое.

Что такое удушенная разведенная жена перед двумя застреленными полицейскими? Да еще один травмирован — как и почему, никому толком не известно. Один злоумышленник убит, другой в бегах, укрывается от правосудия.

Мартин Бек и Колльберг знали, что вообще-то полицейская служба не так уж опасна, хотя и высокое начальство, и многие рядовые полицейские не прочь сгустить краски. Слов нет, полицейские не обходятся без травм; число несчастных случаев в полицейских тирах и на полигонах очень велико, но их всегда замалчивают. В остальном же работа эта не сопряжена с физической опасностью. Разве что спина заболит от чрезмерного сидения в автомашине. Множество специальностей куда более рискованны. И не только в Швеции.

Так, в Англии с 1947 года в шахтах погибло 7768 рабочих, а полицейских было убито чуть больше десятка.

Возможно, пример нетипичный, но Леннарт Колльберг обычно ссылался на него, когда заходила речь о том, надо ли полицейскому носить при себе оружие. Ведь в Англии, Шотландии и Уэльсе полицейские, как известно, не вооружены. И должно же быть какое-то объяснение, почему это в маленькой Швеции случаев ранения полицейских гораздо больше.

С утра пораньше Мартина Бека настиг первый телефонный звонок, притом от человека, с которым он меньше всего желал общаться.

Звонил Стиг Мальм.

— Ну что, с твоим делом все ясно, — сказал Мальм.

— Как сказать.

— Разве нет? Насколько я понимаю, задача решена. Убийца сидит за решеткой. И сел даже раньше, чем был обнаружен труп. Хотя твоей заслуги в этом нет. Ну, так что ты скажешь?

— Разное. Есть еще невыясненные детали, — ответил Мартин Бек.

— Но вы же взяли убийцу.

— Я в этом далеко не убежден, — сказал Мартин Бек. — Хотя такая возможность не исключена.

— Не исключена? Все ясно как дважды два, куда уж проще.

— В том-то и дело, — убежденно произнес Мартин Бек. — Все может оказаться намного проще.

Колльберг вопросительно посмотрел на него. Они сидели в кабинете Рада. Сам Рад пошел прогуливать пса.

Мартин Бек покачал головой.

— Ладно, вообще-то я не за этим звоню, — сказал Мальм. — Можешь держать про себя свои загадочные соображения. Тут есть дело поважнее.

— Какое же?

— Ты еще спрашиваешь! Гангстеры скосили троих полицейских. И один головорез все еще находится на свободе.

— С этим делом я незнаком.

— Странно, странно. Ты что, не читаешь газет?

Мартин Бек не удержался:

— Читаю, но я не могу основывать свое суждение о нашей работе на газетных сообщениях. Мало ли какой вздор напишут, так уж всему и верить?

Но Мальм не вспылил.

— Эпизод просто возмутительный, — говорил Мальм. — Шеф, разумеется, страшно возмущен. Ты ведь знаешь, как близко он принимает к сердцу каждый случай, когда страдает кто-нибудь из наших людей.

Очевидно, на этот раз начальника ЦПУ не было в кабинете Мальма.

Конечно, сам по себе эпизод был ужасный. И показательный. Да только в передаче Мальма он сильно смахивал на один из тех выдуманных случаев, которыми в последнее время пичкали сотрудников в пропагандистских целях.

— Следует ожидать, что будет объявлен всешведский розыск, — продолжал Мальм. — Пока что даже машина не обнаружена.

— Ну а как там на самом деле с нашими ребятами? — спросил Бек.

— Состояние двоих остается по-прежнему критическим. О третьем врачи говорят, что у него есть все шансы выжить. Но в строй, конечно, вернется нескоро.

— Ясно.

— Итак, мы должны считаться с возможностью того, что розыски придется распространить на всю страну, — повторил Мальм. — Этого бандита надо схватить непременно и возможно скорее.

— Я уже говорил, что не в курсе дела, — ответил Мартин Бек.

— Я потому и звоню. Принято решение, чтобы я лично возглавил розыск, — сообщил Мальм. — На меня возложено руководство оперативным штабом.

Мартин Бек улыбнулся. Приятная новость и для него, и для разыскиваемого.

Бек избавлен от задания, которое вынудило бы его то и дело слушать осточертевший голос начальника ЦПУ. А у преступника теперь есть все шансы благополучно улизнуть. Так что же, в конце концов, нужно Мальму?

Мальм прокашлялся и многозначительно сказал:

— Разумеется, ты продолжаешь доводить до конца порученное тебе задание. Но сейчас как раз в Мальмё создается местная оперативная группа. Кроме того, у нас тут с утра прошло совещание.

Мартин Бек посмотрел на часы. Еще и восьми нет. Да, сегодня рабочий день в ЦПУ начался рано…

— Ну?

— Было решено немедленно подключить к этой группе Леннарта Колльберга. Зачем такому выдающемуся работнику заниматься делом, которое практически завершено.

— Минутку, — сказал Мартин Бек. — Ты можешь сам с ним переговорить.

— В этом нет необходимости, — отрезал Мальм. — Достаточно, если ты его известишь. Он должен немедленно выехать в Мальмё. Там розыскную группу возглавит инспектор уголовного розыска Монссон. Значит, ты передашь Колльбергу приказ… гм, известишь его?

— Я поговорю с ним.

— Отлично. Привет.

— Всего хорошего, — отозвался Мартин Бек.

И положил трубку.

— Ну, что этому типу надо? — тотчас спросил Колльберг.

Мартин Бек задумчиво смотрел на него.

— По-своему хорошая новость, — сказал он.

— А именно?

— Ты будешь избавлен от Фольке Бенгтссона.

Колльберг еще больше насторожился.

— А чем она плоха?

— Вчера утром около Фальстербу ранены двое полицейских. Третий тоже получил какую-то травму.

— Слышал.

— Ты должен явиться в Мальмё. Там организуют оперативную группу. Координирует действия Монссон.

— И то хорошо.

— К сожалению, есть в этом ложка дегтя.

— Начальник ЦПУ… — На круглом лице Колльберга отразилось нечто вроде ужаса.

— Чуть лучше.

— А именно?

— Мальм.

— Господи!

— Он во главе оперативного штаба.

— Оперативного штаба? Что это еще за штука — оперативный штаб?

— Вроде что-то военное. Полиция превращается в жандармерию.

Колльберг нахмурился.

— Когда-то мне моя служба нравилась. Но это было очень давно. Что-нибудь еще?

— Да, нет, вроде бы все. Тебе следует незамедлительно отправиться в Мальмё.

Колльберг покачал головой:

— Ну, Мальм, ну, змей. Ранены сотрудники… И этого клоуна поставили во главе оперативного штаба. Великолепно.

— Твое мнение о Фольке Бенгтссоне? Личное?

— По чести говоря, он невиновен, — сказал Колльберг. — Пусть он псих, но на этот раз он ни при чем.

На прощание Мартин Бек сказал:

— Смотри только, чтобы хандра тебя в гроб не загнала.

— Постараюсь, — ответил Колльберг.

Сидя в одиночестве, Мартин Бек пытался разобраться в своих мыслях.

На суждение Колльберга он полагался как на свое.

Колльберг не верит, что Фольке Бенгтссон задушил Сигбрит Морд.

Мартин Бек тоже в это мало верил. Но полной уверенности у него не было. Очень уж Бенгтссон странен.

Впрочем, в одном Мартин Бек был совершенно уверен: Бертиль Морд к убийству не причастен. Бенни Скакке проверил данные о кораблях из записной книжки Морда. Перечень подтвердился. Решающей деталью было судно под фарерским флагом.

Вошел Рад, бросил шляпу на письменный стол, сел в кресло. Тимми поднялся на задние лапы и принялся лизать лицо Мартину Беку. Тот оттолкнул пса и спросил:

— Херрготт, ты совершенно уверен, что не знаешь никого по имени Кай и чтобы жену его звали Сисси? Невысокий, хилый, но загорелый? Светлые волнистые волосы, темные очки?

— На территории Андерслёвского участка таких нет, — ответил Рад. — Ты думаешь, это он прикончил Сигбрит?

— Да. Похоже, что так.

— Что ж, это даже к лучшему, если Бенгтссон не причастен. Похоже, людям не хватает его и его копчушки. И вообще я предпочел бы, чтобы убийца был не из здешних.

XVI

Он гнал машину все воскресенье и вечером очутился в местечке под названием Малександер.

Он избегал больших магистралей. Ему надо было на север, и он ориентировался по дорожным указателям, но без карты, и с его знанием географии то и дело путался.

Каспер, как называли парня, не отличался высоким ростом и крепким сложением, а спадающие на плечи волнистые светлые волосы делали его лицо совсем мягким, детским. Когда он водил машину, у него часто спрашивали права, не веря, что ему уже исполнилось восемнадцать. Его это всегда злило.

С правами у него все в порядке, они лежали в заднем кармане джинсов, выписанные на его собственное имя: Ронни Касперссон, родился 16.IX.1954.

Он спрашивал себя, что случилось с его товарищем. Он даже не знал, что тот вооружен. Может, он не убит и сейчас «стучит лягавым». А что он может им сказать, ему даже неизвестно настоящее имя Каспера. Да и сам Каспер едва успел с ним познакомиться.

Они встретились в Мальмё в пятницу вечером. Каспер приехал туда утром из Копенгагена. Собственно, он направлялся домой, в Стокгольм, но деньги кончились. В конце

концов он в каком-то парке познакомился с ребятами, которые угостили его пивом. Одного из них звали Кристер.

Остальные ушли, а Кристер и Каспер остались. Посидели на скамейке, допили пиво. У Кристера тоже не было денег, зато была машина. Каспер не понял, собственная или нет, но Кристер показал ему ключи. Он жил в Мальмё, знал дачи, в которых можно поживиться.

В ночь на субботу они рыскали на машине в пригородах. Первая попытка ограбить дачу не удалась, но затем они нашли другую дачу, заколоченную на зиму. Поели консервов, поспали часика два. Ничего ценного не нашлось, но они захватили две картины и гипсовую фигуру, которая стояла на пьедестале.

Затем вернулись в Мальмё, здесь Кристеру удалось украсть в магазине несколько долгоиграющих пластинок. Кристер живо сбыл их знакомым. На вырученные деньги они купили пива и вина. До самого вечера то сидели в парке, то катались на машине.

— Сегодня махнем в район, где живут одни богатеи, — сказал Кристер.

Район этот назывался Юнгхюсен, и по домам сразу было видно, что здесь обосновались люди состоятельные. Они проникли в два дома и забрали вещи, которые рассчитывали без труда сбыть. Телевизор, транзистор, два ковра — Кристер уверял, что настоящие, ручной работы. Взломали бар, взяли несколько бутылок спиртного. Им попались даже наличные: разбив копилку, они насчитали три десятка новеньких монет по пять крон.

Словом, ночь выдалась удачная. И вдруг неведомо откуда эта полицейская машина.

Каспер в который раз проиграл в уме все, что произошло. Сперва появился молодой «лягаш» с пистолетом в руке, потом второй, постарше, который схватил Кристера, потом раздались выстрелы, и Каспер подумал, что стреляет первый полицейский. Потом он увидел, как один полицейский падает, за ним второй, и понял, что стрелял Кристер. Дальше все шло очень быстро, Каспер перепугался и уехал…

На этом месте Касперу пришлось прервать воспоминания. Кончился бензин. Съехав с горки с выключенным мотором, он свернул за какие-то ветхие сараи и здесь оставил машину. Потом пошел по дороге дальше и вскоре добрался до маленького поселка. Услышал далекий вой полицейских сирен и опять перепугался насмерть. Он лихорадочно искал машину, которую можно было бы угнать, и наконец попалась подходящая. Она стояла в открытом гараже рядом с большой дачей, и дверцы оказались незаперты.

Каспер понимал, что рискует, — владелец мог неожиданно выйти из дому. Машина завелась легко, и он поехал дальше. Курсом на север. Домой. В Стокгольм.

Все свои девятнадцать лет Каспер прожил в Стокгольме. Строго говоря, не в самом Стокгольме — он родился и вырос в пригороде, там ходил в школу, там жил вместе с родителями до недавнего времени. Три года назад стал искать работу, правда, без особого рвения. Родители решили переехать, приобрели себе стандартный домик за городом, а он не захотел жить с ними и повел довольно беспорядочный образ жизни в столице. Он кормился пособиями и ютился либо у приятелей, либо у приятельниц — молодых разведенных жен, деливших с ним постель.

Мало-помалу попал в компанию, где жили, руководствуясь принципом, что преступление себя оправдывает, не надо только зарываться и делать глупостей, чтобы тебя не схватили. Участвовал в кражах со взломом, угонял машины, перепродавал краденое. Месяца два его кормила девчонка, которая приводила клиентов; пока она их обслуживала, он сидел на кухне и пил водку с фруктовым соком. В своей преступной деятельности он руководствовался двумя правилами: не торговать наркотиками и не носить оружия. Он был привлечен к ответственности только один раз.

Каспер не корил себя за свой образ жизни. Как и многие другие молодые, он не мог считать своим общественный строй, в котором ценность индивида измерялась только

материальным благополучием и должностью и который вместе с тем не мог обеспечить молодежь сколько-нибудь осмысленной, порядочной работой.

Неподалеку от Катринехольма пришло время заправиться бензином. Он рассчитался блестящими пятикроновыми монетами. Заправщик повертел их в руках, разглядывая, потом положил в особое отделение в кассе и спросил:

— И не жалко с ними расставаться?

Каспер поразмыслил, что бы такое придумать, но ограничился тем, что пожал плечами.

Проехав еще часть пути, он остановился около киоска, чтобы купить сигареты, жвачку и газету. Идя к машине, пробежал глазами заголовки на первой странице.

Кристер убит, все трое полицейских живы. Полиция разыскивает Каспера по всей стране. Газета называла его «гангстером», «бандитом», «убийцей». Почему же вдруг «убийца»? Ведь он даже безоружен.

Он внимательно дочитал до конца репортаж. Ни Кристера, ни его не опознали, и машину не нашли. Полиция все еще разыскивает большой американский «шевроле», но ведь он не так уж надежно спрятан, его скоро найдут. Он отложил газету и долго сидел, пытаясь собраться с мыслями. Отступивший было страх снова овладел им. Он старался думать спокойно, последовательно.

В чем он виновен? Две кражи и угон машины. Стрелял не он. Даже если его задержат, это нетрудно доказать, а наказание за его собственные преступления будет не таким уж строгим. Каспер смял газету, бросил в канаву и поехал дальше. Он принял решение.

В первом же большом магазине он купил все необходимое для номеров старого типа. Выехал за город, свернул в лес, снял прежние номера и закопал в землю, заменил их другими и направился в сторону Сёдертелье.

Доехал до дома родителей, поставил машину в гараж. Если повезет и дальше, машина простоит тут несколько дней: отец Каспера работал разъездным агентом торговой фирмы, его подолгу не бывало дома.

Так и вышло. Он застал дома мать, отец же уехал до конца недели. Матери Каспер сказал, что одолжил машину у хорошего друга.

Мать очень обрадовалась сыну. Радость ее стала еще большей, когда он сказал, что думает побыть дома дня два.

Вечером он получил свои любимые блюда — бифштекс с луком и жареным картофелем, яблочный пирог с ванильным соусом.

Он рано лег и, засыпая на кровати отца, чувствовал себя почти в полной безопасности.

XVII

Утром двадцать первого ноября Гюстав Борглюнд умер в инфекционной больнице города Мальмё. Его доставили слишком поздно, и врачи ничего уже не могли сделать.

Зато Эмиль Элофссон и Давид Гектор выкарабкались во многом благодаря искусству хирургов. Конечно, обоим досталось, особенно опасным было положение Элофссона — одна пуля прошла сквозь печень, другая рядом с поджелудочной железой.

Элофссон и Гектор были не в состоянии говорить ни в понедельник, ни во вторник, а Борглюнд ничего не знал — даже того, что его подстерегает смерть.

Успехи оперативного штаба ЦПУ были на уровне ожидаемого. Машина не найдена, убитый не опознан.

Борглюнд увенчал свою долгую карьеру, состоявшую из сравнительно безобидных промахов, тем, что испустил дух в среду, в четыре часа утра. Весть о его кончине за несколько часов дошла до ЦПУ. Она вызвала бурю чувств и длинную череду телефонных

переговоров между Стигом Мальмом и полицмейстером Мальмё. ЦПУ требовало активных действий.

Под активными действиями ЦПУ подразумевало отправку во все концы автобусов с полицейскими в пуленепробиваемых жилетах и шлемах с плексигласовыми щитками перед лицом. Далее подразумевалось использование снайперов, автоматического оружия и бомб со слезоточивым газом; всем этим полицию охотно снабжала армия.

Леннарт Колльберг подразумевал под активными действиями разговор с людьми. Весь понедельник и весь вторник он пассивно наблюдал поток молодых людей, произвольно задержанных ревностными полицейскими. Колльберг был достаточно опытным сыщиком и знал, что человек, который полгода не ходил в парикмахерскую, далеко еще не кандидат в убийцы. К тому же, насколько он понимал, об убийстве не было речи. Но после кончины Борглюнда все вошли в такой раж, что кто-нибудь должен был предпринять что-нибудь дельное. Поэтому Колльберг зашел за своей машиной в гараж при отеле «Св. Йорген», где обычно останавливались высокие полицейские чины, и отправился в городскую больницу Мальмё. Он собирался переговорить с Элофссоном и Гектором.

Колльберг был человек закаленный, и все же его потрясло то, что он увидел в палате. Он еще раз поглядел на бумажку с адресом, который ему написал Пер Монссон. Все правильно. А что он находится в Швеции, ему и без бумажки известно.

Здание было выстроено в прошлом веке, и в палате стояло три десятка коек. Запах невыносимый, и вся картина сильно смахивала на перевязочный пункт во время Крымской войны. Не больница, а сплошной позор.

Он показал свое удостоверение медсестре.

— Вы ошиблись, — сказала она. — Они не в общей палате, им отвели отдельную, у нас их четыре. Каждая на две койки. Вы можете сейчас поговорить с ранеными, — продолжала она. — Только не слишком долго. Элофссону больше досталось, но Гектор, пожалуй, дольше пролежит.

— Я постараюсь не засиживаться.

Войдя к коллегам, Колльберг убедился, что начальство позаботилось о своих раненых подчиненных. Цветы, шоколад, фрукты… Радио и цветной телевизор.

Гектор держался бодрее, хотя левая рука и обе ноги у него были подвешены.

Над Элофссоном висело сразу четыре капельницы, одна с кровью, другие с жидкостями разного цвета.

— Небось, несладко здесь валяться, — сказал Колльберг.

— Наш час еще не пробил, — отозвался Гектор.

— Парень, который в вас стрелял, убит.

— Да, это надо же, я его все-таки хлопнул, — оживился Гектор. — Сам лежал с двумя пулями, темно, да еще коллега упал как раз между нами.

— Вспомнил имя, — вдруг сказал Элофссон. — Каспер.

— Каспер?

— Точно. «В машину, живо, Каспер», — сказал тот, который стрелял в меня. Точно, Каспер.

— Ты совершенно уверен?

— Абсолютно. Я же говорю, странное имя. Каспер — я никого не знаю с таким именем.

— Я тоже, — сказал Колльберг.

— И не «крайслер», а «шевроле». Светло-зеленая, а не синяя машина, нам неправильно сообщили.

— Так, — протянул Колльберг. — Понятно.

— Вот, а еще номер, — продолжал Гектор. — Они сказали, что буква А. То есть, понимай, стокгольмская машина со старыми номерами. И сказали — три шестерки. А на самом деле буква была Б и номер начинался двумя семерками. Потом еще какая-то цифра, а после нее, кажется, еще одна семерка.

— Я на этот счет ничего не могу сказать, — заметил Элофссон.

— Это очень важно, — сказал Колльберг. — Значит, зеленый «шевроле» зарегистрирован в Стокгольмской губернии, в номере две или три семерки.

— Вот именно, — подтвердил Гектор. — Я всегда стараюсь все примечать и редко ошибаюсь.

— Что верно, то верно, — согласился Элофссон. — Коллега всегда начеку.

— Ну и как же был одет этот Каспер?

— Темная куртка и джинсы, — ответил Гектор. — Маленький, волосы светлые. И длинные.

— Теперь все так одеты, — заметил Элофссон.

Вошла младшая медсестра, она катила тележку с множеством пробирок. Пока она занималась Элофссоном, Колльберг отодвинулся в сторонку.

— Можешь еще говорить? — спросил он Гектора.

— Сколько угодно. О чем ты хотел спросить?

— Да как все происходило… Вы останавливаете их, выходите из машины. Перед этим ты успел заметить марку машины, цвет и номер.

— Все верно.

— А они что?

— Они тоже вышли. Коллега Эмиль посветил фонариком внутрь их машины. Потом схватил того парня, что стоял ближе. А тот начал стрелять.

— Тебя сразу ранило?

— Почти сразу. По-моему, первые пули коллега принял на себя. Все это так быстро произошло… А потом и мне досталось.

— Но ведь ты тоже мог выхватить пистолет?

— Он у меня был в руке.

— Значит, ты шел к машине с пистолетом в руке?

— Ну да, у меня было словно предчувствие.

— А парни в машине, по-твоему, видели твой пистолет?

— Должны были видеть. Но патрон не дослан. Не положено. Надо было дослать, прежде чем отстреливаться.

Колльберг бросил взгляд на Элофссона — тому стало совсем плохо. Исследование показало, что у Элофссона и Борглюнда патроны были досланы. Но ни тот, ни другой не стреляли, а Элофссон даже не расстегнул кобуру, это точно установлено.

— Слушай, — окликнул Колльберга Гектор. — Тут поговаривают, будто Гюстав Борглюнд убит. Это правда?

— Правда, — сказал Колльберг. — Умер сегодня утром.

Колльберг видел, что Элофссон совсем обессилен, но требовалось задать еще несколько вопросов.

— Вы заметили, они оба в вас стреляли?

— Мне казалось, второй тоже стрелял, — ответил Элофссон. — В тот момент, когда все это происходило, я был уверен, что оба стреляют. Потому что за спиной у меня звучали выстрелы. Но теперь получается, что это коллега стрелял.

Колльберг снова повернулся к Гектору:

— А ты что скажешь?

— Уверенно могу сказать только, что длинный брюнет стрелял в Эмиля и меня, когда мы на земле лежали. Затем я услышал, как машина сперва развернулась, потом рванула с места.

— Значит, никто из вас не берется точно сказать, что светловолосый стрелял? Может, у него и оружия не было?

— По-моему, нет, — сказал Гектор. — Я ничего такого не видел.

Элофссон промолчал. Похоже было, что он дремлет.

Колльберг смотрел на Гектора. В уме у него вертелся один вопрос: «У тебя всегда бывают такие предчувствия? Что ты сперва выхватываешь пистолет, а потом задаешь вопросы?» Но сейчас не время выяснять такие вещи.

— Ладно, ребята, я пошел, — сказал он. — Поправляйтесь.

Беседу с ранеными он расценил как полезную и поучительную.

В полицейском управлении Мальмё Пер Монссон перекусил пополам зубочистку, швырнул в мусорную корзину и сказал:

— Вот это номер. Трое суток разыскиваем по всей стране не ту машину. Не та марка, не тот цвет, не та буква, не те цифры. Полный набор.

— Отчего умер Борглюнд? — спросил Колльберг.

— Убит в связи с перестрелкой, — произнес Монссон с каменным лицом. — Так будет написано в газетах.

Он достал из нагрудного кармашка новую зубочистку, не спеша снял с нее целлофан.

— Вот, у меня тут все точно записано во избежание недоразумений.

Он протянул Колльбергу листок, и тот прочел:

«Полицейский Гюстав Борглюнд, 37 лет, скончался сегодня утром вследствие травм, полученных им в связи с перестрелкой между полицией и двумя вооруженными головорезами в Юнгхюсен. Еще двое полицейских были тяжело ранены в той же перестрелке. Однако их состояние можно считать удовлетворительным».

Колльберг положил листок на стол.

— Отчего он умер на самом деле?

Монссон невозмутимо уставился в окно и сказал:

— Его ужалила оса.

XVIII

Монссону и Колльбергу пришлось жарко. Стиг Мальм всю среду не давал им покоя; одно утешение — начальник оперативного штаба сидел в Стокгольме и мотал душу из подчиненных по телефону: «Что нового?», «Машина найдена?», «Убийца опознан?»

— Теперь у нас появились кое-какие данные, — сказал Монссон.

И немного погодя:

— Нет, не стоит… Гораздо лучше, чтобы розыск велся централизованно, чтобы все нити сходились в одних руках… Да-да, мы позвоним…

Монссон положил трубку.

— Грозится приехать сюда. Если будет летная погода, может за два часа до нас добраться.

— Только не это, — с тоской произнес Колльберг.

— Не принимай всерьез все, что он говорит, — ответил Монссон. — К тому же скоро дело пойдет. И вообще он не любит летать, я это давно заметил.

Монссон оказался прав. Мальм не прилетел, а в четверг утром дело пошло.

Колльберг провел беспокойную ночь, а после завтрака — двойная порция яиц и ветчины — настроение немного поднялось. На душе у Колльберга было уже веселее, когда он поднялся на второй этаж полицейского управления, чтобы услышать от Монссона утренние новости. По пути он заметил на рекламных листках всех газет набранные огромными буквами слова: «УБИЙСТВО ПОЛИЦЕЙСКОГО».

— Привет, — сказал Монссон. — Нам теперь известно, кто стрелял в Гектора и Элофссона.

— Кто?

— Покойника звали Кристер Паульсон. В центральной картотеке отпечатков пальцев нашли наконец нужные сведения. В задержке, как всегда, виновата электронная машина.

Электронная машина. Колльберг вздохнул.

— Кроме того, мы нашли «шевроле». Он стоял за старым сараем на участке одного крестьянина в районе Веллинге. Хозяин участка говорит, что машина появилась там еще в воскресенье, но он думал, что просто кто-то захотел избавиться от старого рыдвана. Он читал в газете объявление о розыске, но ведь там, черт возьми, все неверно указано — номер, цвет, марка машины. Бенни отправился туда, скоро доставит ее.

Колльберг хмыкнул в ответ и спросил:

— А что нам известно про этого Кристера Паульсона?

— Довольно много. Только что вышел из заключения. Всего двадцать четыре года, а на счету уже не одна судимость. Уроженец центра страны, но некоторое время жил в наших краях.

— И умер…

— Да. Гектор застрелил его. То, что называется самообороной. Пожалуй, и все. Есть заключение психиатра, он считался неврастеником…

Монссон заглянул в какую-то бумагу.

— Вот. Антиобщественные наклонности. Бунтарь. Без специального образования, нигде не работал. Но актов насилия не совершал, хотя у него и раньше находили оружие. Еще он был наркоманом.

Колльберг снова вздохнул. В «зажиточном государстве» развелось столько людей именно такого рода, что всех и не сочтешь. Но что еще хуже: никто не знал, как с ними быть.

Полицейские решали проблему очень просто — били дубинками по голове, а потом еще добавляли кулаками в участке.

— Интересно, стал бы он стрелять, если бы Гектор не размахивал своим пистолетом? — произнес Колльберг.

— Что ты сказал?

— Ничего. Просто размышляю вслух.

Помолчав, Монссон снова заговорил:

— Я ведь слышал. Я и сам об этом думал. Думал, да бросил. Ведь ответа все равно не получишь.

— Тебе приходилось в кого-нибудь стрелять?

— Приходилось. Один раз. Корова улизнула с бойни и убежала в город. Тогда еще трамваи ходили, и эта животинка напала на грузовой трамвай на мосту. Этакий бой быков… Нет, теперь я никогда пистолет с собой не беру. Тут лежит, — он пнул ногой ящик письменного стола. — К тому же у меня зрение паршивое.

— А про Каспера нам по-прежнему ничего не известно, — заметил Колльберг.

— Ничего. Но у нас есть две хорошие зацепки. Во-первых, потолкуем с приятелями этого Кристера Паульсона. Если только это даст что-нибудь. Нынче молодые какие-то странные пошли.

— Зависит от того, кто с ними говорит, — возразил Колльберг.

— Во-вторых, в машине должны быть отпечатки его пальцев. А может, и еще что-нибудь.

Монссон барабанил пальцами по столу.

— Этот Кристер Паульсон явился сюда из Стокгольма, — продолжал он. — Типично. В столице жизнь до того невыносимая, что даже лиходеи бегут. Бегут и безобразничают тут, у нас.

Монссон, пожалуй, кое в чем был прав, но Колльберг ограничился тем, что пожал плечами.

Зазвонил телефон.

Монссон сделал красноречивый жест рукой:

— Прошу. Твоя очередь.

Колльберг с унылой гримасой взял трубку.

Но на сей раз звонил не Мальм, а Бенни Скакке.

— Привет, — поздоровался он. — Я еще в Веллинге, жду аварийную машину. Похоже, бензобаки пусты, но машина та самая, никакого сомнения. В ней лежит краденое.

— Ты там поосторожнее, не насажай своих отпечатков, — предупредил Колльберг.

— Не бойся, не насажаю. Тут еще одно дело, я хотел сообщить…

— Валяй, парень, выкладывай, — подбодрил его Колльберг. — Что там у тебя?

— Понимаешь, хотя Веллинге и входит в наш участок, на самом деле это что-то вроде старой деревни, где люди знают все друг о друге.

— И что же ты узнал?

— В воскресенье у здешнего жителя угнали машину. А заявил он об этом только вчера. Собственно, даже не он, а его жена.

— Отлично, Бенни. Говори номер и прочие данные, объявим розыск.

Колльберг записал данные и отдал на телекс.

— Что ж, тут очевидная связь, — сказал Монссон.

— Гм-м, — отозвался Колльберг. — Да, связь намечается.

— Итак, — говорил Монссон, — Кристер Паульсон и этот Каспер вместе совершают кражу. Их замечают. В это время поблизости оказывается патрульная машина, в которой сидят Элофссон, Борглюнд и Гектор. Они останавливают машину с ворами. Кристер Паульсон ранит Гектора и Элофссона, но Гектору удается выхватить пистолет…

— Гектор держал пистолет наготове, — вмешался Колльберг.

— Ладно, будь по-твоему. Так или иначе, он убивает Кристера Паульсона. Одержимый страхом Каспер прыгает в машину и уезжает. Ему удается незамеченным проскочить единственное опасное для него место — мост у Хёлльвикснеса. Дальше в его распоряжении множество дорог местного значения, за которыми мы не в состоянии надежно проследить, не говоря уже о том, чтобы перекрыть их.

Колльберг не мог похвастаться хорошим знанием Сконе, но он знал, что Юнгхюсен расположен на мысу, который пересекается каналом Фальстербу, и что в поселок ведет одна-единственная дорога.

— Он успевает выскользнуть до прибытия первой полицейской машины?

— Шутя. Там всего несколько минут езды, Юнгхюсен находится у самого канала. Сам понимаешь, в то утро там царило некоторое замешательство. Наших в том районе было предостаточно, но большинство развлекалось гонками на новой магистрали между Мальмё и Веллинге. Кстати, две полицейские машины столкнулись. А наш друг Каспер добрался до Веллинге, там у него кончился бензин, он свернул с дороги, украл другую машину и дал ходу.

— Куда?

— К черту на рога. У нас искать его бесполезно. Но теперь есть данные о второй машине. Надо выследить.

— Надо… — рассеянно подтвердил Колльберг, думая о своем.

— Если только владелец сообщил верный номер, верную марку и верный цвет.

— Я тебя вот о чем хочу спросить, — сказал Колльберг. — Пусть даже мой вопрос будет тебе против шерсти. Не для того, чтобы опровергнуть официальную версию, просто мне лично важно знать, что именно произошло.

— Давай, не стесняйся.

— Что произошло на самом деле с Борглюндом?

— Я могу сказать только, как это мне представляется.

— Ну и что же тебе представляется?

— По-моему, Борглюнд сидел сзади и спал, когда задержали машину с ворами. Когда он выбрался из машины, заваруха уже началась. Кристер Паульсон, а возможно, и Каспер, открыли огонь, и Гектор стал отстреливаться — результат известен. Борглюнд залег в укрытие, а попросту говоря, шлепнулся в канаву. И видимо, попал прямо на осиное гнездо. Оса ужалила его в шейную артерию. В воскресенье он явился на дежурство, но почувствовал себя плохо, и его отпустили домой. В понедельник угодил в больницу. Он уже был без сознания, да так и не пришел в себя.

— Несчастный случай, — пробурчал Колльберг.

— Да. Но не первый в своем роде. Насколько мне известно, такие вещи случались и раньше.

— Ты разговаривал с ним до того, как он попал в больницу?

— Говорил. И ничего толком не узнал. Дескать, остановили какую-то машину, и кто-то из этой машины открыл огонь. Тогда он залег в укрытие. Понятное дело, перетрусил.

— Теперь мне известно, что говорят все участники происшествия, кроме Каспера, — сказал Колльберг. — Никто не утверждает положительно, что Каспер стрелял или хотя бы поднял руку на кого-либо. И все эти разговоры об убийстве Борглюнда сплошное лицемерие.

— Так ведь прямо никто ничего и не утверждает. Сказано только, что он скончался от повреждений, полученных в связи с перестрелкой. А это на самом деле так. Ты куда, собственно, клонишь?

Монссон озабоченно посмотрел на Колльберга.

— Я думал о парне, на которого охотимся, — ответил Колльберг. — Пока мы не знаем, кто он, но скоро выясним. За ним гонятся — от такой облавы хоть кто голову потеряет. А на самом деле может оказаться, что он повинен всего-навсего в краже. Не нравится мне это.

— Еще бы. А что в нашей работе может нравиться человеку?

Снова зазвонил телефон.

Мальм.

— Что нового? Что сделано?

Колльберг передал трубку Монссону.

— Он лучше меня в курсе дела, — покривил Леннарт душой.

Монссон невозмутимо изложил по порядку все новости.

— Что он сказал? — спросил Колльберг, когда разговор окончился.

— «Прекрасно!» И еще сказал, чтобы мы двигались дальше на всех парах.

Через час явился Бенни Скакке, привел злополучную машину.

Эксперты зафиксировали отпечатки пальцев, затем начался осмотр.

— Ну и старье, — заметил Монссон. — Так, краденое имущество… Старый телевизор… ковры… статуэтка какая-то, если это можно назвать статуэткой. Спиртное… Разное барахло. И несколько монет из копилки.

— Плюс двое убитых и столько же раненых — вероятно, пожизненных инвалидов.

— Вот уж действительно неоправданные жертвы, — заметил Монссон.

— Остается позаботиться о том, чтобы их не прибавилось, — заключил Колльберг.

Они тщательно обыскали старый «шевроле». У обоих был немалый опыт в таких делах, а Монссон вполне заслуживал звание эксперта по обнаружению вещей, которые ускользали от внимания других.

И на этот раз ему повезло.

Между спинкой и сиденьем кресла, что рядом с водительским, попала сложенная несколько раз тонкая бумажка. Обивка разлезлась, и бумажка застряла под ней. Колльберг был почти уверен, что он ни за что не нашел бы этот клочок.

Они возвратились в кабинет Монссона.

Колльберг развернул бумажку, Монссон вооружился лупой.

— Что это такое? — спросил Колльберг.

— Валютная квитанция, выдана каким-то датским банком, — объяснил Монссон. — Точнее, копия квитанции. Одна из тех бумажек, которые либо выбрасывают сразу, либо складывают и суют в карман. И теряют потом, когда из того же кармана достают носовой платок.

— И на ней положено расписываться?

— Как правило, — сказал Монссон. — Но не всегда. Зависит от правил данного банка. Здесь роспись есть.

— Ну и почерк! — сердито заметил Колльберг.

— А кто из молодых в наше время пишет лучше? Что там?

— Кажется, Ронни. Дальше К. И маленькая «а», и какие-то закорючки.

— Кажется, Ронни Касперссон, — заключил Монссон. — Или Каспарссон. Но это лишь догадка.

— Ронни — совершенно точно.

— Что ж, проверим, может быть, и обнаружится какой-нибудь Ронни Касперссон.

Вошел Бенни Скакке. Постоял, переминаясь с ноги на ногу. Колльберг посмотрел на него:

— Что там у тебя?

— Да вот, привел несколько человек, знакомых Кристера Паульсона. Девушка и два парня. Будете говорить с ними?

— Я поговорю, — ответил Колльберг.

Во внешности молодых людей не было ничего необычного. Впрочем, семь-восемь лет назад они сразу привлекли бы к себе внимание: длинные кожаные куртки с вышивкой, на парнях джинсы, тоже разукрашенные вышивками, на девушке длинная юбка, то ли индийского, то ли марокканского типа. Все трое в кожаных сапогах на высоком каблуке.

Волосы до плеч. Они смотрели на Колльберга с тупым безразличием, которое в любую минуту могло смениться враждебностью.

— Привет, — поздоровался Колльберг. — Есть будете? Кофе, бутерброды?

Ребята пробурчали нечто утвердительное, а девушка тряхнула головой, убирая волосы с лица, и звонко отчеканила:

— Накачиваться кофе да объедаться белым хлебом — только себе вредить. Хочешь быть здоровым — ешь натуральные продукты, пока еще можно хоть что-то найти. Избегай мяса и всяких суррогатов.

— Ясно, — сказал Колльберг. И повернулся к стоявшему у двери стажеру. — Принеси три чашки кофе и побольше бутербродов, — распорядился Колльберг. — Зайди в овощную лавку на углу и купи здоровенную морковку, чтобы было побольше витаминов.

Стажер вышел. Ребята заржали, девушка сидела прямо и сурово молчала.

Стажер вернулся с кофе, морковиной и розовым от усердия лицом.

Теперь рассмеялись все трое. Колльберг мог бы и сам усмехнуться, но ему не стоило большого труда сдержаться. К сожалению.

— Ну так, — заговорил он. — Спасибо, что пришли. Вам известно, о чем речь идет?

— Кристер, — ответил один из парней.

— Вот именно.

— По сути дела, Кристер был вовсе не плохим человеком, — сказала девушка. — Да только общество испортило его, и за это он ненавидел общество. А теперь легаши его убили.

— Он и сам ранил двоих, — вставил Колльберг.

— Ну и что. Меня это не удивляет.

— Почему?

После долгого молчания один из парней ответил:

— Он всегда ходил с оружием. Когда шпалер, когда стилет, когда еще что-нибудь. Говорил, что в наше время иначе нельзя. Как будто он был доведен до отчаяния — так, кажется, говорят?

— Моя служба заключается в том, чтобы разбираться в таких делах, — сообщил Колльберг. — Противное занятие — и отнюдь не благодарное.

— А наша весьма противная и неблагодарная задача — жить дальше в этом прогнившем обществе, которое не мы довели до такого состояния, — сказала девушка. — Жить и каким-то образом вернуть ему человеческий облик.

— Кристер не любил полицейских? — спросил Колльберг.

— Все мы ненавидим легавых, — ответила девушка. — И за что нам их любить? Они ведь ненавидят нас.

— Вот уж правда, — подхватил один из парней. — Нигде в покое не оставляют, ничего не разрешают делать. Сядешь на скамейку или на траву — легавый тут как тут. А представится случай — так подкинут…

— Или издеваются, — вставила девушка. — Еще неизвестно, что хуже.

— Кто-нибудь из вас видел парня, который поехал с Кристером в Юнгхюсен?

— Каспера-то? — заговорил второй парень. — Я видел. Совсем немного. Посидели вместе, потом пиво кончилось, и я ушел.

— И как он тебе показался?

— Славный парень. Безобидный, такой же, как и мы все.

— Значит, тебе известно, что его звали Каспер?

— Ну да. Но вообще-то у него другое имя. Он что-то бормотал вроде Робин, или Ронни…

— Что вы думаете об этом случае?

— Все как положено, — ответил первый парень. — Иначе и быть не могло. Нас все ненавидят, особенно легавые. И когда кто-то из нас от отчаяния становится на дыбы, выходит то, что вышло. Еще удивительно, что ребята поголовно не обзаводятся оружием. Почему все шишки должны только на нас валиться?

Колльберг поразмыслил, потом спросил:

— Если бы вам предоставилась возможность выбирать, кем бы вы стали?

— Я стал бы космонавтом и махнул в межпланетное пространство, — ответил один из парней.

— А я уехала бы в деревню, — сказала девушка. — Вела бы здоровый образ жизни. Завела всякую живность, народила бы детей и постаралась уберечь их от всякой отравы, чтобы выросли настоящими людьми.

— Отведи мне грядку в твоем огороде, я гашиш разведу, — усмехнулся второй парень.

Колльберг не услышал больше ничего существенного и вскоре вернулся к Монссону и Скакке.

На этот раз картотека сработала без задержки.

Она подтвердила существование Ронни Касперссона, он уже привлекался к ответственности, и отпечатки пальцев совпадали с найденными на баранке и приборной доске.

В пятницу о Ронни Касперссоне было известно следующее: когда он родился, где живут его родители, где его видели последний раз.

В итоге дознание переносилось далеко за пределы полицейской сферы города Мальмё. Центр тяжести в охоте на убийцу переместился в другие районы страны.

— Оперативная группа Мальмё распускается, — по-военному отчеканил Мальм. — Тебе надлежит немедленно явиться ко мне в Стокгольм.

Уложив чемодан и выйдя на улицу, Колльберг почувствовал, что его терпению приходит конец.

XIX

В среду вечером Ронни Касперссон услышал, что один на полицейских, участников драматической перестрелки в Юнгхюсен, скончался.

Это дикторша так сказала: драматическая перестрелка в Юнгхюсен.

Сидя вместе с мамой на диване, он смотрел на экран телевизора и слушал, как перечисляются его приметы. Полиция объявила всешведский розыск, разыскиваемому около двадцати лет, он ниже среднего роста, у него длинные светлые волосы, одет в джинсы и темную поплиновую куртку.

Ронни глянул на мать. Она была занята своим вязанием — брови нахмурены, губы шевелятся, должно быть, считает петли.

Описание было довольно поверхностное и далеко не точное. Верно, ему недавно исполнилось девятнадцать лет, но он уже привык к тому, что его часто принимают за шестнадцатилетнего. А куртка на нем была черная, кожаная. К тому же накануне вечером он, поломавшись для вида, дал матери отстричь ему волосы.

Кроме того, дикторша сообщила, что он, вероятно, разъезжает на светло-зеленом «шевроле» с тремя семерками в номере.

Странно, что полиция не нашла машину. Он ведь не старался ее спрятать. В любую минуту могут найти.

— Я завтра уеду, мама, — сказал он.

Она оторвала взгляд от вязания.

— Почему, Ронни? Дождался бы папы! Он очень огорчится, когда узнает, что ты был и не мог его подождать.

— Мне надо возвращать машину. Парню, у которого я ее одолжил, она нужна завтра. Но я скоро вернусь.

Мать вздохнула.

— Ну да, ты всегда так говоришь, — грустно произнесла она, — а сам пропадаешь на целый год.

На другое утро он поехал в город.

Он еще не знал, куда деться, но не хотел сидеть дома у матери и ждать, когда его схватят, если полиции удастся установить его личность. В Стокгольме легче скрыться.

Денег было совсем мало, только две пятикроновые монеты, да мать дала ему две десятки. Бензин его не волновал, он отрезал кусок садового шланга в родительском гараже, и оставалось лишь дождаться темноты, чтобы решить проблему заправки.

Хуже обстояло дело с жильем. Он быстро добрался до Стокгольма. В баке оставались считанные литры, а ему не хотелось тратить последние кроны на бензин, который вечером можно добыть бесплатно. Ему посчастливилось найти свободное место на стоянке у Шеппсбрун. Каспер решил, что с фальшивыми номерными знаками машиной можно без особого риска пользоваться и дальше.

Ронни бродил по Старому городу, размышляя, как поступить.

Две недели не был он в Стокгольме, а казалось, вечность прошла. Две недели назад у него было немного денег, и он в компании с двумя ребятами поехал в Копенгаген, а когда деньги кончились, перебрался в Мальмё и на беду познакомился с Кристером.

Его тянуло с кем-нибудь поговорить, встретить приятелей, вернуться к старому, привычному образу жизни и убедиться, что ничего не изменилось, все по-прежнему.

Но нет, какое там по-прежнему. Правда, ему и раньше случалось бывать в бегах, да разве прошлое можно сравнить с нынешним случаем! Сейчас дело серьезное, по телевидению объявили, что его по всей стране разыскивают.

Идти к приятелям опасно, они собираются там, где полиция в первую очередь будет его искать, — Хумлегорден, Кунгстредгорден, Сергельсторг.

Он остановился, его внимание привлекли листки на газетном киоске около Бьёрнстредгорд. Крупным жирным шрифтом: «УБИЙСТВО ПОЛИЦЕЙСКОГО… РАНЕНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ СКОНЧАЛСЯ». Каспер перевел взгляд на подзаголовки. «Погоня за бандитом по всей стране…». Другая вечерняя газета лаконично констатировала: «Убийца на свободе».

Он знал, что речь идет о нем, и все же ему было непонятно, почему его называют бандитом и убийцей. Его, который в жизни не держал в руках пистолета. Да если бы и держал, ни за что не выстрелил бы в человека, как бы туго ни пришлось.

Он думал о зеленой машине с украденным добром и с отпечатками его пальцев на баранке. Да и не только на баранке… Как только найдут машину, по отпечаткам сразу выяснят, за кем гонятся.

Каспер слишком хорошо помнил тот единственный случай полтора года назад, когда он попался. Помнил штемпельную подушечку и карточку, к которой прижимали его пальцы. Все десять, один за другим.

И он не стал покупать газет, а пошел дальше. Улица за улицей, улица за улицей, не сознавая толком, где находится, все мысли сосредоточены на одном: как укрыться?

Дома у родителей — исключено, полиция нагрянет туда, как только установит его личность. Скорее всего уже установила.

Жаль маму. Надо бы рассказать ей, как все было на самом деле, что он ни в кого не стрелял. Может, написать ей письмо, если найдется укрытие.

В четыре начало темнеть, и Каспер немного успокоился. Ведь он же никого не убивал, это чистое недоразумение, не станут же его карать за то, в чем он неповинен. Или станут?

Вот именно. Принято говорить, что Швеция — правовое государство, но Каспер в этом сомневался. Скольким невиновным выносят строгие приговоры, тогда как подлинные преступники — те, что выжимают из сограждан деньги, рабочую силу и жизненную энергию, — пребывают на свободе, потому что их действия оправдываются законом.

Каспер озяб. Под кожаной курткой на нем была только тонкая водолазка. Заношенные джинсы тоже не больно-то грели. Больше всего мерзли ноги в парусиновых туфлях на резине.

На Рингвеген он зашел в кондитерскую, в которой прежде не бывал ни разу. Взял кофе, два бутерброда с сыром и сел за столик поближе к батарее отопления.

Только поднес к губам чашку, как вдруг сзади его окликнули:

— Каспер, ты? Оболванился так, что сразу и не узнать.

Он поставил чашку и обернулся.

Видно, у него было испуганное лицо, потому что девушка, сидевшая за соседним столиком, сказала:

— Ты чего это дрейфишь так? Это же я, Магган. Ну, вспомнил?

Конечно, вспомнил. Магган несколько лет гуляла с его лучшим другом, он познакомился с ней в первый же день, когда приехал в Стокгольм почти три года назад. Не так давно она разошлась с его другом, тот ушел в плавание, и с тех пор Каспер не видел Магган.

Магган пересела за его столик, они потолковали о былом, и Каспер решился посвятить ее в свои проблемы. Рассказал все, как было. Магган читала газеты и сразу уразумела, в какой он попал переплет. Выслушав его, она сказала:

— Бедняжка. Вот это влип! Наверно, правильнее всего было бы посоветовать тебе — иди, мол, в полицию и скажи все как есть. Но я воздержусь — не доверяю легавым.

Она призадумалась, Каспер молча ждал. Но вот она заговорила снова:

— Поживешь у меня. Обзавелась берлогой в Красене. Конечно, мой тебе не обрадуется, но он и сам не в ладах с легавыми, поймет. И вообще он добрый. В глубине души.

У Каспера не хватало слов, чтобы выразить свое облегчение и благодарность, но он сказал:

— Ты мировая баба, Магган, я всегда это говорил.

Она заплатила за него в кондитерской, потом проводила до Шеппсбрун, где он оставил машину.

— Чего доброго, на штраф нарвешься, — сказала она. — Тебе это сейчас совсем ни к чему. Гроши на заправку у меня найдутся, так что не волнуйся.

Она сама села за руль, и всю дорогу Каспер горланил песни.

XX

Херрготт Рад прищелкнул большим пальцем за правым ухом так, что шляпа подскочила и съехала на левую бровь.

— Сегодня пойдем и подстрелим фазана. Потом съедим его. Таких кулинаров, как я, поискать надо. В этом одно из преимуществ холостяцкой жизни — поневоле научишься готовить.

Мартин Бек буркнул что-то неразборчивое.

Сам он абсолютно не годился в кулинары. Может быть, потому что поздно стал холостяком.

— А где стрелять будем? Ты владеешь лесными угодьями?

— А друзья на что, — сказал Рад. — Считай, что нас пригласили на охоту. Сапоги возьмешь мои. Ружье тоже, у меня их два.

Он усмехнулся, перебирая лежащие на столе бумаги.

— Конечно, если ты предпочитаешь отвести душу разговором с Фольке, то…

Мартин Бек поежился. Допрос Фольке Бенгтссона окончательно зашел в тупик. Нечто вроде шахматной партии, когда у противников осталось, кроме королей, по одному коню.

— Одна сегодняшняя новость касается осмотра места происшествия, — сообщил Рад. — Точнее, ветоши, которую лично я обнаружил поблизости от трупа, когда мы там работали. По правде говоря, я успел про нее забыть.

Он расхохотался.

— Ну и что с ней? — спросил Мартин Бек.

— Подверглась криминалистической экспертизе. Вот заключение. Хлопчатобумажное волокно, частицы гравия, грязь, глина, жир, смазочное масло, никелевая стружка. Гравий, грязь, глина по составу точно соответствуют пробам грунта, которые мы взяли в яме, где лежала Сигбрит. А там, где я подобрал ветошь, состав уже другой. Значит, можно предположить, что убийца вытирал ветошью свои сапоги. Скорее всего сапоги, в другой обуви там было не пройти.

— Никелевая стружка, — сказал Мартин Бек. — Не совсем обычная вещь.

— По-моему, тоже. Во всяком случае, ничто из этого не может быть обращено против Фольке Бенгтссона.

«И все-таки он будет осужден, — подумал Мартин Бек. — Если только…»

— Ну все, теперь поехали на охоту, — заключил Рад.

Мартин Бек еще никогда не ходил на охоту, и все было для него необычно. В сапогах Рада, джинсах, теплой куртке и вязаной шапочке он шагал по кочкам рядом с Херрготтом и Тимми на поводке. Дробовик он нес на левой руке, зажав приклад под мышкой так, как это делали охотники в кинофильмах.

— Тебе стрелять первым, — сказал Рад. — Как-никак гость. Потом я.

Мягкие кочки пружинили под ногами, высокая трава серебрилась инеем после холодной ночи. Какие-то упрямые цветки бросали вызов наступающей зиме; местами попадались выстроенные кольцом синеватые грибы.

— Рядовка, — объяснил Рад. — Вполне съедобные. На обратном пути можно собрать для гарнира.

Шляпки грибов подмерзли, а вообще-то день был на редкость хороший для этого времени года. Мартин Бек помалкивал — он слышал, что охотникам положено соблюдать тишину в лесу. И он старался совсем не думать об удушенных разведенных женах, об отсидевших срок сексуальных маньяках, о ключах, которые никуда не подходят, и о ветоши с никелевой стружкой.

Воздух был чистый, прозрачный, небо высокое, голубое, с редкими клочьями облаков.

Вдруг перед Мартином Беком вверх взметнулась птица. Застигнутый врасплох, он вздрогнул, выстрелил, а птица стрелой унеслась прочь.

— Господи, — усмехнулся Рад. — Не хотел бы я стрелять в одной команде с тобой. Спасибо, не попал в Тимми или в меня.

Мартин Бек тоже посмеялся. И ведь он с самого начала предупредил, что его охотничий опыт равен нулю.

Следующего фазана они подняли минут через сорок, и Рад подстрелил его с этакой элегантной небрежностью, словно походя.

На обратном пути Мартин Бек занялся собиранием грибов.

— С грибами оно проще, — заметил Рад. — Они на месте стоят.

Когда они вернулись к томатной машине Рада, Мартин Бек сказал:

— Никелевые стружки… Откуда?

— С какого-нибудь завода, где изготовляют специальные детали. Да мало ли откуда!

— Это может оказаться важным.

— Возможно, — согласился Рад.

Похоже было, что сейчас у него только обед на уме.

И обед удался на славу. Мартину Беку давно не доводилось так вкусно поесть. Хотя Рея Нильсен и часто и охотно готовила вкусную еду.

Оказалось, что у Рада в холодильнике хранится всякая всячина. Например, сморчки, которые он сам собрал. И бесподобная смесь из черники, ежевики и дикой малины. Получился отличный десерт, тем более что к ягодам были поданы сбитые сливки «собственного производства», как выразился Рад.

Только они вытерли рты, как зазвонил телефон.

— Рад?.. Нет, правда?.. Ну, молодец, честное слово, молодец! Рассказывай… Как? По почте? Я передам. Завтра постараемся выбраться… Если и дальше так пойдет, жди повышения, возьму тебя в Андерслёв… Не хочешь? Ну и дурень… Ясно, привет.

Рад положил трубку и хитро посмотрел на Мартина Бека.

— Кто это?

— Один парень из Треллеборга. Он нашел квартиру, к которой подходит ключ из сумки Сигбрит.

Мартин Бек был поражен и не скрывал этого.

— Черт возьми, это как же он ухитрился?

— У нас в деревне говорят: чем крестьянин глупее, тем свекла крупнее. Может, и к этому случаю подходит? Ан нет, не подходит!

Рад продолжал говорить, убирая со стола.

— А дело в том, что несколько ребят в Треллеборге решили во что бы то ни стало найти эту проклятую дверь, если только она и впрямь в городе находится. Сделали кучу аналогичных ключей и потратили уйму сверхурочных часов.

Он сделал вынужденную передышку — его одолел смех. Мартин Бек уже опомнился и стал помогать с посудой.

— Ну и еще один фактор, смею сказать, немаловажный. Есть в Треллеборге неплохие ребята. Ведь шеф может позволить себе основательно подойти к подбору кадров и не обязан всякую шваль принимать на работу, как в Мальмё там или в Стокгольме. Так вот, ребята решили доказать шишкам из Стокгольма, и тебе в первую очередь, что мы тут, в южной провинции, тоже не лыком шиты. Вот и искали, пока не нашли нужную дверь. Как раз сегодня. А не нашли бы сегодня, так продолжали бы поиски, пока не смогли бы поклясться, что во всем Треллеборге нет замка к этому ключу.

— Какие-нибудь подробности?

— Как же, есть и подробности. Адрес, например. Еще кое-что. Они ничего не трогали, только взглянули. Маленькая однокомнатная квартира, скромная обстановка. Сигбрит снимала ее на свою девичью фамилию — Ёнссон. Плата вносилась наличными по почте, в белом конверте, первого числа каждого месяца, на протяжении трех с половиной лет, адрес

писался на машинке. И за этот месяц уплачено, хотя Сигбрит уже погибла и никак не могла этого сделать. Значит, кто-то другой заплатил.

— Кай.

— Возможно. На обороте конверта каждый раз написано два слова и одна буква: «Квартплата С. Ёнссон».

— Что ж, завтра надо поехать посмотреть.

— С удовольствием. Дверь опечатана.

— Кай, — повторил Мартин Бек, словно про себя. — Вряд ли Фольке Бенгтссон.

— Почему?

— Он слишком скупой.

— Квартплата не такая уж высокая. Владелец говорит, что всегда платили точно, не больше и не меньше.

Мартин Бек покачал головой.

— Нет, не Бенгтссон. Не его поступок.

— Не его? — сказал Рад. — Фольке — человек с твердыми привычками.

— Весь вопрос в его отношении к женщинам. Он иначе смотрит на так называемый противоположный пол.

— Противоположный пол, — повторил Рад. — Недурное определение. Я рассказывал тебе про мадам из Аббекоса? Про это хищное растение?

Мартин Бек кивнул.

— А вот этот Кай и впрямь таинственная фигура, — продолжал Рад. — На территории нашего участка не проживает. Ручаюсь на девяносто девять процентов. И мне известно, что треллеборгские ребята основательно потрудились, искали этого Кая по известным нам приметам и прочим данным. Они считают, что во всем округе нет такого человека.

— Гм-м-м, — промычал Мартын Бек.

— Можно еще предположить, что Фольке все придумал, придумал машину и человека в машине, чтобы отвлечь внимание от себя.

— Возможно, — сказал Мартин Бек.

Однако он так не думал.

На другой день они отправились в Треллеборг изучать обстановку на месте.

Квартира помещалась в маленькой постройке во дворе старого наемного дома — старого, но не запущенного. Дом стоял в тихом переулке.

Тайник Сигбрит Морд находился на втором этаже.

Мартин Бек предоставил Раду срывать печать, чувствуя, что ему это доставит удовольствие.

Квартирка и впрямь была убогая.

Воздух затхлый, комната, наверно, больше месяца не проветривалась.

В маленькой темной прихожей на полу у двери лежала почта — реклама разного рода.

Фамилия на двери была составлена из отдельных белых пластмассовых букв: С. ЁНССОН.

Справа от прихожей — совмещенный санузел, с полочкой для туалетных принадлежностей.

В комнате — стол и два стула. У одной стены лежал на полу стандартный поролоновый матрац, покрытый яркой дешевой тряпкой.

Поверх тряпки лежала подушка в голубой наволочке.

Возле стола стоял электрокамин.

Они заглянули в ящики стола. Пусто, если не считать нескольких чистых листов бумаги и блокнот с тонкой бумагой в голубую линейку.

«Знакомая линейка», — сказал себе Мартин Бек.

На кухне они обнаружили кофейник, две чашки, две рюмки, банку растворимого кофе, непочатую бутылку белого вина, неполную бутылку хорошего виски, четыре банки пива «Карлсберг».

Две пепельницы, одна на кухне, другая в комнате, обе вымыты.

— Не очень-то приглядное гнездышко, — сказал Херрготт Рад.

Мартин Бек ничего не сказал. Рад был хорошо осведомлен во многих областях. Но в любви, похоже, ничего не смыслил.

Лампочки голые, без абажуров. И всюду полная чистота. В чуланчике на кухне хранилась щетка, совок, тряпка.

Мартин Бек присел на корточки, рассматривая подушку. Волосы — двух родов: длинные русые и короткие, почти белые.

— Надо провести криминалистическое исследование. Притом очень тщательное.

Рад кивнул.

— Квартира та самая, — продолжал Мартин Бек. — Никакого сомнения. Честь и слава треллеборгской полиции.

Посмотрел на Рада:

— Есть чем дверь снова опечатать?

— Конечно, — ответил Рад с необычной для него вялостью.

Они вышли.

Вскоре им встретился сотрудник, который нашел квартиру. Он дежурил на главной улице, его рыжие волосы бросались в глаза издалека.

— Молодец, — сказал Мартин Бек.

— Спасибо.

— Соседей опрашивал?

— Опрашивал, но ничего не узнал. Почти все пожилые люди. Они приметили, что иногда в квартире вечером кто-то появляется, но сами почти все рано ложатся, часов в семь. Мужчину никто не видел, только женщину. И тетка, которая ее видела, предположила, что это могла быть одна из девушек, что в кондитерской работают. Но предположила уже после того, как я на это намекнул. Зато несколько человек видели в окно машину бежевого цвета. Кажется, марки «вольво».

Мартин Бек кивнул. Картина постепенно прояснялась.

— Хорошо поработали, — сказал он и поймал себя на том, что повторяется.

— Чего там, нам самим интересно было, — ответил сотрудник. — Жаль только, до этого Кая не добрались.

— Если только он существует на самом деле, — заметил Рад.

— Существует, — сказал Мартин Бек, направляясь к полицейскому управлению. — Можешь не сомневаться.

XXI

Откуда было Ронни Касперссону знать, что он попадет в ловушку, расставленную не для него. Новым парнем Магган оказался не кто иной, как Лимпан Линдберг, и квартира находилась под наблюдением. Это продолжалось с тех пор, когда еще Мартин Бек и

Алльберг попытались задержать Лимпана по подозрению в убийстве и ограблении ювелирного магазина.

Правда, наблюдение велось на редкость вяло. Во-первых, сотрудники угрозыска старались держаться подальше от дома, чтобы не стать предметом насмешек Линдберга, а во-вторых, у них в этом деле просто-напросто не хватало опыта.

Но Лимпан все равно учуял их присутствие, и, когда Магган привела Ронни Касперссона, он покачал головой и сказал:

— Неудачное место ты выбрал, Каспер.

А куда деваться Ронни Касперссону? И хотя Лимпан был лиходеем, но злодеем он не был, а потому тут же добавил:

— Ладно, Каспер, оставайся, у меня еще есть в запасе отличное местечко, уйдем туда, если они попытаются взять нас здесь. Да и с такой прической тебя никто не узнает.

— Ты думаешь?

Страх и уныние овладели Ронни Касперссоном.

— Да брось ты, не вешай носа, — сказал Лимпан. — Подумаешь, застрелил легавого. А я уложил тетку, которая явилась невесть откуда. Конь о четырех ногах и то спотыкается.

— Но ведь я-то никого не застрелил.

— А им все равно, так что брось ты об этом думать. Тем более, я же говорю, что тебя никто не узнает.

Линдберг много раз разыскивался полицией, он и сейчас подозревал, что находится под наблюдением, но относился к этому спокойно и, пожалуй, даже юмористически.

— Они уже приходили сюда с обыском, — продолжал он. — Два раза приходили, теперь можно рассчитывать на передышку. Одно паршиво, придется Магган и тебя кормить. Мало того, что я у нее на шее сижу.

— Ничего, — отозвалась Магган. — Как-нибудь перебьемся. Посидите на ливерной колбасе и вермишели, только и всего.

— Как только я смогу без риска наведаться в Сёдертунр, будет тебе и гусиный паштет, и шампанское, — сказал Лимпан. — Положись на меня. Теперь уже недолго ждать.

Лимпан обнял Ронни одной рукой. Он был на двадцать лет старше Каспера, и тот довольно скоро стал воспринимать его чуть ли не как отца — во всяком случае, как человека, способного его понять. А такие ему встречались редко. Родители? Люди каменного века. Завели себе хороший домик, машину — в рассрочку — и сидят, бедняги, таращатся на цветной телевизор. Думают только о том, как свести концы с концами и как им не повезло с сыном.

Общество для Ронни было чем-то абстрактным и враждебным, и управлялось оно кучкой самодовольных пешек, которые, в общем-то, лишь ненавидели его и его товарищей за то, что они есть на свете.

А Лимпан сумел все это переварить и не отчаяться, хотя отлично понимал, что заправляет в стране горстка богатых семейств и примерно столько же ни на что не пригодных продажных политиканов, которые выезжают на набившей оскомину лжи — скажем, о том, что все-де равны и всем хорошо.

Ронни Касперссон был отнюдь неглупым молодым человеком, он понимал, что жизнь основательно обманула его еще до того, как он начал жить по-настоящему, понимал и то, что многие его реакции наивны, причем к числу таких реакций относится общение с Кристером и многими другими, в том числе с Линдбергом. Он всегда легко поддавался влиянию волевых людей.

Что-то очень рано сломило Каспера. Может быть, пропасть, отделявшая его от родителей, — хотя они по-своему были ему дороги. Может быть, школа со всеми ее реформами, которые чуть не сразу же подвергались пересмотру, и либо все шло по-старому, либо утверждалось нечто новое и непостижимое. Скажем, так называемая новая математика. От нее он только терялся, глупел и пропадало всякое желание учиться дальше.

Он посмотрел в зеркало и убедился, что выглядит, как тысячи других молодых парней.

Наверно, Магган и Лимпан правы. Никто его не узнает.

И уже в пятницу он вышел на улицу. Доехал на метро до центра, совершил привычный обход, избегая, однако, таких мест, как Хумлегорден, где полиция удовольствия ради устраивала бесконечные облавы.

И в субботу, и в воскресенье он выходил из дома на несколько часов. Он знал, что все газеты поместили его фотографию, что полиция побывала у его родителей, что состоялось множество облав в клубах и в домах, где жили его приятели. Знал он и о том, что его изображают чуть ли не врагом общества номер один. Убийца — и все тут, человек, который убил полицейского, человек, которого любой ценой надо обезвредить.

Беда заключалась в том, что Каспер был слишком безынициативным, дальше сегодняшнего дня не думал. Он сам отдавал себе отчет в этих недостатках, но ничего не мог с ними поделать. Порой спрашивал себя, откуда это и почему многие из его сверстников в этом на него похожи.

Может, строй виноват — совершенно нелепый строй, с его точки зрения. Может, старшее поколение, которое без конца планирует свое материальное благополучие, и рвет на себе волосы, изучая налоговые бланки и прочие непонятные документы, которыми бомбят их власти. Люди ночи не спят, размышляют, как рассчитаться за все покупки в кредит, и живут в постоянном страхе безработицы, и каждый день пичкают себя стимулирующими средствами, чтобы быть в состоянии работать, а потом глотают успокаивающие средства, чтобы спокойно посидеть вечером перед телевизором перед тем, как принять снотворные таблетки и лечь…

Лимпан был более уравновешен, чем Каспер, но и то его уже начало томить бездействие.

И в воскресенье вечером, когда они смотрели телевизор, он сказал:

— Если легаши тебя выследят и попробуют схватить, смотаем удочки. Да-да, и я с тобой. У меня задуман мировой план, но вдвоем его даже легче выполнить.

— Ты про тот домик в лесу?

— Вот именно.

Магган ничего не сказала. Только подумала: «Скоро вас схватят, ребятки. Повеселились — и будет».

В понедельник Каспера опознали.

Опознал его пожилой инспектор уголовного розыска, который решил проверить сотрудников, ведущих наблюдение за Линдбергом, — не то, чего доброго, совсем в ротозеев превратятся.

Звали инспектора Фредрик Меландер, прежде он был одним из самых надежных помощников Мартина Бека, но несколько лет назад его перевели в отдел, занимающийся кражами. Изо всех участков работы стокгольмской полиции это был чуть ли не самый безнадежный. Кражи, взломы, ограбления совершались в нарастающем темпе, и справиться с этим бедствием было невозможно. Но Меландер был человек стоический, он не знал, что такое неврозы или депрессии. К тому же он обладал самой надежной памятью изо всех сотрудников угрозыска и мог дать сто очков вперед непрерывно тикающим электронным машинам.

Остановив свою машину по соседству с домом в Мидсоммаркрансене, он сразу же приметил Ронни Касперссона, который возвращался домой после небольшой прогулки. Последовав за ним, Меландер убедился, что парень вошел в ту самую квартиру, где обитал со своей невестой Лимпан.

На то, чтобы найти сотрудника, который в эти часы должен был вести наблюдение, ушло гораздо больше времени. Потому что дежурил известный своей нерадивостью Бу Цакриссон. Если можно говорить «дежурил» о человеке, который крепко спал в своей машине в двух кварталах от порученного ему объекта.

О Цакриссоне можно было почти с полной уверенностью сказать, что он не заметил бы ни Линдберга, ни Каспера, даже если бы они вывели на улицу стадо слонов. Сколько Меландер знал его, он ни одно задание толком не выполнил, зато причинил коллегам немало хлопот своей способностью поступать наперекор элементарной логике.

Меландер очутился в затруднительном положении. Многолетний опыт и здравый смысл подсказывали ему, что единственное разумное решение сейчас — взять с собой Цакриссона (предварительно надев на него наручники, чтоб не мешал), войти в дом и арестовать Линдберга и Каспера, пока они не успели ничего придумать. Для этого ему достаточно шариковой ручки и блокнота — принадлежностей, с которыми он никогда не расставался.

Но, с другой стороны, Меландеру было известно, что существует строгий приказ — как надлежит действовать сотруднику, обнаружившему Ронни Касперссона. А именно: незамедлительно доложить об этом начальнику канцелярии Мальму, который и будет руководить задержанием.

И Меландер ограничился тем, что сообщил о своем наблюдении по радио, воспользовавшись установкой в машине Цакриссона, после чего спокойно возвратился к своей машине и поехал домой есть баранину с капустой.

Тем временем аппарат заработал на полную катушку.

У оперативной группы Мальма такой случай был предусмотрен и все расписано наперед. Необходимая численность группы задержания определена в пятьдесят человек, из них половина оснащена шлемами, прозрачными масками, автоматами и пуленепробиваемыми жилетами. Доставка на место — на семи автобусах; группе придаются две служебные собаки и четыре специалиста по применению слезоточивого газа, а также один аквалангист — все это на случай, если злоумышленники предпримут какой-нибудь неожиданный ответный ход. Кроме того, стоял наготове вертолет; о его назначении знал только один Мальм.

Стиг Мальм вообще был неравнодушен к вертолетам, и, поскольку в распоряжении полиции их целых двенадцать штук, они, естественно, должны участвовать в деле, которым руководило высшее начальство.

В оперативную группу входили также четыре эксперта по слежке и наблюдению, им надлежало в переодетом виде первыми прибыть на место и удерживать позиции, пока подоспеют главные силы.

XXII

Каспер и Лимпан сидели на кухне и ели кукурузные хлопья с малиной и молоком. Вошла Магган и сказала:

— Что-то будет. Возле дома стоят две машины, и, по-моему, в них сидят переодетые легаши.

Лимпан подошел к окну и выглянул.

— Точно, — сказал он. — Они.

Один сотрудник под видом монтера сидел за рулем оранжевой машины управления телефонной сети. Другой, в белом халате, прикатил на списанной карете «скорой помощи». И тоже сидел тихо, как мышь.

— Что ж, пора уходить, — заключил Лимпан. — Ты примешь их, Магган?

Она кивнула, но тут же возразила:

— А тебе-то зачем уходить? Они же на Каспера охотятся, ты тут при чем?

— Возможно, — ответил Лимпан. — Просто мне надоело, что они с утра до вечера таскаются за мной по пятам. Ну пошли, Каспер.

Он обнял Магган и поцеловал ее в нос.

— Только не зарывайся, — сказал он. — Я не хочу, чтобы ты при этом пострадала. Не вздумай оказывать сопротивление властям.

Если не считать хлебного ножа, в квартире не было ничего, что можно назвать оружием.

Лимпан и Каспер поднялись на чердак, открыли люк на скате, обращенном во двор, выбрались на крышу и проследовали на соседний дом, где тоже нашелся открытый люк. Пройдя таким способом через пяток чердаков, они спустились вниз, вышли через черный ход, перелезли через два забора и очутились на улочке, где стояла машина, предназначенная для побега.

Старое черное такси с фальшивыми номерными знаками; Лимпан даже припас форменный пиджак и фуражку, чтобы сойти за таксиста.

Выезжая на проспект, они услышали где-то позади сирены машин группы задержания.

Грандиозная полицейская акция не ладилась с самого начала.

Оцепление квартала завершилось лишь через четверть часа после того, как Лимпан и Каспер покинули этот район города.

Прибыв на штабной машине, Мальм первым делом задавил одну из ищеек.

Под жалобный вой пострадавшей Мальм вышел из кабины и погладил по голове раненую союзницу. Не иначе, подражал какому-нибудь высокому чину американской полиции из кинофильма. Жест эффектный, и он оглянулся, проверяя — где фоторепортеры. Однако они еще не подоспели. И слава Богу, потому что собака в ответ цапнула Мальма за руку. Очевидно, не научилась различать лиходеев и начальников канцелярии ЦПУ.

— Правильно, Грим, так и надо, — сказал проводник.

Он явно любил свою собаку.

— Молодец, — добавил он.

Мальм удивленно посмотрел на проводника, обернул кровоточащую рану носовым платком и приказал тем, кто стоял поблизости:

— Позаботьтесь о перевязке. В остальном акция продолжается по плану.

План был достаточно замысловатым. Сперва полицейские с автоматами входят в дом и эвакуируют жильцов из соседних квартир в подвал. Затем снайперы меткими выстрелами разбивают стекла в окнах квартиры, где укрылись преступники, после чего в разбитые окна можно бросать гранаты со слезоточивым газом.

Если бандиты и тут не сдадутся, квартиру штурмуют пятеро полицейских в противогазах, поддержанные проводниками с ищейками. Правда, теперь одна ищейка вышла из строя. Когда все это будет сделано, кто-нибудь из участников штурмовой группы подаст сигнал из окна, и сам Мальм войдет в дом в сопровождении двух других высокопоставленных чинов полиции. Тем временем сотрудники на вертолете следят с воздуха, на случай, если преступники попытаются покинуть здание.

Все шло как по писаному. Испуганных соседей загнали в подвал, снайперы разбили окна. Единственная осечка свелась к тому, что гранатометчикам удалось забросить в окна только одну гранату, да и та не сработала.

Магган стояла на кухне и мыла посуду, когда началась стрельба. Перепуганная насмерть, она решила сдаться и побежала к двери.

Только Магган шагнула в прихожую, как незапертая дверь распахнулась под натиском пяти вооруженных до зубов полицейских и одной собаки, которая тут же бросилась на женщину, сбила ее с ног и укусила за левое бедро.

Быстро убедившись, что ни Лимпана, ни Каспера в квартире нет, полицейские еще раз науськали собаку на Магган.

— Не зря же санитарную машину пригнали, — заметил один из них — доморощенный «юморист».

Инспектор Гюнвальд Ларссон и Колльберг подоспели к самому началу акции и никак не могли повлиять на ее ход. Они остались в машине, ограничившись ролью наблюдателей.

Они видели происшествие с первой собакой, как Мальм получил травму и как его затем перевязали. Видели также, как к подъезду подъехала санитарная машина и из дома вынесли Магган.

Ни тот, ни другой не вымолвили ни слова, только Колльберг мрачно покачал головой.

Когда акция, судя по всему, закончилась, они выбрались из машины и подошли к Стигу Мальму. Гюнвальд Ларссон спросил:

— Что, дома никого не оказалось?

— Только эта девушка.

— Как это вышло, что она пострадала? — осведомился Колльберг.

Мальм посмотрел на свою перевязанную руку и сказал:

— Похоже, ее укусила собака.

Мальму было уже под пятьдесят, тем не менее он сохранил стройную фигуру и щегольски одевался. Он обладал располагающей улыбкой, и для тех, кто не знал, что он полицейский (а впрочем, какой из него полицейский!), вполне мог сойти за кинопродюсера или преуспевающего бизнесмена. Мальм пригладил свои кудри и продолжал:

— Ронни Касперссон и Линдберг. Теперь нам предстоит охотиться сразу за двумя бандитами. И оба не остановятся перед тем, чтобы пустить в ход пистолет.

— Ты уверен? — спросил Колльберг.

Мальм пропустил его реплику мимо ушей:

— В следующий раз придется привлечь больше людей. Вдвое больше людей. И нужна быстрая концентрация сил. В остальном план себя оправдал. Все шло так, как я задумал.

— Ха, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Читал я этот дурацкий план. Хочешь знать, так это все на грани полного идиотизма. Неужели ты до того туп, что в самом деле думаешь, будто такой прожженный тип, как Лимпан, не опознает двух переодетых сотрудников, даже если они засели в машине телефонного управления и в «скорой помощи»?

— Меня всегда возмущали твои выражения, — обиделся Стиг Мальм.

— Еще бы. Потому что я говорю то, что думаю. Откуда ты взял эту идею концентрации сил? Пустил бы нас с Леннартом, мы одни уже взяли бы и Каспера и Линдберга.

Мальм вздохнул:

— Что-то шеф теперь скажет…

— А ты пошли собаку, которая тебя укусила, потом спроси ее, — предложил Гюнвальд Ларссон, — коли сам боишься.

— Ларссон, ты вульгарен, — сказал Мальм. — Мне это претит.

— А что тебе не претит? Давить служебных собак?

— Принцип концентрации сил — отличный принцип. — Мальм снова пригладил свои красивые кудри. — Сокрушить можно только превосходящими силами.

— Сомневаюсь.

— А мы верим в этот принцип. — настаивал Мальм.

— Я вижу…

— Что-то скажет о происшедшем начальник цепу, — произнес Мальм опять, почти по-человечески.

— Вряд ли он обрадуется. Будет пузыри пускать.

— Хорошо тебе острить, — мрачно сказал Мальм. — А мне отдуваться.

— В следующий раз не уйдут.

— Ты так думаешь? — неуверенно произнес Мальм.

Колльберг стоял молча, словно погрузился в размышления.

— Ты о чем это задумался, Леннарт? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— О Каспере. Он у меня из головы не идет. За ним гонятся, как за зверем, ему страшно. А ведь он скорее всего ничего такого не натворил.

— Об этом нам неизвестно. Или ты знаешь что-нибудь?

— Да нет, просто интуиция, как говорится.

— Ф-фу, — выдохнул Мальм. — Ну ладно, мне надо ехать в цепу. Привет.

Он сел в штабную машину и покатил прочь. Но напоследок они еще раз услышали его голос:

— Постарайтесь, чтобы никто ничего не пронюхал, никому ни слова!

Колльберг сочувственно пожал плечами:

— Выходит, и начальником канцелярии быть не так уж сладко.

Они помолчали.

— Как самочувствие, Леннарт?

— Паршиво. Мне кажется, я что-то нащупал. Посмотрим. Но с какими людьми приходится работать!

Во вторник утром Леннарт Колльберг поднялся рано, надел халат, побрился, пошел на кухню и сварил себе чашку кофе. На этот раз он встал раньше детей, в комнате Будиль и Юакима было тихо. Гюн тоже спала, всего-то час назад уснула.

Накануне, после неудавшейся акции, он вечером никак не мог заснуть. Лежа на спине, пальцы сплетены на затылке, он смотрел во мрак и думал. Рядом тихо дышала Гюн. От станции метро доносился гул поездов, которые то останавливались, то снова набирали ход. Не первую ночь в этом году лежал он так, обдумывая одну и ту же проблему, но сегодня принял окончательное решение.

Около трех он вышел на кухню, достал банку пива, сделал себе бутерброд, и тут же следом за ним вышла Гюн. Потом они снова легли. И он поделился с нею своим решением, которое не было неожиданностью для Гюн. Они много раз обсуждали этот вопрос, и жена всецело его поддерживала. После возвращения из Сконе Колльберг ходил нервный, напряженный, и она чувствовала, что дело идет к развязке.

Часа два длился ночной разговор, наконец Гюн уснула, положив ему голову на плечо.

Когда проснулись Будиль и Юаким, он приготовил завтрак, покормил их, потом отправил обратно в детскую, строго-настрого велев не будить маму. Он не очень рассчитывал на силу своего запрета, дети слушались только Гюн, но надо же ей еще немного поспать.

Получив два поцелуя от сына и дочери, Колльберг отправился на работу.

В коридоре, на пути к своему кабинету, проходя мимо пустующей комнаты Мартина Бека, он, как и много раз до этого, подумал, что сотрудничество со старым другом — единственное, чего ему будет недоставать.

Повесил пиджак на спинку стула, сел, поставил перед собой пишущую машинку. Вставил в нее лист бумаги и отстучал:

«Стокгольм, 27 ноября 1973 года.

В Центральное полицейское управление.

Заявление об уходе…»

Подпер ладонью подбородок и уставился в окно. Как всегда в это время дня, магистраль была полна машин, которые в три ряда катили к центру. Глядя на кажущийся нескончаемым поток сверкающих легковых машин, Колльберг подумал, что, наверно, ни в одной стране владельцы не трясутся так над своими машинами, как в Швеции. То моют, то полируют; малейшая царапина или вмятина — целая катастрофа, скорей-скорей исправлять! Автомобиль стал важнейшим символом общественного положения, и, чтобы быть на уровне требований, многие без всякой нужды меняли старую модель на новую, даже если им это не по карману.

Внезапно Леннарта осенила какая-то мысль, он выдернул бумагу из машинки, разорвал на мелкие клочки и бросил в корзину. Живо надел пиджак и поспешил к лифту. Нажал кнопку с надписью «Гараж» — там стояла его машина, купленная семь лет назад, вся во вмятинах, — но передумал и вышел на первом этаже.

До Мидсоммаркрансена было недалеко; если бы окна его кабинета не выходили на Кунгсхольмсгатан, он мог бы, сидя за письменным столом, видеть район вчерашней неудавшейся операции.

За домом, где жила Магган, он увидел ее бежевую «вольво». Правда, номер не тот, который ему сообщил Скакке. Однако номерной знак старого образца нетрудно было поменять, и Колльберг не сомневался, что машина та самая. Он записал номер и вернулся в здание полицейского управления.

Вошел в свой кабинет, сел за письменный стол, отодвинул пишущую машинку и взялся за телефон.

Автоинспекция не заставила его долго ждать ответа: названного номера в картотеке нет и никогда не было. Рядом с буквами, присвоенными Стокгольму, стояли слишком высокие цифры, до каких на деле еще не дошло. И не могло дойти, поскольку стокгольмские машины снабжались теперь новыми номерными знаками, с другим кодом.

— Спасибо, — озадаченно произнес Колльберг.

Он не ожидал так быстро получить подтверждение, что знак на «вольво» фальшивый, — электронные машины не внушали ему доверия.

Ободренный успехом, он снова взял трубку, соединился с полицейским управлением Мальмё и попросил пригласить к телефону Бенни Скакке.

— Инспектор Скакке слушает, — тотчас ответил задорный голос.

Скакке еще не свыкся с новым званием и с явным удовольствием произносил слово «инспектор».

— Привет, Бенни, — поздоровался Колльберг. — Небось сидишь и в носу ковыряешь. У меня для тебя задание есть.

— Вообще-то я составляю рапорт. Но это не срочно. А в чем дело?

Голос его звучал уже не так задорно.

— Можешь сказать мне номера шасси и мотора на той «вольво», что угнали в Веллинге?

— Конечно. Сейчас скажу. Подожди минутку.

В трубке было слышно, как Скакке ищет в письменном столе. Стук ящиков, шелест бумаги, какое-то бормотание, наконец голос Скакке:

— Нашел. Прочесть?

— Конечно, черт возьми! Зачем же я тебе звоню!

Он записал номера, потом спросил:

— Ты будешь на месте в ближайший час?

— Ну да, мне же надо рапорт дописать. До обеда провожусь. А что?

— Я позвоню попозже, — объяснил Колльберг. — Мне надо задать тебе еще несколько вопросов, но сейчас некогда. Пока.

На этот раз Колльберг не стал класть трубку, а только нажал рычаг, дождался гудка и набрал нужный номер.

В этот день все сидели на месте и несли службу исправно. Шеф государственной криминалистической лаборатории сразу взял трубку.

— Криминалистическая лаборатория, Ельм.

— Колльберг. Привет.

— Привет, привет. Ну что тебе опять?

По его тону можно было подумать, что Колльберг только и делает, что звонит и отрывает его от дела и вообще отравляет ему жизнь, хотя на самом деле Колльберг больше месяца с ним не разговаривал.

— Речь идет о машине.

— Ясно, — вздохнул Ельм. — В каком она состоянии? Расплющенная, обгоревшая, затонувшая…

— Ни то, ни другое, ни третье. Обыкновенная, нормальная машина, находится на стоянке в Мидсоммаркрансене.

— И что ты хочешь, чтобы я с ней сделал?

— Бежевая «вольво». Адрес и номер известны, а также номера шасси и мотора. Ручка есть?

— Есть ручка, есть, — нетерпеливо ответил Ельм. — И бумага тоже есть. Говори.

Колльберг сообщил ему данные, подождал, пока Ельм все записал, и продолжал:

— Можешь ты послать кого-нибудь из твоих ребят, чтобы проверил, совпадают ли номера? Если номера на шасси и моторе те самые, пусть заберет машину в Сольну. Если не те — пусть оставит ее на месте и немедленно доложит мне.

Ельм ответил не сразу, и голос у него был недовольный:

— А почему ты сам не поедешь или не пошлешь кого-нибудь из своих? От вас туда рукой подать. Если машина не та, наш человек только даром проделает весь путь из Сольны. Будто у нас и без того дел не хватает…

Колльберг прервал тираду:

— Во-первых, я уверен, что это та машина, во-вторых, мне некого послать, и, в-третьих, криминалистическое исследование машин — ваше дело. — Он перевел дух, потом продолжал уже мягче: — И к тому же ваши люди лучше знают, как тут действовать. Мы только все испортим — насажаем свои отпечатки пальцев, уничтожим важные следы. Пусть уж с самого начала эксперты за дело берутся.

Собственный голос казался Колльбергу каким-то фальшивым.

— Ладно, пошлю человека, — ответил Ельм. — А что именно вам надо знать? Какие специальные исследования проводить?

— Пока пусть постоит у вас. Мартин Бек потом позвонит и скажет, что ему нужно.

— Ясно. Сейчас распоряжусь. Хотя, по правде говоря, у меня каждый человек на счету. И еще неизвестно, куда машину ставить. У нас тут пять машин ждут исследования. И в лаборатории лежит гора всевозможного хлама. Знаешь, что нам вчера подсунули?

— Нет, — уныло протянул Колльберг.

— Две бочки сельди. Каждая рыба разрезана и снова зашита, а внутри — по пластиковому мешочку с наркотиком. Как, по-твоему, пахнет от человека, который целую ночь копался в рассоле и чистил селедку?

— Не знаю, но могу представить себе. — Колльберг рассмеялся. — А что вы потом сделали с селедкой? Жареная сельдь в луковом соусе — чудо. Могу научить, как приготовить.

— Тебе хорошо шутить, — обиделся Ельм.

И положил трубку, не дожидаясь ответа; Колльберг все еще смеялся.

При одной мысли о жареной сельди он проголодался, хотя недавно позавтракал.

Несколько минут Колльберг рисовал в блокноте черточки, соображая, как действовать дальше, потом снова взялся за телефон.

— Инспектор уголовного розыска Скакке.

— Привет, это снова я. Ну как, дописал свой рапорт?

— Не совсем. Так о чем ты хотел меня спросить?

— Да все насчет той «вольво», которую Касперссон украл в Веллинге. Заявление о краже у тебя близко?

— Тут, в ящике лежит, — ответил Скакке. — Подожди минутку.

Он даже не стал класть трубку на стол и уже через полминуты достал нужную бумагу.

— Есть, — сказал он. — Вот оно.

— Отлично. Фамилия, имя владельца?

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Бенни Скакке нашел нужные данные.

— Кай Эверт Сюндстрём.

«Все правильно», — подумал Колльберг.

Он даже не удивился, только ощутил удовлетворение от того, что его догадка оправдалась.

— Леннарт? — спросил Скакке.

— Да, да, я слышу. Кай Эверт Сюндстрём. Но ведь заявление не он сделал?

— Его жена. Цецилия Сюндстрём.

— Кажется, ты был у них в Веллинге?

— Был. У них свой домик. Машина стояла в открытом гараже. Вор мог ее видеть с улицы.

— Ты с обоими говорил? — продолжал расспрашивать Колльберг.

— Главным образом с ней. Он больше помалкивал.

— Как он выглядит?

— Возраст — около пятидесяти. Рост — примерно метр семьдесят. Худой, причем худоба, я бы сказал, болезненная. Волосы светлые, с проседью. Почти белые. Очки в темной оправе.

— Профессия?

— Фабрикант.

— Что он производит?

— Вот этого я не знаю, — ответил Скакке. — Жена, когда заявляла, назвала его фабрикантом.

— Он как-нибудь объяснил, почему не заявил сам?

— Нет, но жена сказала, что собиралась обратиться в полицию уже в понедельник утром. А он возразил, что машина, может быть, еще найдется, незачем спешить.

— Припомни, о чем еще шла речь. Что они говорили друг другу?

— Да нет, только о машине и говорили. Я спросил: заметили они что-нибудь в воскресенье утром? Нет, не заметили. Собственно, я только с женой разговаривал, она дверь открыла, потом мы стояли в прихожей. Он вышел на минуту-другую, сказал, что обнаружил пропажу уже пополудни, и все.

Колльберг посмотрел на черточки, которые нарисовал в своем блокноте. Они должны были изображать карту Сконе, точками обозначены Веллинге, Андерслёв, Мальмё и Треллеборг.

— Тебе известно, где находится его фабрика? — Он соединил чертой Веллинге и Андерслёв.

— У меня сложилось такое впечатление, что он работает в Треллеборге, — нерешительно произнес Скакке. — Со слов жены.

Колльберг соединил линиями Андерслёв и Треллеборг, Треллеборг и Веллинге.

Получился треугольник с вершиной в Треллеборге; основанием служила линия Веллинге — Андерслёв на севере.

— Здорово, Скакке, — сказал Колльберг. — Отлично.

— А что, вы нашли машину? Я слышал, что Касперу удалось уйти?

— Ушел, — сухо подтвердил Колльберг. — А машину мы, кажется, нашли. Ты давно говорил с Мартином?

— Да уж порядком. Он все еще в Андерслёве?

— Вот именно, — сказал Колльберг. — И как только я положу трубку, ты созвонись с Мартином и расскажи все, что ты только что рассказал мне. Про этого Кая Эверта Сюндстрёма, его внешность и все такое прочее. И пусть Мартин позвонит в криминалистическую лабораторию Ельму и проверит, забрали они машину или нет. Не откладывай.

— Будет сделано, — ответил Скакке. — А что с этим Сюндстрёмом? Он что-нибудь натворил?

— Там будет видно. Твое дело только сообщить Мартину, а уж он решит, как быть. Ясно? Потом можешь дописывать свой рапорт. Если что, я еще некоторое время буду у себя в кабинете. Мне тут тоже надо кое-что написать. Передай привет Мартину. Пока.

— Пока.

Колльберг больше не стал никуда звонить. Он отодвинул телефон, засунул в ящик стола блокнот, пододвинул к себе пишущую машинку, вставил лист бумаги и снова отстучал:

«Стокгольм, 27 ноября 1973 года.
В Центральное полицейское управление.
Заявление об уходе…»

Леннарт Колльберг печатал медленно, двумя указательными пальцами. Он понимал, что письмо, над которым он столько размышлял, должно носить официальный характер, но ему не хотелось, чтобы оно вышло очень нудным, и старался избегать слишком уж сухих формулировок.

«После долгого и тщательного размышления я решил оставить службу в полицейском ведомстве. Мои мотивы личного свойства, но все же я постараюсь вкратце изложить их. Прежде всего считаю необходимым подчеркнуть, что в моем решении нет ничего от политики, хотя многие воспримут мой поступок как политический. Конечно, за последние годы

полицейское ведомство все более приобретает политическую окраску и все чаще используется в политических целях. Я с большой тревогой наблюдаю эту тенденцию, но лично мне удавалось почти совсем не участвовать в акциях такого рода.

Дело в том, что за 27 лет моей службы организация, структура и характер работы ведомства изменились настолько, что я, по моему глубокому убеждению, уже не гожусь в полицейские, а может быть, и вообще никогда не годился. И уж во всяком случае, я не могу сохранять лояльность к такой организации. А потому в интересах полицейского ведомства и моих собственных, чтобы я оставил службу.

Один из вопросов, который мне уже давно представляется чрезвычайно важным, это вопрос о личном оружии полицейского. Я много лет придерживаюсь точки зрения, что полицейский не должен быть вооружен при несении обычной службы. Это относится как к постовым, так и к сотрудникам уголовного розыска.

В этой связи хочу подчеркнуть, что я уже много лет не брал оружие на задания. Часто это делалось вопреки приказу, и, однако, у меня никогда не было чувства, что отсутствие оружия мешает мне выполнять свои обязанности. Скорее необходимость носить оружие сильно сковывала бы меня, приводила бы к несчастным случаям и еще больше затрудняла бы контакт с людьми, не причастными к полицейскому ведомству.

В общем, я всем этим хочу сказать, что мне просто невмоготу и дальше быть полицейским. Возможно, общество имеет такую полицию, какую оно заслуживает, но я не собираюсь развивать этот тезис, во всяком случае не здесь и не теперь.

Я вижу себя поставленным перед свершившимся фактом. Вступая в ряды полиции, я не мог предположить, что моя профессия претерпит такое изменение и примет такой характер.

После 27 лет службы я до того стыжусь своей профессии, что совесть запрещает мне продолжать заниматься ею».

Колльберг повернул валик и перечел написанное. Он разошелся и мог бы еще долго продолжать писать в том же духе.

Ничего, хватит и этого.

Он закончил:

«А потому прошу немедленно освободить меня от моей должности.
Стен Леннарт Колльберг».

Сложил лист и засунул его в обычный коричневый служебный конверт.

Надписал адрес.

Бросил конверт в корзинку для исходящей почты.

Встал, осмотрелся кругом в кабинете.

Захлопнул дверь и ушел.

Домой.

XXIII

Домик в Ханингском лесу служил надежным укрытием. Кругом такая глушь, что случайные гости исключены. И запасы Линдберга говорили о том, что на дополнительное снабжение он не рассчитывает. В доме были продукты и напитки, оружие и боеприпасы, горючее и одежда, сигареты и кипы старых журналов — словом, все или почти все необходимое на случай, если придется долго отсиживаться. И даже выдержать не очень настойчивую осаду. Но, конечно, лучше обойтись без этого.

Лимпан и Каспер ушли легко, даже очень легко, когда полиция штурмовала квартиру, а вот из домика в лесу уходить, пожалуй, было некуда.

Если их выследят, останется одно из двух — либо сдаваться, либо сражаться.

Третий вариант — снова бежать — начисто исключался. Обстановка для бегства неблагоприятная: пешком, через лес, да еще зима на носу. К тому же придется бросить изрядные запасы награбленного добра.

Лимпан Линдберг не был королем преступного мира и рассчитывал предельно просто. Драгоценности и деньги зарыл под полом и около дома; вся надежда на то, что полиция поугомонится и можно будет опять вернуться в Стокгольм. Там они живо реализуют добычу, добудут фальшивые документы и улизнут за границу.

Ронни Касперссон и вовсе ничего не планировал, он знал только, что полиция всеми силами старается схватить его за преступление, которого он не совершал. В обществе Линдберга он, во всяком случае, не одинок, к тому же Лимпан смотрел на жизнь оптимистически и без затей. Он вполне искренне считал, что у них неплохие шансы вывернуться, и Каспер ему верил. И если Линдберг еще раньше не укрылся в лесном домике, то лишь потому, что его не манило одиночество.

Теперь их двое, а вдвоем куда веселее. Оба уповали на то, что выпадет же им немножко везения, и все будет в порядке. За последние годы немало опытных рецидивистов ухитрялись после удачного дела выбраться за рубеж и раствориться в мире западной цивилизации без ущерба для кармана и здоровья.

Убежище Линдберга обладало многими достоинствами. Дом стоял на поляне, вид открыт во все стороны. Подсобных построек всего две — уборная и ветхий сарай, в который они загнали машину Линдберга.

Жилое строение еще совсем хорошее. Кухня, спальня и большая гостиная. Единственная дорога вела через двор к маленькой веранде.

В первый же день Лимпан тщательно проверил оружие. Два армейских автомата, три пистолета разных марок. Боеприпасов — навалом, в том числе два ящика патронов к автоматам.

— Полиция нынче такая пошла, — объяснил Лимпан, — что, если нас вопреки всем ожиданиям выследят и окружат, нам останется только одно.

— Что именно?

— Пробиваться с боем! Подстрелим одного-другого, от этого нам все равно хуже уже не будет. Не так-то просто нас взять, разве что дом подожгут. А против слезоточивого газа у меня в сундуке противогазы припасены.

— Не представляю себе, как эта штука стреляет, — сказал Каспер, вертя в руках автомат.

— Научиться недолго, и десяти минут хватит, — ответил Лимпан.

Он оказался прав. Каспер быстро освоил технику стрельбы из автомата. На другой день они произвели пристрелку оружия и остались довольны результатом. В этой глуши можно было не опасаться, что их услышат.

— Остается ждать, — заключил Лимпан. — Зададим им жару, если явятся. Да только вряд ли. Где будем рождество отмечать? На Мальорке? Или ты предпочитаешь Африку?

Ронни Касперссон так далеко не загадывал. До рождества еще не одна неделя. А вот насчет стрельбы… Впрочем, эти кровожадные гады вполне заслужили пулю-другую. Он видел полицейских во время облав и уличных беспорядков и давно перестал воспринимать их как людей.

Отсиживаясь в лесном домике, они слушали радио. Ничего нового не передали. Охота на убийцу полицейского продолжалась с неослабевающей энергией. По всем данным, он должен был находиться где-то в Стокгольме, и оперативный штаб полагал, что преступник вот-вот будет схвачен.

Увы, всего не предусмотришь.

Их подвела Магган.

Конечно, если бы не раны, все обошлось бы, потому что Магган — надежная девчонка, умела молчать как рыба.

Но ее искусала собака, и Магган попала в больницу.

Раны были далеко не смертельные, но, по словам врачей, достаточно серьезные. Магган сделали операцию, после чего у нее поднялась температура, она лежала в бреду.

Она не представляла себе, где находится, но ей казалось, что она разговаривает с кем-то знакомым или, во всяком случае, с человеком, который к ней расположен.

У изголовья и впрямь сидел человек, к тому же оснащенный магнитофоном.

Звали этого человека Эйнар Рённ.

Он не задавал никаких вопросов, только слушал и записывал слова Магган на пленку.

Ему сразу стало ясно, что некоторые сведения представляют интерес, и он позвонил Гюнвальду Ларссону.

— Ларссон слушает. В чем дело?

По сварливому, нелюбезному голосу сразу можно было догадаться, что Гюнвальд Ларссон не один в своем кабинете на Кунгсхольмсгатан.

— Понимаешь, девчонка эта бредит. Она только что рассказала, где находятся Лимпан и Каспер. В лесу, в районе Даларэ.

— А подробнее?

— Она всю дорогу описала. Притащи карту, и я точно покажу на ней, где дом стоит.

Гюнвальд Ларссон помолчал, потом сказал нарочито громко:

— Это очень сложный технический вопрос. Ты вооружен?

Снова пауза.

— Может быть, надо доложить Мальму? — спросил наконец Рённ.

— Непременно, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Сделай это обязательно. — Подождал и добавил вполголоса: — Как только увидишь, что я подъехал к больнице. Тут уж не мешкай.

— Понял, — сказал Рённ.

Он спустился в вестибюль больницы и сел около телефона-автомата.

Не прошло и десяти минут, как перед входом остановилась машина Гюнвальда Ларссона. Рённ немедленно соединился с Кунгсхольмсгатан и разыскал Мальма. Изложил ему все, что сказала Магган.

— Отлично, — отчеканил Мальм. — Теперь возвращайся на свой пост.

Рённ вышел из больницы. Гюнвальд Ларссон открыл ему дверцу машины.

— Карта и пистолет тут, — сообщил он.

Поразмыслив, Рённ засунул пистолет за пояс. Потом посмотрел на карту и сказал:

— Ну да. Вот здесь этот дом.

Гюнвальд Ларссон изучил дороги, поглядел на часы и заключил:

— У нас в запасе будет около часа. Затем появится Мальм со своими главными силами. У его штаба все предусмотрено на случай такой ситуации. Сто человек, два вертолета, десять собак… Да он еще припас двадцать защитных щитов из бронированного стекла. Бой будет что надо.

— Думаешь, эти парни станут сопротивляться?

— Уверен. Линдбергу терять нечего, а Касперссон от такой погони, наверно, себя не помнит.

— Н-да, — философически произнес Рённ и потрогал пистолет.

Он не был сторонником насилия.

— Вообще-то меня меньше всего волнует, что будет с Линдбергом, — продолжал Гюнвальд Ларссон. — Профессиональный преступник, да еще свежее убийство на совести. Меня паренек беспокоит. Он не стрелял, никого не ранил, но если все пойдет как задумано у Мальма, бьюсь об заклад, что либо Касперссона убьют, либо он сам пришьет кого-нибудь из полицейских. Значит, нам надо быть на месте первыми и действовать быстро.

Гюнвальд Ларссон был спец по быстрым действиям.

Они ехали на юг, миновали Ханден и новый район уродливой застройки Брандберген.

Через десять минут свернули с шоссе, еще через десять увидели избушку. Гюнвальд Ларссон остановил машину прямо на дороге, метрах в пятидесяти от дома.

Оценил обстановку и сказал:

— Нелегко придется, да ничего. Выходим здесь, идем вперед, слева от дороги. Откроют огонь — укрываемся за уборной, вон там. Я сразу же двигаю дальше, попытаюсь зайти с тыла. Ты остаешься в укрытии и обстреливаешь крышу или карниз левее веранды.

— Я плохой стрелок, — пробормотал Рённ.

— Но в дом-то попадешь?

— Попаду. Постараюсь.

— Слышь, Эйнар?

— Да?

— Только не рисковать. Если наш маневр не удастся, оставайся в укрытии и жди вторжения главных сил.

Лимпан и Каспер услышали шум мотора еще до того, как показалась машина. И оба подошли к окну.

— Странная машина, — сказал Лимпан. — Никогда еще такой не видел.

— Может, туристы заблудились? — предположил Каспер.

— Возможно, — сухо отозвался Лимпан.

Он ваял автомат и подал другой Касперу.

Рённ и Гюнвальд Ларссон вышли ив машины и направились к дому.

Лимпан присмотрелся к ним, потом со вздохом сообщил:

— Легаши. Узнаю обоих. Из стокгольмской уголовки. Ничего, сейчас мы их.

Он разбил локтем стекло, прицелился и открыл огонь.

Звук разбитого стекла послужил сигналом для Рённа и Гюнвальда Ларссона. Оба реагировали мгновенно — метнулись в сторону и упали на землю за уборной.

Впрочем, первая очередь была неопасной, Лимпан еще не стрелял на такое расстояние и взял слишком высоко. Однако он не пал духом.

— Теперь они никуда не денутся. Только прикрывай меня сзади, Каспер.

Гюнвальд Ларссон всего несколько секунд пролежал за уборной и пополз дальше под прикрытием кустов ежевики.

Рённ был надежно защищен каменным фундаментом. Высунув руку из-за угла, он два раза выстрелил по крыше. Тотчас раздались ответные выстрелы. На этот раз стрелявший прицелился более тщательно и лицо Рённа обдало градом песчинок.

Он выстрелил еще раз, скорее всего даже не попал в дом, но это не играло существенной роли.

Гюнвальд Ларссон уже добрался до дома. Быстро прополз вдоль задней стены, завернул за угол и очутился под торцовым окном. Встал на колени и выхватил свой «смит энд вессон», который висел у него на правом бедре. Поднялся на ноги и с пистолетом наготове заглянул

внутрь. Пустая кухня. В трех метрах от окна — приоткрытая дверь. Очевидно, Каспер и Линдберг находятся в соседней комнате.

Гюнвальд Ларссон подождал, когда Рённ возобновит стрельбу. Через полминуты раздались два выстрела из знакомого пистолета.

Тотчас последовал ответный залп, затем послышался характерный щелчок — в магазине автомата кончились патроны.

Гюнвальд Ларссон разбежался и прыгнул в окно, прикрыв руками лицо, защищаясь от осколков разбитых стекол.

Упал на пол. Моментально перевернулся, вскочил на ноги, распахнул дверь и ворвался в комнату.

Линдберг, отступив на шаг от окна, перезаряжал автомат. Рядом в углу стоял Ронни Касперссон, тоже с автоматом в руках.

— Стреляй, Каспер! — крикнул Лимпан. — Стреляй, черт бы тебя побрал! Их всего двое. Пришей его!

— Ну хватит, Линдберг, — сказал Гюнвальд Ларрссон.

Шагнул вперед, поднял левую руку и с маху ударил Линдберга по ключице у самой шеи.

Лимпан выронил оружие и упал как подкошенный.

Гюнвальд Ларссон перевел взгляд на Ронни Касперссона. Тот бросил свой автомат и закрыл руками лицо.

«Вот так, — произнес Гюнвальд Ларссон про себя. — Вот именно».

Открыл наружную дверь и крикнул:

— Можешь входить, Эйнар.

Рённ вошел.

— На этого лучше надеть наручники, — сказал Гюнвальд Ларссон, касаясь Линдберга носком ботинка.

Потом посмотрел на Ронни:

— Ну а ты обойдешься без наручников?

Ронни Касперссон кивнул, не отнимая рук от лица.

Четверть часа спустя машина въехала во двор домика на поляне, чтобы развернуться. Арестованные сидели сзади; Линдберг уже пришел в себя и явно не собирался унывать.

В эту минуту на двор вбежал человек в тренировочном костюме. Держа в руке компас, он тупо переводил взгляд с машины на дом.

— Господи, — сказал Лимпан Линдберг. — Легаш, переодетый спортсменом. Но уж если решил изображать ориентировщика, где его карта? — И он громко расхохотался.

Гюнвальд Ларссон опустил боковое стекло:

— Пойди-ка сюда!

Человек в тренировочном костюме подошел к машине.

— Передатчик есть?

— Есть.

— Так сообщи Мальму, чтобы отменил маневры. Достаточно прислать нескольких человек, пусть обыщут дом.

Мнимый спортсмен долго возился с передатчиком, наконец сказал:

— Задержанных сдать на командном пункте начальника канцелярии Мальма, две тысячи метров к востоку от второй «е» в Эстерханинге.

— Будет сделано, — ответил Гюнвальд Ларссон, поднимая стекло…

Мальм в окружении подчиненных встретил прибывших с довольным видом.

— Быстро управился, Ларссон, — сказал он. — Ничего не скажешь. А почему Касперссон без браслетов?

— Обойдется.

— Чепуха, надень на него наручники.

— Откуда я их возьму? — ответил Гюнвальд Ларссон.

Через минуту он и Рённ поехали дальше.

— Хоть бы парню попался хороший адвокат, — сказал Гюнвальд Ларссон, когда они проехали несколько десятков километров.

— Слышь, Гюнвальд, — ответил на это Рённ. — У тебя пиджак порван. Живого места не осталось.

— Да уж чего хорошего, — уныло процедил Гюнвальд Ларссон.

XXIV

После того как Бенни Скакке поговорил по телефону с Мартином Беком, события развивались достаточно быстро.

Предварительный осмотр бежевой «вольво» в криминалистической лаборатории в Сольне позволил установить, что в багажнике наряду с другими предметами обнаружена ветошь. Лабораторный анализ показал присутствие на ней никелевой стружки — точно такой, какая была на ветоши, подобранной на месте преступления.

В тот же день была проведена проверка на подчиненной Каю Сюндстрёму фабрике по производству деталей машин, специального инструмента и точных приборов. Никель играл важную роль в производстве, и частицы металла обнаружили во всех цехах в большом количестве. Наконец, в помещении, где обычно стояла машина фабриканта, в углу находилась картонная коробка с ветошью, обсыпанной никелевой стружкой.

Графологическая экспертиза, как и следовало ожидать, показала, что обе записки, обнаруженные на тумбочке Сигбрит Морд, написаны рукой Сюндстрёма.

В письменном столе владельца фабрики лежала пачка конвертов такого же типа, в каком поступала плата за однокомнатную квартиру. Пишущая машинка, на которой были написаны слова «Квартплата С. Ёнссон», стояла на полке рядом с письменным столом.

Криминалисты из Хельсингборга хорошо потрудились в квартире, служившей гнездышком для влюбленных; были, в частности, обнаружены отпечатки пальцев.

Тем самым улики позволяли обвинить Кая Эверта Сюндстрёма в убийстве Сигбрит Морд.

Фабрика находилась в Треллеборге, но фирма перешла к Цецилии Сюндстрём по наследству от отца и по-прежнему значилась под его именем; этим объяснялось, почему старательным треллеборгским сотрудникам не удалось выйти на Кая Сюндстрёма. Фактически он служил директором в фирме собственной супруги.

Во вторник, когда на фабрике шла проверка, директора не было в его кабинете в административном крыле; он приболел и перед обеденным перерывом уехал домой на такси.

«В самом деле приболел, — спрашивал себя Мартин Бек, — или предчувствовал, что надвигается?» Еще до того, как Каю Сюндстрёму могли сообщить о решении произвести обыск в цехах, Монссон поручил двум сотрудникам незаметно взять под наблюдение его виллу в Веллинге.

Настал вечер, когда поступили результаты всех экспертиз и улики были сочтены достаточно вескими, чтобы выдать ордер на арест.

Мартин Бек и Бенни Скакке направились по новому шоссе в Веллинге и около восьми прибыли на место. Для начала они отыскали сотрудников, которые следили за домом из своей машины, найдя укромный уголок на соседней улочке.

— Он дома, — доложил один из сотрудников, как только Мартин Бек подошел к ним.

— Жена ходила в магазин около пяти, — добавил другой. — После этого никто не выходил. Девочки пришли домой с час назад.

У Сюндстрёмов были две дочери, двенадцати и четырнадцати лет.

— Хорошо, — сказал Мартин Бек. — Оставайтесь пока здесь.

Он вернулся к Скакке.

— Подъезжай к воротам и подожди в машине, — попросил он. — Я войду один, но ты будь наготове, мало ли что.

Скакке подъехал к воротам, и Мартин Бек вошел на участок, открыв тяжелую чугунную калитку. От калитки к дому вела дорожка, обсаженная розовыми кустами; перед дверью лежала половина мельничного жернова — ступенька. Мартин Бек нажал кнопку и сквозь дубовую дверь услышал слабую трель.

Открыла женщина. Она была почти такого же роста, как Мартин Бек, стройная, скорее даже худая и костлявая. Как будто под бледной кожей совсем не было плоти. Спинка носа тонкая, чуть изогнутая, высокие выступающие скулы, лицо усеяно веснушками. Каштановые с проседью волосы — густые, волнистые. Насколько он мог судить, она не пользовалась косметикой — губы бледные, тонкие, с горькими складками в уголках. Подняв дуги бровей, она вопросительно смотрела на него из-под тяжелых век красивыми серо-зелеными глазами.

— Комиссар уголовного розыска Бек, — представился он. — Мне нужно видеть фабриканта Сюндстрёма.

— Мужу нездоровится, он отдыхает, — сообщила она. — А в чем дело?

— Извините, что беспокою в такое время, но ничего не поделаешь. Дело срочное, и если он в состоянии…

— Что-нибудь связанное с фабрикой? — спросила она.

— Как вам сказать… — ответил Мартин Бек.

Он не любил такие ситуации. Что он знает об этой женщине? Может быть, она не так уж и счастлива, но это не мешает ей вести спокойный, нормальный образ жизни. Теперь ей предстоит узнать, что она замужем за человеком, который убил свою любовницу.

«Хоть бы эти убийцы семей не заводили», — подумал Мартин Бек и сказал:

— Мне нужно обсудить с вашим мужем кое-какие вопросы…

— Это настолько важно, что нельзя подождать до завтра?

— Да, важно.

Она впустила его в прихожую.

— Подождите здесь, я ему передам.

Прошло почти пять минут, прежде чем появился Кай Сюндстрём. Он был одет в темно-синие фланелевые брюки и такого же цвета свитер. Под свитером голубая рубашка с расстегнутым воротом. Следом за ним спустилась жена. Когда они остановились перед Мартином Беком, он увидел, что она на голову выше мужа.

— Пойди к девочкам, Сисси, — сказал Кай Сюндстрём.

Она посмотрела на него испытующе, с легкой тревогой, но послушалась.

Внешность Кая Сюндстрёма отвечала тому описанию, которое дали Фольке Бенгтссон и Скакке, но Мартина Бека поразило усталое, отрешенное выражение его глаз и рта.

— Я вас слушаю, — сказал он. — В чем дело?

В глазах за очками был страх.

— Вы знаете, в чем дело, — сказал Мартин Бек.

Фабрикант покачал головой, но на верхней губе и на лбу у волос выступили капельки пота.

— Сигбрит Морд… — сказал Мартин Бек.

Кай Сюндстрём повернулся, подошел к наружной двери и сказал, стоя спиной к Мартину Беку:

— Может быть, выйдем во двор? Мне не хватает воздуха.

— Пожалуйста.

Мартин Бек подождал, пока хозяин надевал дубленку. Они вышли, и Кай Сюндстрём медленно направился к калитке, сунув руки в карманы. На полпути остановился и посмотрел на небо. Там мерцали звезды. Он молчал. Мартин Бек подошел к нему.

— У нас есть доказательства, что вы ее убили. Мы были в квартире в Треллеборге. У меня в кармане ордер на арест.

Кай Сюндстрём словно окаменел. Наконец он вымолвил:

— Доказательства? Откуда доказательства?

— Например, ветошь с вашей фабрики. Почему вы ее убили?

— Я был вынужден.

Он говорил глухо, через силу.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Мартин Бек.

— Скверно.

— Может быть, вы последуете с нами в Мальмё, и мы там поговорим?

— Жена…

Он как-то жутко всхлипнул, взялся за сердце, качнулся и внезапно упал головой в розовый куст.

Мартин Бек озадаченно смотрел на него.

Подбежал Бенни Скакке, вместе они повернули Кая Сюндстрёма на спину.

— Пойду вызову «скорую помощь», — сказал Скакке и бегом вернулся к машине. Мартин Бек услышал, как он говорит что-то в микрофон передатчика.

Из дома выбежала жена хозяина, следом за ней обе дочери. Она явно видела все из окна. Решительно толкнула в сторону Мартина Бека, опустилась на колени возле мужа и велела девочкам идти в дом. Они послушались.

Через семь минут приехала «скорая помощь».

Бенни Скакке вместе с Беком не отставал от нее на своей машине и одновременно остановился перед приемным покоем больницы в Мальмё.

Мартин Бек видел, как санитары торопливо внесли носилки с больным в здание. Цецилия Сюндстрём поспешила следом, и когда дверь за ней закрылась, Скакке сказал:

— Ты не пойдешь?

— Пойду, — ответил Мартин Бек. — Но спешить некуда. Сейчас начнется реанимация — электрический шок, массаж, искусственное дыхание…

— Может быть, он скоро придет в себя и врачи разрешат мне поговорить с ним. Хорошо бы запастись магнитофоном.

Скакке повернул ключ зажигания.

— Сейчас привезу.

Мартин Бек кивнул, и Скакке уехал.

Подойдя к дверям реанимационной палаты, Мартин Бек сквозь стекло увидел жену Кая Сюндстрёма. Она неподвижно стояла у окна.

Он сел ждать в коридоре. Через некоторое время послышался стук деревянных башмаков. Женщина в белом халате и джинсах проследовала мимо него и вошла в кабинет по соседству. Надпись на дощечке гласила: «Дежурный врач». Бек постучался и открыл дверь, не дожидаясь приглашения.

Женщина вопросительно посмотрела на Мартина Бека. Он показал удостоверение, затем изложил свою просьбу.

— Сейчас ничего не могу сказать, — ответила она. — Ему делают массаж. Вы можете пока посидеть здесь, в кабинете.

Молодая, живые карие глаза, темно-русые волосы заплетены в толстую косу.

— Вас известят, — сказала она, быстро выходя из кабинета.

На стене висел какой-то маленький аппарат с экраном, по которому слева направо металась светящаяся зеленая точка. Посреди экрана точка подскакивала, и звучал короткий писк. Зеленая точка рисовала ровную кривую, писк раздавался через равные промежутки времени. Чье-то сердце билось нормально.

«Вряд ли это кардиограмма Кая Сюндстрёма», — подумал Мартин Бек.

Через четверть часа он увидел в окно, как возвращается машина Скакке. Вышел, забрал магнитофон и сказал, что тот может ехать домой.

В половине одиннадцатого в кабинет вошла женщина — дежурный врач.

Кризис миновал, Сюндстрём пришел в сознание, состояние сравнительно приличное. Он разговаривал с женой, затем та ушла. Теперь он спит, и его нельзя беспокоить.

— Приходите утром, тогда посмотрим, — заключила она.

Мартин Бек объяснил ей положение, и в конце концов она неохотно согласилась разрешить ему переговорить с Каем Сюндстрёмом, как только тот проснется. И проводила его в другой свободный кабинет.

Мартин Бек увидел лежак с зеленой клеенкой, табуретку и этажерку с тремя зачитанными религиозными журналами. Поставил магнитофон на табурет, устроился на лежаке и уставился в потолок.

Он думал о Кае Сюндстрёме и его жене. Сильная женщина. Сильный характер. Потом он подумал о Фольке Бенгтссоне, потом о Рее и наконец уснул.

Дежурный врач разбудила его в половине шестого.

— Он проснулся, — сообщила она. — Постарайтесь не утомлять его чрезмерно.

Кай Сюндстрём лежал на спине, глядя на дверь.

На полке над изголовьем стоял такой же аппарат, какой Мартин Бек видел в кабинете дежурного.

Тремя проводами разного цвета он соединялся с маленькими круглыми электродами, прикрепленными пластырем к груди Кая Сюндстрёма. Зеленая точка плыла по экрану, но писк звучал совсем слабо.

— Как самочувствие? — спросил Мартин Бек.

Кай Сюндстрём теребил простыню.

— Ничего. Не знаю толком. Я не помню, что произошло.

Без очков лицо его казалось моложе и мягче.

— А меня помните?

— Помню, что вы приехали и мы вышли во двор. Больше ничего.

Мартин Бек вытащил из-под кровати длинную скамеечку, поставил на нее магнитофон, прицепил микрофон на краю постели. Пододвинул стул и сел.

— Вы припоминаете, о чем мы говорили?

Кай Сюндстрём кивнул.

— Сигбрит Морд, — продолжал Мартин Бек. — Почему вы ее убили?

Больной полежал с закрытыми глазами, потом открыл их и заговорил:

— Я болен. Мне не хочется об этом говорить.

— Как познакомились с ней?

— В кондитерской, где она работала. В то время я, бывало, заходил туда выпить чашку кофе.

— Когда это было?

— Три-четыре года назад.

— Так, дальше.

— Один раз я увидел ее на улице и предложил подвезти. Она согласилась, объяснив, что оставила свою машину в мастерской. Я отвез ее домой. Потом она рассказала, что нарочно все придумала, потому что хотела узнать меня ближе.

— Вы отвезли ее и вошли в дом? — спросил Мартин Бек.

— Да, и тогда же началась наша близость. Вас ведь это интересует?

Кай Сюндстрём посмотрел на Мартина Бека, потом отвернулся к окну.

— Вы продолжали встречаться у нее дома?

— Несколько раз. Но это было слишком рискованно. Я женат, а она хоть и разведена, но ведь от сплетен спасу нет. Я нашел небольшую квартирку в Треллеборге, где мы могли встречаться.

— Вы ее любили?

Кай Сюндстрём фыркнул.

— Какая там любовь. Просто влечение. Жена-то давно остыла. И никогда особым жаром не отличалась. Я чувствовал себя вправе завести любовницу. Но если бы жена об этом узнала — взбесилась бы. Потребовала бы развод.

— А Сигбрит Морд вас любила?

— Наверно. Сначала я решил, что у нее просто влечение, как у меня, но потом она начала говорить о том, чтобы я переехал к ней.

— Когда она начала об этом говорить?

— Весной. Все шло хорошо, мы встречались раз в неделю на квартире, которую я снял. Вдруг она стала говорить, что нам надо пожениться, она хочет ребенка. Ее не смущало, что я женат, что у меня дети. Мол, разводись, и все тут.

— А вы не хотели разводиться?

— Ни в коем случае. Во-первых, мы с женой и детьми неплохо ладим. А во-вторых, взять развод для меня означало разориться. Дом, где я живу, принадлежит жене, фабрика тоже, хотя все дела веду я. Развестись — значит остаться без денег и без работы. А мне пятьдесят два года. Я трудился как вол на этой фабрике. Неужели я стал бы бросать все ради Сигбрит. К тому же она рассчитывала на мои деньги. — Кай Сюндстрём порозовел, и глаза его немного ожили. — Да и поднадоела она мне. Я еще зимой начал подумывать, как бы покончить с этим делом, чтобы ее не обидеть.

«И придумал способ…» — сказал себе Мартин Бек.

— А что случилось? — спросил он. — Она вела себя назойливо?

— Угрожать начала! Сказала, что пойдет к моей жене. Пришлось обещать, что я сам поговорю о разводе. На самом-то деле у меня ничего такого в мыслях не было. А как поступить? Ночами не спал, все думал…

Он смолк, закрыл глаза рукой.

— А рассказать жене?

— Исключено. Она мне никогда не простила бы. Она за строгую мораль, в таких делах от своих принципов ни на шаг не отступит. К тому же страшно боится людской молвы, дорожит приличиями. Нет, у меня был… никакого выхода не было.

Мартин Бек помолчал, потом сказал:

— Все же вы придумали выход. Правда, не очень хороший.

— Я думал, думал, чуть с ума не сошел. Наконец дошел до точки. Хотел только избавиться от нее, от всего этого нытья и угроз. Все способы перебрал. Потом узнал, что сосед ее — сексуальный маньяк. И решил подстроить убийство так, чтобы на него подумали. — Он быстро глянул на Мартина Бека и добавил чуть ли не с торжеством: — Вы ведь так и подумали?

— А вы не подумали о том, что за ваше преступление могут осудить невиновного?

— Тоже мне невиновный. Он же убил человека. Ему вообще не место на воле.

— И что же вы сделали?

— Подобрал ее на машине, когда она ждала автобуса. Я знал, что ее машина на профилактике. И отвез ее в одно место, которое присмотрел заранее. Она решила, что у меня любовь на уме. Мы летом иногда ездили в лес.

Внезапно глаза его, обращенные на Мартина Бека, стали стеклянными. Он изменился в лице, рот открылся, губы натянулись, из горла вырвался хрип. Мартин Бек глянул на экран аппарата — зеленая светящаяся точка медленно ползла по прямой. И звучал тихий непрерывный писк.

Мартин Бек нажал кнопку звонка и выскочил в коридор.

Через минуту палату заполнили люди в белых халатах.

Мартин Бек ждал в коридоре. Немного погодя дверь отворилась, и ему протянули магнитофон.

Он открыл рот, но человек в белом халате опередил его:

— Боюсь, на этот раз ему не выкарабкаться.

Дверь закрылась. Мартин Бек обмотал микрофон проводом и сунул в карман, где лежал выписанный по всем правилам ордер на арест.

Ордер так и не пригодился. Через три четверти часа вышел врач и сообщил Беку, что жизнь Кая Сюндстрёма спасти не удалось.

Мартин Бек поехал в полицейское управление, отдал Перу Монссону пленку с записью и поручил ему заканчивать дело.

Потом отправился на такси в Андерслёв.

В поле лежал густой серебристый туман. Видимость всего несколько метров, по бокам различались только канавы с пожелтевшей сухой травой и клочками снега.

Рад сидел за столом в своем кабинете и пил чай, листая какие-то циркуляры. Тимми лежал у него в ногах. Мартин Бек опустился в кресло, и Тимми восторженно приветствовал его. Мартин Бек оттолкнул пса и вытер лицо платком. Рад отложил бумаги и посмотрел на него:

— Устал?

— Спасибо.

Рад вышел на кухню, принес фарфоровую кружку, налил в нее чай.

— Сразу домой поедешь? — спросил он.

Мартин Бек кивнул:

— Самолет через два часа. Если только взлетит в такой туман.

— А мы через час позвоним и справимся. Может, разойдется. Комната в гостинице за тобой?

— Да. Я прямо сюда проехал.

— Тогда пойди и поспи. Я разбужу тебя, когда надо будет выезжать.

Мартин Бек кивнул. Он и впрямь сильно устал.

Собрав свои вещи, он прилег и почти сразу уснул. Успел только подумать: надо позвонить Рее.

Проснулся он от стука, вошел Херрготт Рад. Бросив взгляд на часы, Мартин Бек с удивлением обнаружил, что спал больше трех часов.

— Туман расходится, — сообщил Рад. — Я не хотел тебя зря беспокоить, но теперь пора.

В машине, на пути к аэропорту, Рад сказал:

— Фольке уже дома. Я проезжал мимо Думме полчаса назад, он полным ходом курятник ремонтирует.

Солнце пробилось сквозь туман, на аэродроме их заверили, что самолет скоро вылетит. Мартин Бек сдал багаж и проводил Рада обратно к машине. Почесал за ухом Тимми, который лежал на заднем сиденье. Потом хлопнул по спине Рада:

— Ну, спасибо тебе.

— Надеюсь, приедешь еще? — отозвался Рад. — Только не по делам службы. Больше в моем участке убийств не должно быть. Приезжай в отпуск.

— Посмотрим, — ответил Мартин Бек. — Ну, пока.

Рад сел в машину.

— Поохотимся на фазанов, — подмигнул он.

Мартин Бек проводил взглядом красную машину. Потом вошел в здание аэропорта и позвонил Рее Нильсен.

— Я буду дома часа через два, — сказал он.

— Тогда я сейчас поеду к тебе, — ответила она. — Приготовлю обед. Пообедаешь?

— Конечно.

— Я новое блюдо освоила. И по дороге вина куплю.

— Отлично. Я соскучился.

— Я тоже. Не задерживайся.

И вот Мартин Бек в воздухе.

Самолет сделал широкий вираж, внизу простиралась залитая солнцем равнина, а еще дальше переливалось блестками море. Потом все пропало, самолет вошел в облако и взял курс на север.

Мартин Бек возвращался домой.

И дома его ждали.

1

Я рад видеть вас, капитан *(англ.)*

2

Justifiable homicide — убийство при смягчающих вину обстоятельствах.